

Л.С. РУБАН

**ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
в 5-ти томах**

Том 3

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ,
ГЕОПОЛИТИКА И ГЛОБАЛИСТИКА**

**МОСКВА-ПЕКИН
2022**

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ФГБОУ ВО «АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. В.Н. ТАТИЩЕВА»**

**ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ
КИТАЕМ И РОССИЕЙ ПРИ УНИВЕРСИТЕТЕ ЦИНХУА (КНР)**

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ «ДИАЛОГОВОЕ ПАРТНЁРСТВО
КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ И ИНТЕГРАЦИИ»
(«МОСТ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ»)**

Л.С. РУБАН

**ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
в 5-ти томах**

Том 3

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ,
ГЕОПОЛИТИКА И ГЛОБАЛИСТИКА**

МОСКВА-ПЕКИН

Academia

2022

УДК 327.5
ББК 66.4
Р 82

Рецензенты:

Д.полит.наук, проф. Другов А.Ю., Институт востоковедения РАН,
Д.и.наук, проф. Мосяков Д.В., Институт востоковедения РАН

Рубан Л.С.

Избранные произведения в пяти томах. Том 3. Международные отношения, геополитика и глобалистика / под ред. академика РАН Балегги Ю.Ю., Аликберова А.К. и проф. Баяевой Л.В. / ФГБУН «Институт востоковедения РАН», ФГБОУ ВО «АГУ им. В.Н. Татищева», ИССКР при Унив-те Цинхуа, Международный проект «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком»). Москва-Пекин: АНО ИПЦ БиблиоТВ, 2022. 245 с.

В третьем томе представлены авторские исследования международных отношений, геополитики и глобалистики, в которых отражена дискуссия о современном миропорядке и его эволюции (биполярный, однополярный, многополярный) и мнение автора по этому вопросу на основе результатов международных экспертных опросов, проводившихся в шестнадцати странах за период с 2005 по 2019 гг. Фокус международных исследований сделан на Каспийском и Азиатско-Тихоокеанском регионах, тем более, что последний является самым динамично развивающимся регионом мира. Кроме того, в книге описаны научные мероприятия, выполненные в рамках международного проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком»).

Книга рекомендована к печати Учёным советом Института востоковедения РАН и Институтом стратегического сотрудничества Китая и России при Университете Цинхуа.

ISBN 978-5-87531-141-3

© ФГБУН ИВ РАН, 2022
© Рубан Л.С., 2022

ПОСВЯЩАЕТСЯ

35-летию Международного проекта

В пяти томах избранных произведений обобщается 40-летний опыт научно-исследовательской работы профессора **Рубан Ларисы Семеновны**, доктора социологических наук, главного научного сотрудника Института востоковедения РАН, руководителя Отдела исследования проблем международного сотрудничества ИСПИ ФНИСЦ РАН и международного проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком»), члена Учёного совета и Почётного профессора Института стратегического сотрудничества Китая и России при Университете Цинхуа.

Профессор Рубан Л.С. с Е.П. Послом ЮАР Номасонто М. Сибанда Туси (слева) и Е.П. Послом Габона Жоанной Роз Мамьяка (справа) на приёме в Посольстве Сингапура. Москва. 2016 г.

Часть I

Международное сотрудничество проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком») и исследования международных отношений, геополитики и глобалистики

Моё участие в международных отношениях началось в 1967 г., когда я как активная пионерка инициировала работу нашей школьной пионерской дружины в помощь школьникам борющегося Вьетнама. Мы работали на полях колхоза по сбору овощей, а на полученные средства были приобретены учебные принадлежности и переданы через вьетнамское землячество в г. Астрахани учащимся в СРВ.

В 1988 г. я обратилась в идеологический сектор Астраханского обкома партии с предложением создать проект по исследованию межнациональных отношений, формированию межнационального согласия, толерантности и интернационализма. Инициативу поддержали. Так начал работу наш проект «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции», который в 2000 г. получил статус международного. Проект включает 5 программ:

- 1) по разрешению конфликтов и межэтническим отношениям, в т.ч. программу «Молодёжь в полиэтничных регионах: взгляды, позиции, ориентации»,
- 2) по безопасности и контртерроризму,
- 3) по нефтегазовым ресурсам в контексте энергетической безопасности,
- 4) по миграции, 5) культурные и образовательные программы.

Наши зарубежные партнёры:

- Университет Цинхуа, Институт стратегического партнёрства Китая и России (Пекин, КНР),
- Китайский нефтяной университет (Пекин, КНР),
- Китайско-Российский Центр по сотрудничеству в гуманитарных науках и технологиях (Нинбо, КНР),
- Китайская ассоциация стратегических исследований (КНР),
- Университет г. Ниццы София-Антиполис (Франция, 2006-2019 гг.),
- Русский дом в Ницце (2006-2019 гг.),
- Университет Дж. Неру (Нью-Дели, Индия),
- Международные программы Великобритании (2007-2017 гг.):
 - «Толерантность и многообразие» (в образовательной сфере) и «Energy Exchange» (в энергетической),
 - Гёте-Институт в Москве (Германия, 2012-2021 гг.),
 - Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва

(Казахстан).

Мы также сотрудничаем с научно-исследовательскими и образовательными организациями стран АТР и Латинской Америки: Ассоциациями стратегических исследований, Центрами по изучению безопасности, с которыми проводим совместные исследования, результаты которых ежегодно докладываются на Форумах и международных конференциях, где проходит обмен опытом и координация взаимодействия. Проводятся консультации с представителями государственных органов, дипломатических и силовых ведомств, ведущими аналитиками, специалистами образовательной и социальной сфер, деловых кругов, НГО. Материалы наших исследований регулярно публикуются.

Сотрудничество в образовательной и профессиональной сфере реализуется через разработку, издание и внедрение учебных программ и учебных пособий, проведение тренингов, лекций, семинаров, деловых игр и мастер-классов. Распространение информации осуществляется через публикации статей и монографий, презентации книг и проектов, проведение международных Форумов, конференций, круглых столов, учебных мероприятий, а также через эффективную коммуникацию со СМИ.

Наш проект тесно сотрудничает с профильными Комитетами Государственной Думы и Совета Федерации России, Департаментами МИД РФ, Федеральным агентством по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом и международному гуманитарному сотрудничеству («РОССОТРУДНИЧЕСТВО») и НК «Деловой Центр экономического развития СНГ».

Переговоры и передача изданий проекта «РОССОТРУДНИЧЕСТВУ»
Москва. 2012 г.

Руководитель «РОССОТРУДНИЧЕСТВА» Косачёв К.И. (справа),
руководитель проекта Рубан Л.С. (слева). Москва. 2012 г.

29 октября 2013 г. прошла рабочая встреча с партнёрами проекта из Казахстана: директором Казахстанского института стратегических исследований Султановым Б.К. (второй слева) и зав. кафедрой толерантности Национального университета им. Л.Н.

Гумилёва Башмаковым А.А. по сотрудничеству в исследовательской работе.

Всё началось с моей первой заграничной поездки в 1991-1992 гг., когда я участвовала в международной школе по политическим наукам в Таллине со стажировками в Университете Стокгольма, Шведском парламенте и Университете Хельсинки. Эти поездки позволили мне ознакомиться с европейской политической наукой и коллегами-социологами и политологами из Прибалтики, Швеции, Финляндии и США, их методами проведения исследований, а также поделиться своими работами, которые были напечатаны в Rapog-press, Weekly review of the Baltic post-soviet policy № 1 и № 8, 1992.

С немецкими коллегами мы начали сотрудничать с лета 1994 г. во время моего приезда в Берлин для участия во Всемирном конгрессе политической науки (XVI the IPSA International Congress), где я выступила на секции М. Титмы с докладом об изучении конфликтных процессов и их урегулировании в полиэтничных регионах на основе лонгитюдных исследований школьной молодёжи в г. Астрахани.

Мы обменивались результатами исследований и участвовали в мероприятиях Фонда Эберта: 1 июня 1999 г. мы выступили на Международной научной конференции в г. Астрахани, посвящённой развитию Каспийского региона; в июле 2000 г. в Ялте – на Международной научно-практической конференции «ГУУАМ: проблемы и перспективы развития транспортно-коммуникационных коридоров», где я выступила с докладом «Природные ресурсы в зоне БКМ: использование и проблемы безопасности», а в сентябре 2001 г. в г. Пушкин в конференции «Сотрудничество в Европе: перспективы и вызовы развития» с докладом «Характеристика ситуации на Кавказе и

Юге России в контексте безопасности». В марте 2021 г. мы участвовали в Международной научно-практической конференции Филиала Фонда Розы Люксембург (Германия) в РФ «Постсоветское пространство и внешние акторы» с докладом «Эволюция отношений каспийских государств и нерегиональных держав». Однако самое активное сотрудничество в начальный период сложилось с научно-исследовательскими организациями Канады (с Ассоциацией университетов и колледжей Канады, Университетом Торонто, Йорка и Карлтонским университетом в Оттаве и Университетом Квебека в Монреале) и США (Институтом Кеннана, Смитсоновским центром, Институтом мира, Фондом Карнеги, Университетом Дж. Мэйсона и др.)

В 1994 г. я принимала участие в конференции IREX в Торонто по постсоветскому развитию *Seventh Annual Summer Workshop on Soviet and Post-Soviet Politic and Society*, а в 1995 г. стажировалась в Университете Торонто и Йоркском университете по теме «Вынужденная миграция». В мае 1995 г. я выступила с докладом по ситуации в Чечне на конференции «Регионы России» в Оттаве, в июне 1995 г. – на конференции «*Learned Societies conference*» Университета Квебека в Монреале по гражданскому формированию школьной молодёжи в полиэтничном регионе (по результатам лонгитюдных этноконфликтологических исследований в г. Астрахани и Астраханской области). В августе 1995 г. я участвовала в Сент-Луисе Летнем семинаре USIA по американской политической системе в Университете Южного Иллинойса с поездкой в Вашингтон для посещения Парламента, Судебной палаты и Библиотеки Конгресса США.

Во время стажировки в 1997 г. в Институте Кеннана в Вашингтоне я имела возможность консультироваться со специалистами Института мира, Института конфликта и анализа Университета Дж. Мейсона в Фэрфаксе, Фонда Карнеги, посещать открытые лекции и мероприятия Университета Дж. Вашингтона, а также участвовать во Всеамериканских конгрессах по социологии и политической науке (*92nd Annual Meeting of the American Sociological Association «Bridges for Sociology. International and Interdisciplinary»* (в Торонто, Канада) и *Annual Meeting of the American Association of Political Science* (в Вашингтоне)). Мне довелось провести «*Braun Bag*» семинар по межэтническим конфликтам в Институте по анализу и разрешению конфликтов Университета Дж. Мэйсона в Фэрфаксе, где я познакомила коллег со своими этнополитическими и социологическими исследованиями на Северном Кавказе, Астраханской области, г. Астрахани и в бассейне Каспийского моря, а также представила им свою монографию «Чеченский узел кавказского кризиса» (1996).

В октябре 1997 г. я выступила с докладом по политическим аспектам энергетической безопасности на конференции «Безопасность, процветание, идентичность. Динамика изменения мирового порядка» («Security, Prosperity, Identity. Dynamics of a Changing Global Order») в Калифорнийском университете в Дэвисе, и прочитала лекции по геополитической ситуации на Кавказе и бассейне Каспийского моря в Институте международных исследований Миддлбери в Монтерее (MIS) в Калифорнии.

Лекция профессора Рубан Л.С. в Институте международных исследований Миддлбери в Монтерее (MIS). Октябрь 1997 г.

После моего возвращения в Россию я принимала участие в семинарах Института Кеннана в Москве, а именно: в конференции «Россия в XXI веке: проблемы и перспективы», состоявшейся в июне 2000 г. в Иркутске, где выступила с докладом по проблемам федерализма; в международной конференции «Региональная динамика в бассейнах Чёрного и Каспийского морей», организованной IREX и Бюро экономических и культурных обменов (США) 2-3 сентября 2000 г. в Одессе; в ноябре 2000 г. в Москве я выступила с лекцией, в которой были обобщены результаты исследований проекта за 12 лет по данной тематике, перед выпускниками программ IREX.

В 2018 г. Институт Кеннана дал возможность своим выпускникам опубликовать исследования в журнале Scopus «Вопросы государственного и муниципального управления», где на английском языке вышла моя статья в № 5 за февраль 2018 г. «The Expert Assessment of the Situation in the Asia-Pacific Region by the Scholars,

Businessmen and Decision Makers (based on the Results of the International Expert Survey in APR in the Period 2005 to 2016)» («Экспертная оценка ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе учёными, бизнесменами и лицами, принимающими решения (по результатам международного экспертного опроса в АТР в период с 2005 по 2016 гг.)»). Очень интересными были вечера выпускников Института Кеннана, на которых можно было поделиться опытом с российскими и американскими коллегами, узнать новости научной жизни и получить журнал Вестник Кеннана.

В 2004 г. будучи профессором МГИМО, я прошла стажировку в APCSS (Центре по изучению Азиатско-Тихоокеанской безопасности) в Гонолулу, где повышает квалификацию военная, политическая, дипломатическая, интеллектуальная и бизнес-элита стран АТР, что позволило потом успешно проводить экспертные опросы в 16 странах АТР (СВА и ЮВА). Эти опросы мы стали проводить с 2005 г., когда я проходила стажировку в Исследовательском центре «Восток-Запад», разрабатывая тему энергетической безопасности в АТР.

Обмен опытом с коллегами в Центре «Восток-Запад»:
вверху с Нэнси Льюис, зам. директора EWC по науке,
внизу слева – Ким Чонг Нам и Кан Ву – справа.

Гонолулу, декабрь 2008 г.

С 2004 г. наш проект сотрудничает с «Тихоокеанским Форумом» (США).

Президент Форума Р. Козза – слева, профессор Рубан Л.С. – в центре и директор по исследованиям Б. Глоссерман – справа.

В 2008-2009 гг. мы имели возможность провести консультации по развитию Азиатско-Тихоокеанского региона со специалистами Гавайского университета на Маноа в Гонолулу (США).

Общественный декан Колледжа социальных наук,
доктор экономики Ли Чун.

В исследовательский центр «Восток-Запад» мы передали результаты наших исследований в АТР и публикации.

Передача изданий проекта директору по исследовательской работе
Центра «Восток-Запад» Н. Льюис. Октябрь 2015 г.

В октябре 2008 г. во время празднования 20-летнего юбилея проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком») мы вручили юбилейные медали директору Московского офиса Фонда Карнеги Р. Готтемюллер, профессору Л. Данну, вице-президенту Международной научной корпорации, и директору Института Кеннана Б. Рублу.

1 июня 2010 г. в Московском Центре Карнеги мы провели совместную международную конференцию «Сотрудничество в

Азиатско-Тихоокеанском регионе: безопасность, экономика, культура и образование», где прошла презентация проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком»). С докладами выступили послы ряда стран АТР и СНГ. За проведение мероприятия и многолетнее сотрудничество меня наградили дипломами и медалью Кремлёвского форума «ТЭК России в XXI веке», НК «Деловой центр экономического развития СНГ», дипломами и Почётной грамотой APWG (Азиатско-Тихоокеанской женской группы), Посольства Филиппин в РФ, памятным адресом и ценным подарком от Посольства Казахстана в России.

В декабре 2007 г. началось сотрудничество нашего проекта с Центром культурных исследований и обмена между Китаем и Россией Университета Цинхуа (г. Пекин, КНР).

Мы были соорганизаторами Второго Российско-Китайского саммита в Москве в 2008 г.

Передача изданий проекта «Диалоговое партнёрство» Университету Цинхуа и Ассоциации стратегических исследований в Посольстве Китая в Москве. 2008 г.

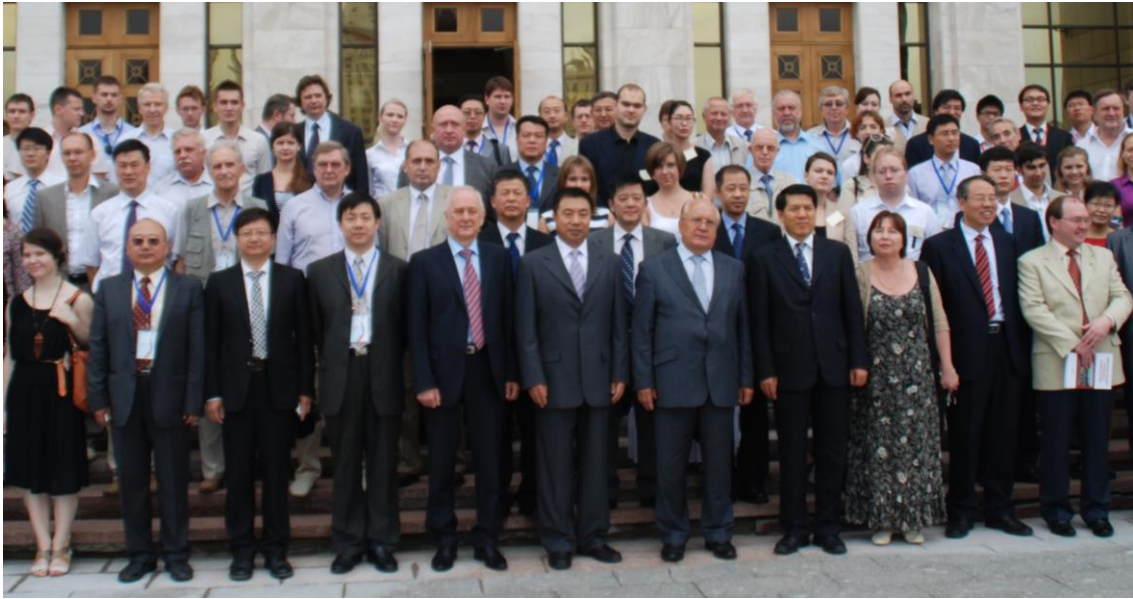
В августе 2010 г. совместно с Университетом Цинхуа и Китайской ассоциацией стратегических исследований в Даляне был проведён ежегодный Международный экспертный семинар по энергетической безопасности и сотрудничеству в сфере ТЭК между Россией и Китаем, а в сентябре 2010 г. мы принимали китайскую делегацию из Университета Цинхуа в Москве в ИНЭИ РАН.

Прошла встреча в Деловом Центре экономического развития СНГ в Исполкоме СНГ и презентация книги «Проблема восточного участка китайско-российской границы глазами китайских, российских и западных учёных» профессора Ван Ци на международной книжной выставке-ярмарке на ВДНХ.

После открытия Института стратегического сотрудничества между Китаем и Россией (ИССКР) при Университете Цинхуа мы проводим совместную работу по гуманитарным, политическим и инновационно-технологическим исследованиям, о результатах которой регулярно докладываем на совместных конференциях и форумах.

2-й Российско-Китайский молодёжный инновационный форум в МГУ.
г. Москва. 11 июля 2012 г.

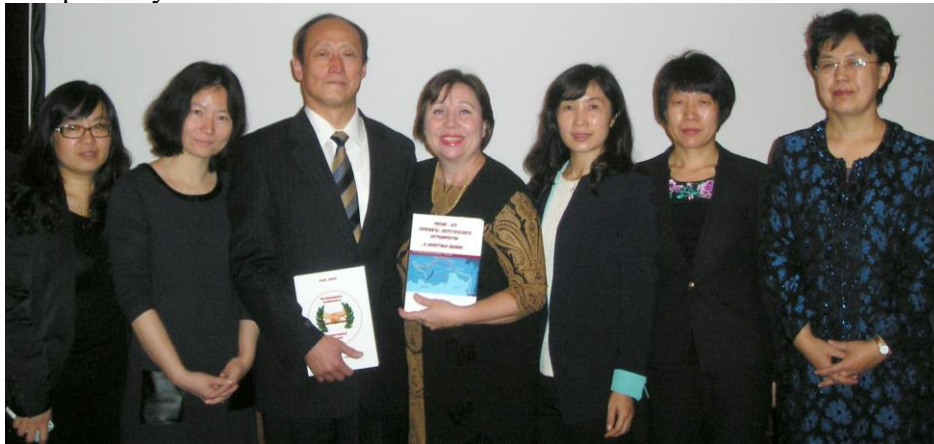
15 июля 2012 г. ИДВ РАН. Слева – академик Титаренко М.Л., справа –
вице-президент Китайской академии общественных наук Чжу Цзяму,
в центре – профессор Рубан Л.С.

В июле 2013 г. в Университете Цинхуа прошла встреча с ведущими СМИ Китая и передача монографии «Россия-АТР: горизонты энергетического сотрудничества» и учебников по толерантности факультету журналистики Университета Цинхуа.

3 июля 2013 г.

16-18 октября 2013 г. в Москве мы приняли участие в XX-й международной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» по теме: «Китай в эпицентре глобальных проблем Азиатско-Тихоокеанского региона» в Институте Дальнего Востока Российской академии наук. Торжественно прошла передача изданий Центра «Диалоговое партнёрство «Восток – Запад» ИНЭИ РАН по энергетике и разрешению конфликтов Цзилиньскому университету КНР.

В центре слева: Чжу Сяньпин, директор Института Северо-Восточной Азии и профессор Рубан Л.С. г. Москва. 16 октября 2013 г.

Наше сотрудничество с китайскими партнёрами активно развивается. В марте 2015 г. в Торгово-промышленной палате России мы приняли участие в российско-китайском видеомосте «Сотрудничество с Китаем как двигатель развития».

В мае 2016 и 2017 гг. мы участвовали в Международном Форуме Российского совета по международным делам «Россия и Китай: к новому качеству международных отношений». Я дала интервью по основам реформирования госслужбы в России крупнейшей китайской газете «Хуань Чу Ше Бао» («Глобальные времена», Пекин).

В 2017 г. мы приняли участие российско-китайских научных конференциях и Форумах: в пресс-конференции «China Commodity Fair: Платформа для развития российско-китайского бизнеса» 17 мая 2017 г. в ТАСС; в торжественной церемонии открытия «Недели СМИ, журналистики, изданий, радиовещания и телевидения провинции Хубэй в России» 23 мая 2017 г. в РИА «Россия сегодня»; в международной конференции «Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений» Российского совета по международным делам и Общества Российско-Китайской дружбы 29-30 мая; в Международной научно-практической конференции в Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова «Россия и Китай: вызовы и перспективы международной интеграции» с докладом «Энергетическое сотрудничество России и Китая как стратегический фактор межгосударственных отношений»;

– в выставке «China Commodity Fair: Платформа для развития российско-китайского бизнеса» и Российско-китайском Форуме «Business with China» в ЦВК «Экспоцентр» 30-31 мая 2017 г., где я ознакомила участников с деятельностью проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком») и вручила им издания и буклеты. В 2018 и 2019 гг. мы также принимали участие в выставке «China Commodity Fair».

15 февраля 2018 г. я выступила на ежегодном семинаре Института стран СНГ и диаспор «Проблемы текущего состояния и развития Шанхайской организации сотрудничества».

10 апреля 2018 г. в Москве в ИСПИ РАН я прочитала лекцию «Развитие международных отношений в АТР по результатам международных экспертных опросов (2005-2019 гг.)» магистрантам Казахского национального университета им. Аль-Фараби из Китая и Казахстана и ознакомила их с результатами изучения ситуации в АТР и провела консультации по проведению исследовательской работы.

22 мая 2018 г. мы выступили на международной конференции «Связанные одним поясом: российско-китайское сотрудничество в рамках инициативы «Пояс и путь», а 29 октября 2018 г. в Торгово-

промышленной палате России на круглом столе Совета по развитию внешней торговли по сотрудничеству с Китаем и встрече с делегацией округа Ханьян г. Ухань (КНР) с докладом «Опыт сотрудничества проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» с китайскими партнёрами». Китайской делегации были переданы в дар монографии по ситуации в АТР и буклеты проекта.

В сентябре 2018 г. в Пекине мы поздравили Китайский нефтяной университет с 65-летним юбилеем и приняли участие в Форуме по энергетической безопасности и экологическому развитию в рамках стратегии «Один пояс – один путь», где я выступила с докладом «Нефтегазовые прогнозы: их оперативность и эффективность».

В феврале 2019 г. в Москве состоялись переговоры по сотрудничеству с Пан Чанвэем, директором Центра исследования России и Центральной Азии и Центра международной нефтяной политики Китайского нефтяного университета.

1 марта 2019 г. на Международном экспертном семинаре «Энергетическое сотрудничество стран ШОС» в г. Санья (КНР) я сделала доклад «Проблемы и перспективы энергетического сотрудничества стран ШОС».

Эта тема была продолжена в ИСПИ РАН 17 сентября 2019 г. на консультационной встрече-дискуссии по развитию энергетической ситуации в АТР с коллегами из Китайского института международных исследований: директором Центра изучения международной энергетической стратегии МИД КНР Ши Цзе (в центре), ИО директора Центра «Один пояс – один путь» Департамента европейских и центрально-азиатских исследований Ли Циго (слева) и научным сотрудником Центра Яном Чэньси (справа), которым были переданы буклеты и издания проекта.

20 декабря 2019 г. в ИСПИ РАН состоялась деловая встреча с представителями Посольства КНР в РФ: Полномочным министром Су Фанцю (вверху в центре) и советником Чжан Юань (внизу в центре).

12 декабря 2019 г. на деловой встрече и консультациях по энергетической безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе с вице-президентом компании CNPC в России Пэй Цзяншэном китайским коллегам были переданы печатная и компьютерная версии монографии «АТР глазами экспертов» (международная экспертиза 2005-2019 гг.) – совместного издания ИСПИ РАН, МГИМО МИД России, Университета Цинхуа и Китайского нефтяного университета, книги по исследованиям в Каспийском регионе, буклеты и монография «Восточный маршрут российских углеводородов» (автор Рубан Л.С.), спонсором издания которой была китайская компания «СИНОПЕТРО».

В конце декабря 2019 г. мы начали новое направление сотрудничества совместно с Институтом стратегического сотрудничества Китая и России при Университете Цинхуа и Китайско-Российским Центром по сотрудничеству в гуманитарных науках и технологиях в Нинбо в рамках Перекрёстного года 2020-2021 России и Китая по научно-техническому развитию, инноватике и технологиям. Мы передали нашу совместную монографию «АТР глазами экспертов (международная экспертиза 2005-2019 гг.)» в Министерство иностранных дел Российской Федерации, учебные и научные заведения России и Китая.

На 15-16 июня 2021 г. мы провели 18-й Российско-Китайский экспертный Форум «Ресурсная и технологическая основа устойчивого развития», организаторами которого выступили с российской стороны ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН, а с китайской – Институт стратегического сотрудничества Китая и России при Университете Цинхуа и Китайско-Российский Центр по сотрудничеству в гуманитарных науках и технологиях (Нинбо).

Наши французские партнёры:

Университет Ниццы София

Антиполис (2006-2019 гг.)

2008 г. Слева: проф. К. Валлар, в центре:
президент Университета А. Моруани,
справа: проф. Рубан Л.С.

Традиционно ректоры Университета были
членами редакционной коллегии изданий
нашего проекта.

С 2013 по 2017 г.
проф. Ф. Видаль
возглавляла
Университет

С 2018-2019 гг.
президент
Университета
профессор
Э. Трик

Мы сотрудничали с Университетом Ниццы София-Антиполис с
2006 г., тогда в дар университету были переданы монографии проекта
по энергетике и учебники по разрешению конфликтов. Эта традиция
стала ежегодной и включала также лекции и мастер-классы на базе
Русского дома г. Ниццы.

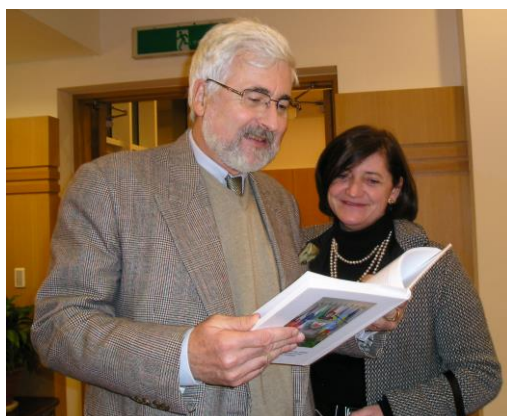
В декабре 2012 г. мы вместе с Университетом Ниццы София
Антиполис выпустили учебное пособие по развитию толерантности, а
в мае 2013 г. вышло второе издание этого пособия, в котором также
принимали участие коллеги из Русского дома в Ницце, для которого
мы подготовили серию книг для детей и взрослых, которая вызвала
интерес у русскоговорящего населения.

Передача книг Президенту Русского дома Ниццы Элен Метлов.

С 1999 г. мы сотрудничали в области гуманитарных и социальных наук с Центром Франко-российских исследований (ЦФРИ) со дня его открытия в Москве, так как этот Центр был создан, чтобы развивать междисциплинарные исследования и служить плодотворному сотрудничеству французских и российских учёных, укреплять научные связи между Россией и Францией во всех областях наук о человеке и обществе. Мы участвовали в проводимых ЦФРИ круглых столах, конференциях и семинарах. Особо хотелось отметить конференции ЦФРИ, посвящённые межнациональным и межрасовым отношениям (в 1999-2007 гг.), по гуманитарным дисциплинам (в частности, мы принимали участие в конференции по влиянию французской культуры на российский истеблишмент в XVIII-XIX веках, проведённой в Музее Останкино в июне 2009 г.), собравшей учёных из Франции, Германии, США, России и постсоветского пространства.

В 2012 г. мы участвовали во франко-российской конференции ЦФРИ на базе Государственной библиотеки иностранной литературы имени М.И. Рудомино, посвящённой развитию детективной литературы во Франции и России и собравшей лучших авторов детективного жанра из наших стран. Участники форума были приглашены на торжественный приём в резиденцию Посла Франции в России, где мы передали издания проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» Послу Франции Ж. Глиниасте.

Мы принимали участие в семинарах ЦФРИ по миграции на базе Высшей школы экономики в 2014-2018 гг., кстати, в 2015 г. мы организовали в Париже деловую встречу со специалистами Национального института демографических исследований (INED) по обмену опытом и передали им издания нашего проекта. Французским коллегам был предложен исследовательский проект «Предотвращение этнических конфликтов и адаптация мигрантов в условиях столичного мегаполиса (французский и российский опыт)».

Знаковым событием в июне 2015 г. стала Международная конференция ЦФРИ по 2-й Мировой войне «Европа, 1945. Освобождение. Оккупация. Возмездие», проведённая в Москве в ВШЭ в 70-летний юбилей великой Победы над фашизмом стран антигитлеровской коалиции.

11-12 ноября 2016 г. в 50-летний юбилей научного сотрудничества России и Франции и 20-летний юбилей Российского фонда фундаментальных исследований и Французского фонда научных исследований в Доме учёных в Москве мы участвовали в международной конференции, посвящённой этим знаменательным датам. Я выступила на круглом столе по результатам исследований авторской программы «Молодёжь в полиэтничном регионе: взгляды, позиции, ориентации». 26-27 июля 2017 г. мы приняли участие в Международной конференции ЦФРИ «Что такое Просвещение? Новые ответы на старый вопрос» в музее Кусково.

27 марта 2019 г. были проведены консультации с директором ЦФРИ Венсаном Бенетом по развитию сотрудничества. Французские коллеги были приглашены на совместный с Союзом писателей России симпозиум по взаимопроникновению культур, который состоялся в Государственной библиотеке искусств им. А.П. Боголюбова, и им были переданы публикации проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции», в том числе монография «Жёны

гениев и летящая чашка. Диалоги с Полиной Виардо» (автор Рубан Л.С.). 3 апреля 2019 г. в Посольстве Франции в РФ мы участвовали в семинаре по проблемам безопасности в регионах Ближнего Востока и Северной Африки и возможности российско-французского сотрудничества в этом регионе. Вела семинар Посол Франции в РФ С. Берманн.

28 января 2021 г. мы приняли участие в интереснейшем он-лайн мероприятии Центра франко-российских исследований «Ночь идей».

Наш индийский партнёр – Университет Джавахарлала Неру

активно участвует в исследовательской деятельности проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком»), в подготовке и издании книг и учебников по разрешению конфликтов и формированию толерантности («Формирование толерантности в полиэтничных регионах» в 2011 г. и «Как формировать толерантность в полиэтничных регионах» в 2012 и 2013 гг.).

Одна из презентаций изданий торжественно прошла в октябре 2011 г. в Университете Дж. Неру в Нью-Дели при участии Посольства РФ в Индии.

В 2013 г. в издательстве «Academia» вышло второе издание нашего совместного учебного пособия по формированию толерантности и монографии «Россия – АТР: горизонты энергетического

сотрудничества (в экспертных оценках)». Индийские коллеги также участвовали в монографии «Комплексная характеристика ситуации в АТР» в 2016 г. В настоящий момент мы вместе готовим издание учебного пособия по основам безопасности и контртерроризма.

Мы поддерживаем тесные контакты с Посольством Индии в России и Индийским бизнес-альянсом, активно участвуем в ежегодных Форумах «Российско-Индийский бизнес-диалог» по энергетической безопасности, а также по гуманитарным исследованиям. 22-23 сентября 2016 г. мы участвовали в Форуме исследовательских центров России и Индии в МГИМО МИД России.

Российско-Индийский бизнес-диалог

5 декабря 2019 г. мы приняли участие в VI Евразийском экономическом Российско-Индийском бизнес-диалоге и Евразийском промышленном конгрессе «Интеграция-2019», где я ознакомила коллег

из СНГ, Индии и КНР с результатами международных исследований в течение 15 лет в 16-ти странах Азиатско-Тихоокеанского региона и передала им электронный и печатный варианты монографии «АТР глазами экспертов» (международная экспертиза 2005-2019 гг.).

Слева: профессор Рубан Л.С., справа: Барский К.М., Посол по особым поручениям, руководитель секции Конгресса. Москва. 2019 г.

Наши партнёры в Великобритании (с 2007 по 2017 гг.):

Energy Exchange Ltd (в энергетической сфере) и ассоциация «Толерантность и многообразие» (в образовательной).

С 2007 г. мы активно участвуем в конференциях «Energy Exchange», «Шельф России», «Транспортные коммуникации СНГ», «Нефть и газ СНГ»

В 2006-2007 гг. мы участвовали в инициированном Посольством Великобритании в России проекте «Пути к

толерантности, опыт Великобритании и России» для студентов московских университетов, учителей, учеников московских школ и НПО, в котором приняли участие британские эксперты из Комиссии по расовому равенству. В рамках программ «Толерантность и многообразие» и «Выбираем толерантность» декабре 2007 г. я провела тренинг «Как разрешать конфликты и формировать толерантность» и ролевую игру для учителей школ г. Москвы.

У слушателей вырабатывались умения и навыки: адекватно анализировать и прогнозировать развитие ситуации, цивилизованного поведения в условиях конфликта, умения осознанно определять свои собственные интересы и интересы другой стороны, сочетать эти интересы и действовать с установкой на сотрудничество и преодоление конфронтации. В 2008 г. было выпущено 2-е издание учебного пособия «Как разрешать конфликты и формировать толерантность» (автор Рубан Л.С.). Весь тираж был безвозмездно передан в школы г. Москвы и нашим зарубежным партнёрам.

В феврале 2008 г. совместно с Посольством Великобритании в РФ для преподавателей школ, учащихся и студентов педагогических вузов г. Москвы был организован тренинг по общественной дипломатии «*Театральные мастерски для школ*» с Лондонским «*Arc Theatre for Change*» по внедрению игрового моделирования в учебный процесс для разрешения конфликтов и формирования толерантности, изучения многообразия и культурных различий; была осуществлена постановка спектакля в Посольстве Великобритании в РФ. По результатам тренинга мы подготовили и издали учебно-методическое пособие «Использование игрового моделирования в школьном образовании» (отв. ред. Рубан Л.С.).

В октябре 2008 г. в рамках программы «Толерантность в образовании» российская делегация (преподаватели вузов, журналисты и общественные деятели из НПО из Москвы, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга) побывала в Лондоне и встретила с представителями Association for Citizenship Teaching – профессиональной ассоциации преподавателей, занимающихся проблемой гражданского общества, с Парламентским Уполномоченным по правам человека, с представителями программ «Embracing Tolerance» («Выбираем толерантность») и «Права человека в школе» British Institute for Human Rights (BIHR) – Британского Института прав человека и Независимой Группой советников при Департаменте уголовной юстиции – экспертами по вопросам расизма и межконфессиональных отношений. Также мы посетили начальную школу в Эндovere, где создан детский город, и ознакомились с проектом «RRR»: Rights, Respect and

Responsibility (права, уважение и ответственность), побывали в Парламенте, а в Музее Виктории и Альберта участвовали в дискуссии по культурному многообразию.

С 2007 г. мы участвуем в конференциях «Energy Exchange» по шельфу России и транспортным коммуникациям СНГ. В марте 2015 года я была удостоена звания лауреата в номинации «Партнёр года» «Energy Exchange» и награждена памятным знаком.

Мы регулярно передаём результаты исследований в профильные министерства и ведомства, в научные и учебные заведения, зарубежным коллегам, участвующим в проекте.

Передача книг в МИД РФ: слева – директор 1-го Департамента Азии Зиновьев Г.В., справа – заместитель директора Департамента экономического сотрудничества Миронов Н.В.

Передача книг в Центр АСЕАН МГИМО МИД России.

Справа: Сумский В.М., директор Центра.

По сложившейся многолетней традиции мы передаём печатные издания и результаты научных исследований Международного проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком») в Посольства стран АТР для научных и образовательных организаций этих стран, изучающих русский язык.

Передача книг Е.П. Послам Республики Корея и
Таиланда

**Передача книг коллегам
из Малайзии и в Посольства
Сингапура и Индии.**

Прошли презентации монографий «Перспективы энергетического сотрудничества России и АТР» в 2011 году и «Россия – АТР: горизонты энергетического сотрудничества» в 2012-2013 гг.

Передача книг китайским партнёрам в 2013 г.

Передача книг Е.П. Послу ЮАР в РФ: Мандиси Мпахлуа (слева), Рубан Л.С. (в центре), вице-президент ТПП РФ Г.Г. Петров (справа) на Международной энергетической неделе.

Передача книг Посольству ФРГ. Ноябрь 2013 г.

Передача книг Посольству Индонезии. Ноябрь 2013 г.

Передача книг Посольству Венесуэлы. Июнь 2015 г.

Наше сотрудничество со странами АСЕАН является многолетним. С 2010 года мы активно участвуем в мероприятиях партнёров, проводим обмен информацией и передачу научных изданий. В 2013 году мы поздравили коллег с 46-й годовщиной образования АСЕАН.

В мае 2013 г. мы участвовали в I-м молодёжном саммите Россия-АСЕАН в МГИМО МИД России и круглом столе по сотрудничеству России и АСЕАН, где ознакомили собравшихся с деятельностью проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком») и его исследовательскими и образовательными программами, провели плодотворные дискуссии и интервью с участниками и гостями саммита и круглого стола из научных и образовательных структур стран АСЕАН и передали им серию монографий по АТР, а также учебные

пособия по разрешению конфликтов и формированию толерантности, изданные в рамках нашего проекта.

I молодёжный саммит АСЕАН и круглый стол по сотрудничеству России и АСЕАН в Информационном агентстве «Россия сегодня» и МГИМО МИД России. 14-15 мая 2013 г.

**Передача в рамках
I-го молодежного саммита
Россия-АСЕАН
учебников по толерантности
студентам из АТР,
обучающимся
в Москве**

**Представитель проекта
в Санкт-Петербургском государственном
университете профессор Колотов В.Н.,
зав. кафедрой истории стран Дальнего
Востока (слева) и директор Центра
«Диалоговое партнерство «Восток-Запад»
профессор Рубан Л.С.
(справа).**

19 августа 2016 г. мы принимали участие в бизнес-завтраке «Россия-АСЕАН» и провели переговоры с Послом Филиппин и зам. главы миссии Индонезии, а затем участвовали в Деловом саммите «Россия-Индонезия».

В июне 2016 г. на Международном деловом семинаре «Doing Business in Malaysia» в торгпредстве Малайзии в России мы выступили с докладом о научно-исследовательской деятельности Центра глобальных исследований «Восток-Запад» НИУ «МЭИ» и международного проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком») и продолжаем участвовать в последующих бизнес-встречах Торгпредства и Посольства Малайзии в РФ.

Торжественный приём в Посольстве Малайзии в России по случаю 62-й годовщины Национального дня Малайзии. 16 сентября 2019 г.

29 августа 2019 г. я участвовала в Деловой встрече по индонезийско-российскому экономическому сотрудничеству в Посольстве Индонезии в Москве и ознакомила участников с деятельностью международного проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции», им были вручены буклеты и издания проекта.

На фотографии слева-направо: Советник Министра экономики Посольства Индонезии в России Эди Сухарто, проф. Рубан Л.С., Торговый атташе Фарид Амир.

Мы много лет тесно сотрудничаем с учебными и научными заведениями Вьетнама, проводим совместные мероприятия, консультации и передаем издания проекта через Посольство СРВ в РФ.

В вышедшем в 2012 и в 2013 гг. международном учебном пособии «Как формировать толерантность в полиэтничных регионах», в качестве авторов участвовали Посол Сербии в России Е. Курьяк и её дочь, супруги Послов Непала, Брунея, Вьетнама, Малайзии, Польши, Франции и Индии.

20 мая 2013 г. мы приняли участие в Международной научно-практической конференции «Вьетнам в мировом сообществе» в Институте Дальнего Востока РАН. В июле 2013 г. участвовали в Посольстве СРВ в 44-й встрече военных специалистов, в 2012-2015 гг. – в бизнес-встречах в Посольства СРВ, в мае 2016 г. – во 2-м научно-практическом семинаре «Перспективы развития российско-вьетнамских отношений на новом этапе» в Институте Востоковедения РАН с докладом «Развитие сотрудничества в сфере энергетики между Россией и Вьетнамом: проблемы и перспективы» и провели презентацию монографии «Комплексная характеристика ситуации в АТР».

Передача изданий проекта вьетнамской стороне через Посольство Вьетнама в РФ. 20 мая 2013 г.

18 мая 2016 г. мы приняли участие в «Вьетнамско-российском бизнес-форуме по всестороннему стратегическому партнёрству» и встрече с Премьер-министром СРВ, передав книги и буклетов проекта лично Министру иностранных дел Вьетнама. 9 сентября 2016 г. на бизнес-конференции по продвижению инвестиций, торговли и туризма города Ханоя в РФ» в МФК «Ханой-Москва» мы также передали наши издания и буклеты вьетнамской стороне, в июне 2017 г. участвовали в круглом столе Института экономики РАН и Института изучения Европы Вьетнамской академии общественных наук «Всеобъемлющее стратегическое партнёрство России и Вьетнама в условиях глобализации. Достижения, трудности и перспективы сотрудничества в XXI веке».

25 сентября 2019 г. в рамках Перекрёстного года Вьетнама в России мы приняли участие в международной конференции по продвижению инвестиций, торговли и туризма города Ханой (Вьетнам) в России – 2019, проходившей в МФК «Ханой-Москва». Российские и вьетнамские коллеги были ознакомлены с деятельностью международного проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» и им был передан электронный вариант монографии «АТР глазами экспертов».

В октябре 2019 г. в рамках Академических дней АСЕАН мы участвовали в круглом столе «Россия и Вьетнам после 70-ти лет сотрудничества: достижения и перспективы» в МГИМО МИД РФ.

В июне 2020 г. мы приняли участие в Международной конференции Института экономики РАН и Национального экономического университета СРВ «Российско-вьетнамские экономические отношения перед лицом новых вызовов» и выступили с докладом «Российско-вьетнамское энергетическое сотрудничество», 5-6 ноября 2020 г. – в международной конференции «Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, социально-экономические и демографические эффекты» ИДИ ФНИСЦ РАН, МГИМО МИД РФ совместно с Ханойским национальным экономическим университетом, а 19 ноября – в межинститутской научно-практической конференции «Юго-Восточная Азия и Южнотихо-океанский регион: актуальные проблемы развития» Института востоковедения РАН, где выступили с докладами о роли русских экспатов в жизни стран ЮВА.

15 ноября 2018 года в Москве на I-м Международном молодёжном Форуме стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC) и России я выступила с пленарным докладом «Перспективы развития сотрудничества Российской Федерации и стран Латинской Америки и Карибского бассейна в энергетической сфере» и дала интервью объединённой компании Латинско-американского телевидения по сотрудничеству России со странами CELAC.

Участникам Форума и Latinoамериканскому дому в Москве были переданы книги и буклеты Международного проекта

«Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции». С той поры мы активно сотрудничаем с Латиноамериканским домом в Москве.

20 апреля 2019 г. в Культурном центре «ЗИЛ» мы приняли участие в Библионочи-2019. На мероприятии прошли переговоры по сотрудничеству с генеральным директором Латиноамериканского Дома в Москве Патрисио Монтеро по подготовке международного симпозиума по межкультурному взаимодействию наших стран. Латиноамериканскому Дому в Москве были переданы буклеты и издания проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции».

За активную научно-исследовательскую работу, консультации и передачу печатных изданий проекта я была награждена Почётной грамотой Латиноамериканского Дома в Москве.

24 марта 2020 г. в Торгово-промышленной палате России мы приняли участие в Международной конференции «Лиссабон-Владивосток», посвящённой развитию диалога между Европейским Союзом и Евразийским Экономическим Союзом, и ознакомили коллег с результатами исследования по 16-ти странам АТР за 15 лет. Участникам мероприятия и ТПП России была передана монография «АТР глазами экспертов (международная экспертиза 2005-2019 гг.)».

24 марта 2020 г.

Конференция

**Lisbon
Vladivostok**

в Торгово-промышленной
палате России.

Слева: профессор Рубан Л.С.,
справа: вице-президент ТПП
Падалко В.И.

13 ноября 2019 г. мы приняли участие в памятном вечере «OstContact Talk: 30 лет падения стены: выставка и свидетельства очевидцев», организованном Шнайдер-групп, OWS и Немецким домом экономики в Москве, на котором состоялась встреча с директором Гёте-Института в Москве Хайке Улиг, прошло обсуждение возможности продолжения сотрудничества в рамках проекта по взаимопроникновению и взаимодействию культур.

Это знакомство с доктором Х. Улиг имело продолжение:

16 декабря 2019 г. состоялась деловая встреча и переговоры по сотрудничеству международного проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» по программе межкультурного взаимодействия во время проведения Года Германии в России. Немецким коллегам были переданы печатная и цифровая версии монографии «АТР глазами экспертов» (международная экспертиза 2005-2019 гг.) и буклеты проекта.

В рамках культурно-образовательной программы проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком») налажены дружественные отношения и сотрудничество с Азиатско-Тихоокеанской женской группой (APWG) (профессор Рубан Л.С. являлась консультантом APWG в 2010-2011 гг.).

Совет Азиатско-Тихоокеанской женской группы (APWG). 2010 г.

Это партнёрство началось в 2009 г. Тогда же мы начали сотрудничать с Международным женским клубом Москвы (МЖК, IWC). К главным мероприятиям, которые проводят IWC и APWG, относятся благотворительные базары в пользу российских детей-сирот. Мероприятия сопровождаются тщательно подготовленной культурной программой: национальными песнями, танцами и музыкальным сопровождением на национальных инструментах. Кроме того, посетители имеют возможность познакомиться с кухней стран Европы, Азиатско-Тихоокеанского региона, Южной Азии и других стран.

На своих заседаниях APWG знакомит жён дипломатических работников и экспатов с историей, культурой и искусством Российской Федерации и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, способствует изучению ими русского языка и налаживанию дружественных связей, проводит празднование национальных и международных праздников.

Благотворительный базар Азиатско-Тихоокеанской женской группы (APWG). 5 июня 2010 г.

Заседание Клуба жен послов стран АТР, посвященное Дню Св. Валентина.
16 февраля 2010 г.

Занятия по индийской культуре и йоге

Мы организовали для супруг Послов АТР посещение Модного дома Вячеслава Зайцева и модных шоу Зайцева и Юдашкина.

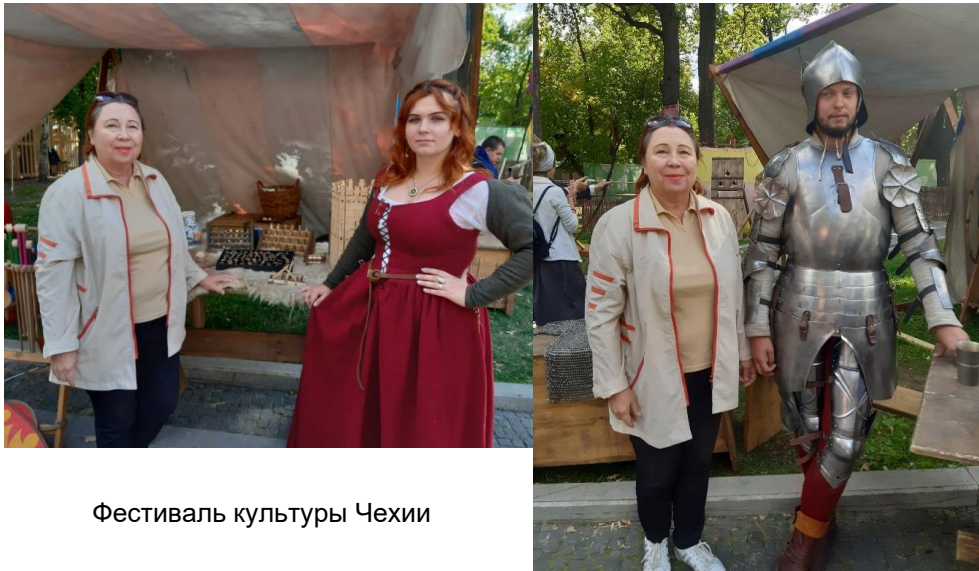
Посещение дамами APWG
осеннего 2009 г. и весеннего
2010 г. показов коллекций
В.М. Зайцева

Мы принимаем активное участие в фестивалях культуры и искусства, которые проводят наши зарубежные партнёры: фестивале культуры Индонезии, Международном фестивале «Монархия. История утопии» по истории и культуре стран, входивших в Австро-Венгрию (совместный проект Австрии, Венгрии, Чехии, Словакии и Словении), фестивале культуры Чехии и др.

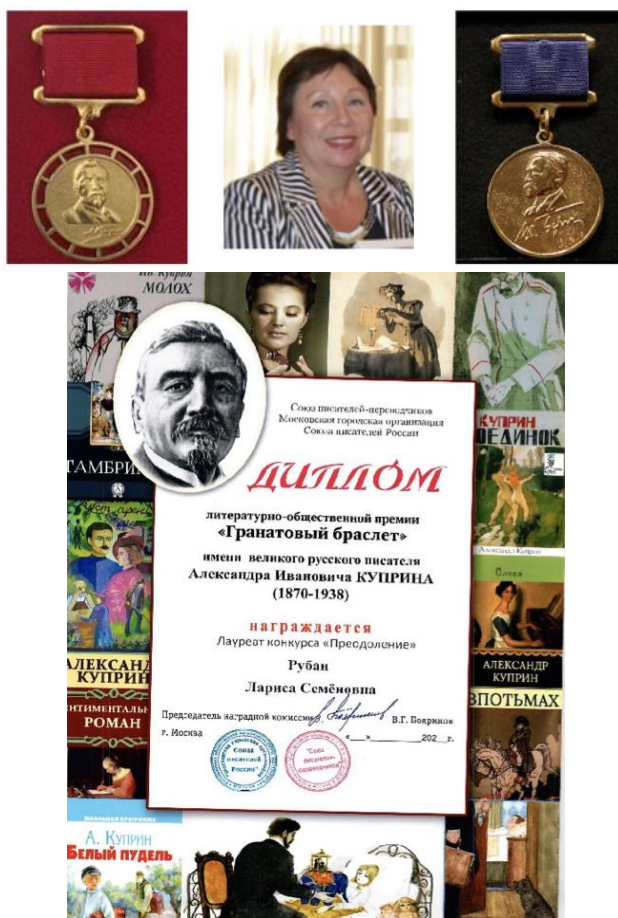
Участие в Фестивале Индонезии в Москве

Фестиваль культуры Чехии

Одним из направлений деятельности в рамках культурных и образовательных программ нашего международного проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» является пропаганда русского языка, литературы и культуры за рубежом и исследование русского зарубежья. За проделанную работу в этой области и верность русской литературе в августе 2020 г. на заседании Союза писателей России я была награждена юбилейной медалью И.А. Бунина, а в сентябре 2020 года – медалью А.И. Куприна и дипломом литературно-общественной премии «Гранатовый браслет» им. А.И. Куприна, как лауреат конкурса «Преодоление». В 2021 г. меня наградили медалью «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы». Затем я стала лауреатом литературно-

общественной премии «Жизнь задыхается без цели» с вручением медали Ф.М. Достоевского и диплома премии «Преодоление» и дипломантом литературно-общественной премии «Кому на Руси жить хорошо» с вручением медали Н.А. Некрасова и диплома, а также финалисткой конкурса «Бегущие по волнам» 2021 г. им. А.С. Грина с вручением диплома. В 2022 г. я стала лауреатом премии «Золотая осень» и была награждена медалью С.А. Есенина, и дипломом премии «Наш век» с вручением медали Ф.И. Тютчева.

Большое значение мы придаём эффективному выстраиванию отношений с нашими партнёрами. В июле 2018 г. я приняла участие в международной конференции «Как учить(ся) сегодня, чтобы у нас было завтра» в Пирейском университете г. Афины (Греция), где провела мастер-класс «Как провести тренинг по выстраиванию эффективной коммуникации». Выступление получило высокую оценку слушателей (17 из 25 баллов – высший результат на конференции). Участникам конференции были переданы издания и буклеты проекта.

Выступление профессора Рубан Л.С. в Пирейском университете.

Обмен опытом с коллегами из Белоруссии (слева) и Грузии (справа).

Обмен опытом с коллегами из Австралии, Германии, Литвы, Люксембурга и Эстонии.

2016 год

Статья «К характеристике ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе (по результатам международных экспертных опросов в 2005-2014 гг.)» опубликована в журнале «СОЦИС» № 2. 2016. С. 102-109.

В 2014 г. международный проект «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» Института энергетических исследований РАН отметил свой 25-летний юбилей, а в 2015 г. – десятилетие проведения международных экспертных опросов в 16-ти странах АТР: Брунее, Вьетнаме, Индии, Индонезии, Китае, Малайзии, Монголии, Мьянме, Непале, Республике Корея, России, Сингапуре, США, Таиланде, Филиппинах и Японии. Данные опросы по оценке ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹ проводятся с 2005 г. по настоящий момент в режиме непрерывного мониторинга с использованием 70%-лонгитюда. В качестве экспертов выступают специалисты высшей квалификации (учёные, дипломаты, государственные служащие, военные, журналисты, представители бизнеса и НГО) и VIP-персоны (лица, принимающие решения).

Так как в настоящий момент приоритетным направлением российской внешнеполитической и экономической деятельности является восточное направление, целью исследования было эффективное информационно-аналитическое обеспечение стратегического планирования деятельности государственных органов и бизнес-структур для оптимизации международной активности с учётом региональных и национальных характеристик зарубежных партнеров, выявления их отношения к нашей стране и её деятельности в АТР, и в первую очередь, учёт мнения лиц, принимающих решения. Результаты опросов за 10 лет впервые вводятся в научный оборот, а само исследование не имеет аналогов ни в нашей стране, ни за рубежом, что объясняется не только высокой затратной стоимостью НИР, но и закрытостью восточных элит.

Эксперты характеризовали ситуацию в АТР, исходя из развития своих стран, анализировали риски и угрозы, определяли уровень безопасности в регионе, возможность возникновения военных конфликтов, но главным был поиск оптимальных направлений

¹ НИР «Исследование условий для развития энергетики и энергетических рынков в АТР и АТРАМ на основе международного экспертного опроса по комплексной характеристике ситуации в АТР» № госрегистрации 1201453661. Руководитель проекта и научный руководитель НИР проф., д.соц.н. Рубан Л.С.

сотрудничества России со странами АТР, в том числе в восточном направлении российского углеводородного экспорта.

Экспертные оценки ситуации зафиксировали изменение уровня стабильности-нестабильности в регионе. В начале опросов в 2005 г. почти половина опрошенных (54%) оценивали ситуацию в АТР как нестабильную, поясняя свои ответы, что страны региона очень разные по уровню экономического развития, политического устройства, имеют разнообразный национальный и религиозный состав и много спорных вопросов по территориям и энергоресурсам. В 2008 г. в ответах экспертов увеличилось количество оценок ситуации как стабильной, достигнув 24%, и уменьшилось количество оценок ситуации как нестабильной, снизившись до 13%. В 2014 г. такую оценку дали 14% экспертов.

Если в 2005 г. ситуацию в АТР как в той или иной степени стабильную, оценили менее половины опрошенных экспертов – 42%, то в 2014 г. – 64%, а именно:

– как стабильную и устойчивую – 42% в 2005 г. (в 2014 г. – 53%);

– как относительно стабильную, подвижную – таких ответов в 2005 г. не было получено, в 2014 г. – 11%. Эксперты указывали, что в регионе возможны локальные конфликты.

При определении в форме ранжирования стран-лидеров АТР эксперты указали на изменение позиций Китая и США в регионе. Если, по экспертным оценкам в 2005 г., Китай (2 место – 72%) занимал в АТР догоняющую по отношению к США (1 место – 84%) позицию, то уже в 2006 г. 86% и в 2007 г. 87% экспертов поставили его на первое место и отмечали, что Китай становится важнейшим игроком и трансформатором сил в Северо-Восточной Азии, и что рост экономики, политической мощи и военного потенциала КНР будет во многом определять развитие региона.

В последующие годы (2008-2009 гг. – 100%, в 2011 г. – 95%, и в 2014 – 93%) эксперты оценивали Китай как безусловного лидера в АТР и отмечали, что очень многое связано с Китаем и влиянием, которое он оказывает. Это и рост ВВП, и колоссальный внутренний рынок, и приток инвестиций. По оценке исследовательского центра Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), экономика Китая опередит американскую, примерно в 2015 г. (с учётом паритета покупательской способности). Согласно оценке Goldman Sachs, это произойдет в 2021 г.²

² Нефть России № 3 / 2010. С. 113.

Эксперты указывали, что положение КНР за последнее время существенно изменилось: и хоть Китай зависит от экспорта, но мировая экономика, и в первую очередь, американская, нуждается в китайских финансовых средствах, ведь КНР аккумулировала колоссальные валютные резервы, уже в 2005 г. обогнав Японию и выйдя на первое место в мире по объёму валютных резервов. Китай ныне стал одним из главных кредиторов мира³, являясь держателем американских долгосрочных и краткосрочных ценных бумаг на сумму свыше 750 млрд долларов⁴. США без его помощи не смогли бы профинансировать свой государственный долг⁵.

Эксперты отмечали, что достаточно велико влияние США в регионе, однако с 1-го места в 2005 г. передвинули их в 2007 г. на 3-е. Этот результат оставался неизменным по 2014 г., кроме 2012-2013 гг., когда США, по экспертным оценкам, разделили 2-3 место с Японией. Ряд экспертов высказал мнение, что «субъективно роль США снизилась, потому, что нет нужды «to exercise power», кроме того, в результате кризиса в США и странах Евросоюза происходят серьёзные изменения в мировом порядке, которые должны привести к изменениям в глобальной финансовой и экономической системе, в структуре резервных валют и финансовых инструментах⁶. Однако не стоит забывать, что доллар по-прежнему является основной валютой в международных расчётах, государственных резервах и займах⁷, а более 70% внешнего товарооборота Китая (почти 2,6 млрд долл. в год) осуществляется именно в американской валюте⁸.

Всё это показывает изменение прежней модели взаимоотношений между КНР и США, когда Америка являлась главным инвестором и импортером китайских товаров, а Китай – их основным производителем и покупателем долга американского правительства. Вашингтон сегодня более зависим от Пекина⁹.

Все эксперты отмечали, что рост производства невозможен без массированного развития как фундаментальной, так и прикладной науки, выработки и внедрения новых технологий. Они указывали, что

³ Волков В. Скованные одной цепью // Большой бизнес. Апрель 2010. С.128-129.

⁴ Титаренко М.Л. Россия и её азиатские партнёры в глобализирующемся мире. М., Форум, 2012. С. 20.

⁵ Волков В. Скованные одной цепью // Большой бизнес. Апрель 2010. С. 128-129; Попов В.В. Стратегии экономического развития. М., 2011. С. 164.

⁶ Коржубаев А.Г. Тихоокеанский рынок нефти и газа – основное направление экспортных поставок из России // Бурение и нефть 01/2010. С. 6.

⁷ Мировые рынки-2012. Ожидания // Бурение и нефть 02/2012. С. 12.

⁸ Нефть России № 3/2010. С. 112.

⁹ Россия – АТР: горизонты энергетического сотрудничества (в экспертных оценках). Под ред. Рубан Л.С. // М: Academia, 2013. С. 14.

Китай не только активно скупает лицензии на новейшие технологии, но и сам вкладывает громадные средства в их разработку и внедрение. По процентной доле в общем объеме мирового экспорта высокотехнологичных продуктов уже с 2008 г. из пяти крупнейших мировых экономик лидирует Китай, опередивший и США, и Японию, и Европейский Союз, и Россию.

Таблица 1¹⁰

	1980	1990	2000	2008	2020	2030
Китай	0.03	0.6	3.7	19.7	25	30
США	26.1	22	19.6	13.4	10	8
ЕС	24.7	20.2	16.1	13.1	10	8
Япония	15.2	15	11.5	6.4	5	4
Россия	3.3	0.3	0.4	0.3	1	1

Источник: data for 1995–2008 were sourced from the World Bank, World Development Indicator 2010; data for 1980–1990 are the estimates by the author based on UN Comtrade Database, among which data for Russia 1980 and 1985 are estimates based on data for the former SU.

Прогноз на 2020-2030 гг. Ху А.

Однако по вкладу в общемировую НИОКР Китай отстаёт от ЕС и США, что зафиксировано в таблице 2 «Доли пяти крупнейших мировых экономик в общемировом объеме НИОКР» (1980–2030), (в %)¹¹:

Таблица 2

	1980	1990	2000	2009	2020	2030
Китай	0.2	1.3	3.7	10.9	18	25
США	39.7	34.9	28.6	29.0	24	20
ЕС	32.2	29.6	34.2	36.5	30	24
Япония	7.2	7.6	9.6	6.7	5	4
Россия	5.7	6.2	3.3	2.6	2	2

Однако ряд экспертов указывает, что не только достижения, но и риски сосредоточены вокруг Китая, его деятельности и экономической экспансии. В 2012-2013 гг. – 8% и в 2014 г. 7% экспертов отмечали, что у КНР нет того могущества, которое было у США в период расцвета, нет такого интеллектуального потенциала и

¹⁰ Доклад проф. Ху А. в ИДВ РАН 2 февраля 2012 г.

¹¹ Там же.

новейших технологий как у Японии. Кроме того, по мнению экспертов, для того, чтобы юань мог успешно противостоять доллару, Китаю надо устранить ограничения на трансферт капитала, ввести свободный обмен валют, повысить волатильность собственного рынка облигаций. Всё это может занять около 10 лет¹².

При характеристике лидеров в АТР эксперты указывали на увеличение роли Японии, которая, по их оценкам, в 2006 и 2007 гг. (61% и 62%), опередила США и сохранила за собой второе место в 2008-2011 гг. (51% и 41%). Землетрясение, цунами, а затем авария на атомной электростанция «Фукусима-1» в марте 2011 г. поставили Японию в затруднительную ситуацию, но эксперты выразили уверенность, что Япония сможет мобилизоваться и преодолеть все эти трудности. В 2012-2013 г Япония разделила с США 2-3 места, а в 2014 г. она снова вышла на 2 место (43%). Показательно мнение представителей японского банковского капитала: «Японии нужно быть эффективной и технологически передовой, так как у неё 140-миллионное население, нужно сырьё для промышленности и продовольствие».

Относительно роли России в АТР разброс мнений экспертов был велик на протяжении всего периода опросов:

– 38% в 2005 г., 35% в 2008, 24% в 2011 г. и 7 % в 2014 г. – отмечали, что Россия может быть сильным партнёром только в качестве балансёра для стабилизации развития региона, как для поддержания мира и предотвращения военных конфликтов, так и для обеспечения энергетической безопасности и экономического сотрудничества. То есть её потенциала недостаточно для единоличных действий, сила будет только в альянсе, и здесь всё зависит от того, насколько правильно и рационально будет построен альянс и выбраны партнёры.

– 36% в 2005 г., 42% в 2008 г., 37% в 2011 г. и 68 % в 2014 г. – указывали, что в военном и экономическом отношении РФ утратила в регионе многие позиции, которые занимал СССР, у неё в АТР сейчас гораздо меньший потенциал; поэтому она должна компенсировать эти потери успешной дипломатией и своевременными адекватными тактическими ходами при чёткой и взвешенной стратегии. Внешняя политика России должна быть прагматичной, направленной на осуществление её собственных интересов, менее идеологизированной и политизированной. Эксперты указывали, что российские минеральные и энергоресурсы, экономический потенциал и огромный рынок являются позитивным фактором для развития региона.

¹² Нефть России № 3 / 2010. С. 112

– 4 % в 2005 г., 16% в 2008 г., 3% в 2011 г. – оценивали Россию как игрока средней руки, менее важного, чем США, Китай и Япония, но более важного, чем Южная Корея, указывая, что сила РФ может быть в коалиции с КНР. В 2014 г. таких ответов эксперты не дали.

Две крайние позиции набрали в 2014 г. наименьшее количество голосов:

2% определяли Россию как великую державу (в 2005 г. таких ответов не было, в 2006 г. – 2%, в 2008 г. – 6%, в 2011 г. – 5%) и 2% – охарактеризовали роль России в АТР как маленькую и даже мизерную (в 2005 г. таких ответов не было, в 2008 г. – 10%, в 2011 г. – 11%).

На протяжении всего опроса эксперты ставили Россию на 4-е место по значимости в Северо-Восточной Азии, хотя количество предпочтений, отданных нашей стране, снижалось, начиная с 2008 г.: 2005 г. – 32%, 2007 г. – 43%, 2008 г. – 36%, 2011 г. – 23% и в 2014 г. – 15%). Эксперты отмечали, что роль России в АТР стала меньше, чем роль Китая, Японии и США. Она утратила многие позиции в АТР, которые занимал Советский Союз. Эксперты отмечали значительные внутренние трудности РФ, связанные со сложной социально-демографической ситуацией на российском Дальнем Востоке, где продолжается сокращение численности населения при активной миграции на Дальний Восток граждан из соседних регионов и, в первую очередь, из КНР.

Ответы на этот вопрос о роли России в АТР очень значимы, так как лица, принимающие решения в российском государстве по активизации внешней политики РФ в восточном направлении, её внешнеэкономической и особенно энергетической составляющих, должны иметь полную информацию, какой видится Россия и её внешнеполитические действия странам АТР, и особенно лицам, принимающим решения в этих государствах, решения которых могут способствовать реализации Восточной стратегии нашей страны или наоборот затруднить её осуществление.

Исходя из полученной информации, лица, принимающие решения в России, могут предпринимать соответствующие действия, чтобы улучшить имидж РФ за рубежом, расширить знания государств Азиатско-Тихоокеанского региона о нашей стране, чтобы её внешнеполитические шаги были понятны соседям и не вызывали у них опасений. Кампания по улучшению имиджа России не возможна без привлечения средств массовой информации, поэтому в состав экспертов были введены ведущие журналисты из стран АТР, что также позволяет учитывать их мнение по изучаемой проблеме.

Зарубежные эксперты из дипломатических и бизнес-кругов, а также эксперты-журналисты в 2014 г. указывали, что кризис на

Украине и освещение прессой этих событий ухудшили имидж России на международной арене, в том числе негативную роль сыграла трагедия с малазийским Боингом, независимо от виновности России. Корейские эксперты в 2014 г. также подчеркивали, что при освещении украинской проблемы российские СМИ проигрывают информационную борьбу, так как население АТР информацию о событиях получает из западной прессы. В частности, присоединение Крыма выглядит при этом следующим образом: большая и сильная страна-Россия захватила у небольшой и слабой страны-Украины Крым. У населения АТР формируется соответствующее такой подаче негативное отношение к России, так как в Азии не знают российской истории и её перипетий и не будут вникать в тонкости происходящего на территории бывшего СССР.

На 5-е место в рейтинге стран-лидеров в АТР эксперты поставили Республику Корея: 2005 г. – 28%, 2008 г. – 18, 2011 г. – 19% и 2014 г. – 14%.

Подводя итог рейтингу стран-лидеров в АТР, выделим экспертные оценки, сгруппированные по страновому признаку.

Мнение *китайских экспертов*: «Сильные державы в АТР – это Китай (в политическом, экономическом и военном отношении), Россия (великая держава с колоссальным потенциалом, природными и военными ресурсами), Южная Корея, Япония, Индия. США хотят быть лидером в АТР. Они везде хотят быть лидером». Китайские эксперты указывали, что усиление российских геополитических позиций возможно при стратегическом партнёрстве с Китаем. Очень точно эту точку зрения раскрыл Фэн Ю., директор Института России при Китайской академии современных международных отношений: «РФ достигла передовых результатов в области некоторых научно-технических исследований, но эта инновационная продукция составляет всего 0,25% от общего объёма российского экспорта. Китай известен своими преимуществами в сфере коммерциализации и индустриализации научно-технических достижений. Эти преимущества характеризуются большой взаимодополняемостью и совпадением взаимных интересов сторон, особенно в сфере ядерного сотрудничества, в сфере технологий по выработке электроэнергии нового поколения, что особенно актуально в связи со свертыванием ядерной энергетики в мире после аварии на японской АЭС¹³.

Интересно привести цитату из журнала «Хэпин юй фачжань» («Мир и развитие») № 3 за 1996 г. о роли России в мире и в АТР: «Россию следует анализировать в долговременном плане. Её

¹³ Ли Бо. 200 млрд долларов – это не мечта, а реальность // Китай № 8 / 2011. С. 29.

сегодняшняя (1996 г.) деградация носит относительный характер, а характер абсолютный имеет её научно-технический потенциал, мощная индустриальная база, богатые природные ресурсы, мощные вооруженные силы, превосходные географические условия, а также высокое качество населения»¹⁴. Даже, делая поправку на традиционный восточный менталитет при характеристике своих партнёров, в сотрудничестве с которыми в тот или иной момент китайская сторона заинтересована, следует отметить, что, по результатам экспертных опросов 2005-2014 гг. количество ответов по оценке такого значимого для безопасности России риска, как «деградация российского Дальнего Востока» снизилось с 24% в 2006 г. и 38% в 2007 г. до 3% в 2010 г., а с 2011 г. – сошло на нет.

Корейские эксперты в 2006 и 2007 гг. акцентировали внимание на том, что «Россия – евроазиатская держава, и она не должна забывать об этом. Она будет великой державой, если будет помнить о значимости восточного направления её внешней политики. В настоящий момент существует диспропорция: Россия больше обращена на Запад, многие русские преклоняются перед Западом, а к окраинным Дальневосточным регионам относятся как обременительным и ненужным для России. РФ необходимо обратить внимание на Восток, в том числе на свои собственные дальневосточные регионы с их природными богатствами. В настоящий момент эти регионы находятся в запустении. Каждый день оттуда уезжают по 200 человек, что вызывает тревогу у одних соседей России, в то время как Китай с его избыточным населением осуществляет ползучую экспансию в эти регионы, которые Россия может потерять».

Сходную позицию занимали в 2011 г. *американские эксперты*, указывая, что Россия, хоть и географически является евроазиатской страной, больше ориентирована на Европу, чем на Азию, а её дальневосточные территории чаще и больше контактируют и ориентируются на своих восточных соседей, чем на Москву.

Корейские эксперты в 2012-2014 гг. отмечали, что роль России важна, чтобы удержать мир от военного конфликта на Дальнем Востоке и в АТР, а также в разрешении Корейской проблемы: только РФ выступает за воссоединение двух Корей, Япония и Китай – против, так как опасаются усиления Республики Корея. Но корейские эксперты указывали, что Россия сдержанно относится к сотрудничеству с Южной Кореей, возможно, ей мешают амбиции для адекватного восприятия этого государства: «Да, Республика Корея – маленькое

¹⁴ «Хепин юй фачжань» («Мир и развитие»). Пекин, 1996. № 3. С. 18. Цит. по Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. М.: Форум, 2012. С. 4.

государство в территориальном отношении, но это экономически развитое и технологически продвинутое государство, и тесное и эффективное сотрудничество между РФ и РК принесло бы большую пользу обоим странам».

Российские гражданские эксперты в 2006-2008 гг. указывали: «Россия стала более жёстко проводить государственную политику на Дальнем Востоке. Правительство РФ стало больше внимания уделять этому региону, пытается наладить подъём экономики. Во внешней политике мы тесно сотрудничаем с АТЭС, участвуем в ШОС. Был принят ряд федеральных программ по развитию Забайкалья и Дальнего Востока, предусмотрено выделение из федерального бюджета на ближайшие 4-5 лет 500 млрд руб. Идёт развитие инфраструктуры, средств коммуникации с европейской частью, собственной газовой энергетики, электроэнергетики, создание рабочих мест на базе, прежде всего высоких технологий. Упор делается на производства, которые на Дальнем Востоке традиционны. Это авиационное, «Суперджет», судостроение, строительство дорог, портов»¹⁵.

Российские военные эксперты в 2006-2007 гг. акцентировали внимание на характеристике геостратегической ситуации в регионе: «Ситуация на Дальнем Востоке и в АТР близка к поддержанию статус-кво: каждый из значимых игроков достаточно чётко обозначил свои интересы и старается не выходить за эти границы. «Всплески» активности (китайско-российские учения, визиты в Индию, китайские акции в отношении разведывательных самолетов США) – это только «разведка боем» позиций других сторон, проверка того, кто и как отреагирует. Нежелательно допускать создание военных блоков в регионе, так как это может привести к срыву достигнутого баланса сил и интересов. Действующие договоры (многосторонние и двусторонние) в военно-политической сфере выполняют, скорее, номинальную функцию. Все угрозы и риски (США и Китай, Китай–Япония, ядерное оружие Северной Кореи как угроза миру, кризис российско-японских отношений по Курилам, Корея–Япония, между двумя Кореями, между Китаем и Тайванем) потенциально реальны, хотя развитие их по пути обострения отношений и доведения до стадии открытого военного конфликта маловероятно. Возможен вариант вялотекущих политических конфликтов, типичный для азиатского типа государственного менеджмента и азиатского менталитета: много кричать, предупреждать, но воздерживаться от конкретных шагов, выжидать удобного момента».

¹⁵ Прямая линия // Российская газета – 19 октября 2007 – № 233 (4496). С. 3.

В 2008-2011 гг. российские военные заострили внимание на геополитической стороне проблемы: «Дальний Восток – это наша «нога» в АТР, с которым, так или иначе, будет во многом связано наше будущее. Для того чтобы быть государством АТР, мы просто обязаны там присутствовать, даже не имея сейчас видимых плюсов от своего присутствия. Достаточно хотя бы обозначать это присутствие, коль не хватает сил и ресурсов для развития региона». Однако 16-18% гражданских экспертов были настроены пессимистично и указывали, что Россия не имеет долговременной стратегии в СВА и АТР и что у неё нет ни сил, ни средств, чтобы вернуть себе прежнее влияние в регионе в условиях конкуренции с сопредельными и нерегиональными государствами.

Ряд российских экспертов указывал, что есть шанс изменить ситуацию за счёт энергетических проектов. Вот мнение Т.А. Митровой, (ИНЭИ РАН): «Нам, с одной стороны, повезло больше других: Россия, располагающая менее 3% населения и около 13% территории мира, имеет 12-13% прогнозных ресурсов и около 10% разведанных запасов нефти, 42% ресурсов и 34% мировых запасов природного газа. Можно сказать, что Россия – углеводородная кладовая планеты. Однако позиция гигантского сырьевого пирога – это наименее почётная, а при определённом раскладе сил и просто опасная роль. Досадно было бы все наши географические и геологические преимущества свести к функции сырьевого придатка»¹⁶, а эксперты-дальневосточники уточняли, что при организации УВ-экспорта на Восток необходимо организовать поставки энергоресурсов по экономически обоснованным ценам.

В качестве эффективных международных экономических и военно-политических организаций, действующих в АТР, эксперты указывали в 2014 г. на АСЕАН в ЮВА – 60% (в 2008 г. – 23%, в 2011 г. – 50%), АТЭС – 45% (в 2008 г. – 10%, в 2011 г. – 33%), ШОС – 35% (в 2008 г. – 8%, в 2011 г. – 21%), и это не случайно. АСЕАН – одна из наиболее успешных региональных международных организаций, в 2012 г. отметила свой 45-летний юбилей. Эксперты отмечали, что «ассоциация превратилась в базовую структуру многостороннего сотрудничества в регионе ЮВА, вплотную приблизившись к реальному воплощению своего лозунга «Единство в многообразии». АСЕАН стала влиятельным центром притяжения в АТР, как в политической, так и в экономической сферах, явилась инициатором создания Регионального форума АСЕАН по вопросам безопасности

¹⁶ Мировой энергетический кризис и газовая отрасль России // Газовый бизнес. Аналитический журнал. Ноябрь-декабрь 2005. С. 18.

(АРФ). В экономической области страны Ассоциации проводят линию на интеграцию и либерализацию региона ЮВА на базе Соглашения о создании Зоны свободной торговли АСЕАН (АФТА), Рамочного соглашения о Зоне инвестиций в АСЕАН (АИА) и Схемы промышленного сотрудничества (АИКО)¹⁷. АСЕАН превратилась во влиятельного игрока в региональном и мировом масштабе. Вокруг ассоциации, объединяющей ныне 10 государств ЮВА с населением около 600 млн человек и совокупным ВВП, превысившим в 2008 г. 1 трлн долл. США, разворачиваются всё более интенсивные интеграционные процессы. Ведущие мировые державы стремятся к установлению тесных связей с АСЕАН¹⁸.

АТЭС названа также как организация-лидер. Уже в 2010 г. на её участников приходилось 54,9% мирового ВВП, 47,1% объема мировой торговли и более 39,9% населения земного шара. Эта организация разрабатывает правила и нормы торговли, инвестиционной финансовой деятельности в регионе, отражая общемировую тенденцию интернационализации хозяйственной деятельности государств¹⁹.

ШОС увеличила, по оценкам экспертов, свои позиции с 8% в 2007 г. до 35% в 2014 г., хотя часть экспертов отмечала, что ШОС больше важна для китайцев, это их организация для распространения китайского влияния в регионе (6% ответов в 2012-2013 гг., 7% ответов – в 2014 г.).

Эксперты резюмировали, что в АТР произошёл ряд кардинальных изменений, а именно: в период жёсткого противостояния между США и СССР важнейший треугольник в регионе был США – Китай – СССР, в настоящий момент этот треугольник составляют США – Россия – Китай, в котором Россия играет ту роль, которую играл Китай в период противостояния США – СССР. Причём большая часть экспертов считает, что за постсоветский период РФ утратила в регионе многие позиции, которые занимал СССР, в том числе мощную военную силу, которую имел СССР, но тогда на нас смотрели как на опасную военную мощь, что отпугивало, и нас боялись. Сейчас мы стали более открытыми, нормализовали отношения с Китаем, от чётко выраженных враждебных отношений с ним перешли к стратегическому партнёрству, отмечая эффективность его расчётливой и

¹⁷ Россия и АСЕАН. М.: Дипакадемия, 2004. С. 5, 7.

¹⁸ АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы. М.: ИД «Форум». 2010. С. 3, 5.

¹⁹ Севастьянов С. Форум АТЭС: проблемы эффективности и перспективы развития // Космополис № 3 (22). Осень 2008. С. 146;

Локшин Г.М. АТЭС и саммит-2012: горизонты надежд для России // Проблемы Дальнего Востока № 1, 2012. С. 17.

прагматичной политики, ориентированной на экономические интересы, а не на мировоззренческие разногласия.

В 2014 г. часть российских экспертов отмечала, что сейчас РФ – региональная сила в АТР. Это большой плюс к глобальной силе. Россия вступила в Азиатский региональный форум по безопасности, получила ассоциированное членство в АСЕАН, подключилась к «Форуму Азия-Европа» (АСЕМ). Укрепление сотрудничества со странами АТР в целом и, прежде всего, с дальневосточными соседями стало для РФ более значимым приоритетом, чем развитие её традиционных связей с европейскими и американскими партнёрами»²⁰. Но в АТР мы имеем проблему – низкий уровень понимания России и информированности о ней. Мы фактически начинаем всё с чистого листа. При этом необходимо учитывать отличия европейского и азиатского менталитета. Часто мы и наши азиатские партнёры воспринимаем одни и те же события по-разному. Знание оценочных критериев, применяемых нашими партнерами, позволит эффективно выстраивать российскую внешнеполитическую линию в восточном направлении и её энергетическую составляющую, чтобы действия РФ не воспринимались как жёсткая энергетическая экспансия, угрожающая соседям, и вынуждающая их к действиям под давлением «энергетического рубильника». В качестве главного критерия при взаимодействии с восточными партнерами России специалисты из Института Дальнего Востока РАН предлагали чётко придерживаться реализма «как лучшего лекарства от возможных разочарований и ключ к гармоничным отношениям при обоюдном выигрыше».

Итак, ситуация в регионе подвижна. Если в 2008-2010 гг. эксперты указывали, что обстановка в АТР напоминала «бонсай», то есть каждый в принципе был согласен с той ролью, которая отводилась ему в регионе, то с 2010 г. началось обострение ситуации вокруг Южно-Китайского моря, что было связано с усилением конкуренции за энергоресурсы и территории, ими обладающие. К 2012 г. накал страстей вокруг Южно-Китайского моря несколько поутих, и с 2012 г. в качестве главного изменения ситуации в АТР эксперты называли относительную стабильность в регионе: «От противостояния стороны перешли к стремлению к интеграции. Большинство игроков не раскачивают лодку и хотят сохранить статус-кво, поэтому военный конфликт в АТР сейчас маловероятен». Для АТР в настоящий момент характерны растущие экономики, а динамизм экономики зависит от развития внутренней торговли и инвестиций. В регионе произошли фундаментальные изменения: открытие экономик друг другу, рост

²⁰ Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии. М.: ИДВ, 1998. С. 7.

политического участия, открытость региональных СМИ. Сложилось понимание, что для решения проблем глобального уровня необходимо сотрудничество и совместные действия в различных сферах.

Вывод экспертов о расстановке сил в АТР: «Главный положительный момент – относительная стабильность в регионе, так как стороны понимают, чем чреваты конфликты и их обострение».

Завершить наш обзор хотелось бы высказыванием академика Е.М. Примакова, имеющим, на наш взгляд, методологическое значение при выработке стратегии и тактики российской внешней политики: «Не нужно никого бояться. Нам нужна разнонаправленная политика. Мы не можем делать ставку только на Европу или Китай. Так же, как не следует всё внимание уделять США. Следует исходить, что *Россия* – один из полюсов складывающегося многополярного мира. Её сила и влияние в этом мире во многом зависят от того, будем ли мы успешны в построении многовекторной внешней политики»²¹.

²¹ Примаков Е.М. Партнёры не станут врагами // Российская газета – 22 октября 2009 – № 201 (5025). С. 18.

Статья «**Полный Трамп или утраченные иллюзии**»
опубликована в журнале «Наука. Культура. Общество»
№ 3-4 2017. С. 132-146.

Аннотация. В статье рассказывается о взаимоотношениях Российской Федерации и США. Главный вопрос, затронутый в статье, – это изменение в настоящий момент самой системы международных отношений, кризис международного права и деятельности международных организаций (в первую очередь, ООН), призванных регулировать отношения между странами. Автор показывает, что внешнеполитический курс Дж. Буша, Б. Обамы и Д. Трампа мало чем отличаются, хотя в риторике Трампа неизменно звучит мотив, что нужно поладить с Россией и он сможет поладить с Россией. Однако санкции против Российской Федерации не только не отменены, они не смягчены, а наоборот, усилены последним законопроектом, принятым Сенатом США и подписанным Д. Трампом. В статье приводятся мнения крупнейших американских общественных деятелей, политиков, журналистов и учёных, озабоченных сложившейся ситуацией.

Abstract: The article discusses the relations between the Russian Federation and the United States. The main question raised in the article, is the change in the moment of the system of international relations the crisis of international law and international organizations (primarily the UN), aimed at regulating relations between the two countries. The author shows that the foreign policy of John. Bush Jr, B. Obama and D. Trump are not much different, although the rhetoric of trump invariably the motif that we need to get along with Russia and he will be able to get along with Russia. However, sanctions against the Russian Federation not only not canceled, they are not mitigated, but rather strengthened the latest bill passed by the U.S. Senate and signed by D. Trump. The article presents the views of major American public figures, politicians, journalists and academics who are concerned about the situation.

Ключевые слова: Российская Федерация, США, международные отношения, развитие демократии, международное право.

Key words: Russian Federation, USA, international relations, development of democracy, international law, Affairs.

Рассматривая состояние нынешних отношений между США и Россией, которые все без исключения эксперты рассматривают и оценивают как беспрецедентно плохие, следует обратиться к

предшествующему периоду. Такая ситуация возникла не вдруг и не спонтанно, она складывалась и формировалась все последние десятилетия. Нелишне вспомнить, что в финальный период своего президентства Б. Клинтон предлагал реорганизовать всю систему международных отношений. Вроде бы объективное желание, так как проблемы и вызовы глобализации становятся всё более очевидными для каждого, а решения и ответы, предлагаемые современными государствами и межгосударственными институтами, оказываются недостаточно эффективными [12, с. 110]. Вот только ситуацию Клинтон интерпретировал по-иному.

Он говорил, что международная договорная система утратила актуальность, и считал, что отношения между государствами должны строиться на неформальной основе: есть необходимость – ударили по рукам, нет – не нужно и договор денонсировать. И вот тут-то и хотелось бы остановиться на аспекте «ударить по рукам». Следует отметить, что США по-прежнему играют и стремятся играть роль мирового полицейского, хотя в нынешней ситуации больше подходит формулировка «мирового жандарма», который не считается с международным правом и ООН как организацией-регулятором международных отношений.

США развязали войну в Ираке под предлогом борьбы с угрозой химического оружия, которая якобы исходила от этой страны и наказания Саддама Хусейна за применение химического оружия против Ирана. После казни Хусейна и разгрома могущественной южно-азиатской державы США заявили об ошибке, т.к. химическое оружие не было найдено в Ираке. Американцы, мягко говоря, лукавили, так как сами и передали Хусейну химическое оружие для войны против Ирана, а накануне антииракской военной кампании они прекрасно знали, что химического оружия у Хусейна нет.

А что же европейские союзники США? Как отмечает известный учёный Рувинский Ю.И. в монографии «Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы», тогда американцев твёрдо поддержали Великобритания и наиболее лояльные члены НАТО, особенно страны Центральной и Восточной Европы, недавно вступившие в альянс. В то же время Германия дистанцировалась от них, а Франция прямо осудила американскую авантюру в ООН.

Однако спустя 10 лет после антииракской кампании, с началом революций «арабской весны» ситуация круто изменилась. В ходе гражданской войны в Ливии наиболее активной сторонницей и участницей вооружённой интервенции на стороне противников режима Каддафи оказалась Франция при поддержке Великобритании. США предпочли ограничить своё участие технической поддержкой.

Германия и Польша вообще дистанцировались от конфликта и воздержались на голосовании в ООН по Ливии. Похожий расклад сил сложился и в связи с гражданской войной в Сирии. Именно Франция при поддержке Великобритании вновь проявляет наибольшую активность в оказании политической, а отчасти и материальной поддержки противников режима президента Б. Асада. США предпочитают более осторожный подход, опасаясь связанных с Аль-Каидой радикальных исламистов. Германия была более осторожна и тщательно избегает втягивания в конфликт [10, 51].

Всё более очевидным становится то, что американское «однополярное» видение мира всё меньше отвечает меняющейся конфигурации мировых сил, хотя ряд российских учёных продолжает подчёркивать однополярность современного мира.

Следует отметить, что в сфере безопасности после распада социалистического блока и уничтожения Организации Варшавского Договора, Североатлантический альянс (НАТО) стал безальтернативным военным блоком, а США остаются сильнейшей в военном отношении державой. Потенциал сил общего назначения США не имеет себе равных в мире по показателям качества вооружений и военной техники и уровню боеготовности частей и соединений всех видов и родов войск. США являются «воюющим государством»: на протяжении последнего десятилетия через «горячие точки» (войны в Афганистане, Ираке, Сирии) прошли практически 100% личного состава вооружённых сил. И это в то время, когда система глобального управления на современном этапе переживает многоаспектный кризис. Модель, которая должна была идеально регулировать отношения между странами через ООН и экономико-финансовые отношения через Всемирный банк, МВФ, МБРР, ВТО, через региональные организации, такие как Европейский Союз, даёт сбой и не срабатывает. Данные структуры не смогли предотвратить мировой финансовый кризис и кризис Еврозоны.

Как отмечают все российские и зарубежные эксперты, сужается реальное влияние ООН на международные дела. США и блок НАТО при необходимости действуют самостоятельно без опоры на решения ООН. Если для проведения операции «Буря в пустыне» Североатлантическим альянсом был получен мандат ООН, то в Косово в 1999 г. действия НАТО проводились без этого мандата. В 2003 г. в Ираке США и Великобритания уже действовали в коалиции без поддержки НАТО, так как её не удалось в полной мере обеспечить. Так было при проведении военных действий США и НАТО по смене неудобных режимов: в Югославии, Ираке и Ливии. Кстати, Совет Безопасности ООН принял резолюцию по введению против Ливии санкций,

включающих, в т.ч. запрет на торговлю оружием и введение беспилотной зоны, но санкций на военные действия он не давал)²², в военных компаниях в Афганистане (где до сих пор находится американский контингент) и Сирии.

Эти события указывают на невыполнение Декларации о принципах международного права, принятой XXV сессией Генеральной Ассамблеи ООН 24 октября 1970 г. и её основных семи принципов: неприменении силы или угрозы применения силы; мирного разрешения международных споров; невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государства; обязанности государств сотрудничать друг с другом в соответствии с Уставом ООН; равноправии и самоопределении народов; суверенном равенстве государств; добросовестном выполнении обязательств, принятых странами в соответствии с Уставом ООН.

Утверждая своё господство, США стали на путь недобросовестной конкуренции. Они стремятся вытеснить Россию из взаимодействий с ЕС и привести к экономической изоляции нашей страны. Для этого США, Европейский Союз и ряд стран, минуя ООН, ввели против РФ в 2014 г. экономические санкции. Кроме того, США требуют от ЕС, чтобы он прекратил импорт российского газа (цель ясна, чтобы обеспечить свой успешный экспорт сланцевых нефти и газа в Европу и другие регионы). Уже в мае 2016 г. США увеличили экспорт нефти на 12% до рекордных 662 тысяч баррелей в сутки. Это самый высокий экспортный показатель США с 1920 г. Уместно вспомнить, что в мае 2015 г. нефтедобыча в США выросла по сравнению с 2009 г. на 80% до 9,51 млн баррелей/день, а доля импорта снизилась на 27% – до 9,47 млн баррелей/день, что явилось самым низким показателем после 1985 г.

Однако США продолжают импорт нефти, в том числе и из России. Так, за июнь-июль 2015 г. они импортировали больше 4,6 млн баррелей нефти из РФ (максимум за последние 3 года). В тот период американские НПЗ получали в среднем по 70 тысяч баррелей российской нефти в день. Главными покупателями сырья были нефтепереработчики из штатов Делавэр, Нью-Джерси и Пенсильвания. Перевозка нефти по морю обходится США дешевле, чем доставка по железной дороге из Северной Дакоты. Также следует отметить, что

²² Китай активно содействовал общей позиции стран БРИКС на саммите в КНР 14 апреля 2011 г. с требованиями отказаться от применения военной силы в Ливии и готовности сотрудничать по этому вопросу с ООН. Требование уважать суверенитет арабских государств и не допускать иностранного вмешательства в их дела нашло отражение в Декларации на юбилейном заседании ШОС по случаю 10-летия создания этой организации. См.: ПДВ № 6 – 2011. С. 13.

американские НПЗ построены под импортную нефть с высоким содержанием серы. Для переработки собственной малосернистой их нужно будет переоборудовать, поэтому проще пустить максимальное количество американской нефти на экспорт, а для переработки использовать импортную.

Российские и зарубежные аналитики отмечают, что США и их союзники активно ведут против России настоящую экономическую войну. В 2014 г. ряд американских политических деятелей прямо заявлял, что их задача нанести как можно больший вред экономике России. Другие оговаривались, утверждая, что санкции вводятся в защиту демократии и международного права, а не с целью нанести Российской Федерации урон. Однако факты вещь упрямая, и говорят они об обратном.

Американские сенаторы не оставляют попыток нанести удар по экономике России. Группа сенаторов США в 2017 г. разработала новый пакет антироссийских санкций под предлогом ответа на действия Кремля на Украине, в Сирии и в киберпространстве. На текущий момент санкции включают запрет на предоставление долгосрочных займов российским банкам с государственным участием, а также государственным нефтяным компаниям, за исключением «Газпрома». Причём председатель комитета по банкам сенатор из Айдахо Крейпо М. и сопредседатель от демократов сенатор из Огайо Браун Ш. считают, что ограничения должны быть распространены на металлургический сектор РФ и РЖД, что позволит закрепить законодательно и усилить существующие санкции, влияющие на российские проекты в сфере энергетики и долговое финансирование в ключевых отраслях экономики». Как считают авторы проекта, предыдущие санкции в отношении РФ были недостаточны, а Россия по-прежнему остаётся враждебной США страной, расширяет свою военную деятельность, применяет ресурсы информационного и кибершпионажа и экономические рычаги, чтобы причинить вред США и внести раскол между США и союзниками.

Следует отметить, что ранее в Конгресс Соединенных Штатов Америки республиканцем Муни А. был внесён на рассмотрение акт «О противодействии российской агрессии 2017» как ответ на «вмешательство России в ход президентских выборов в США, невыполнение Москвой Минских соглашений по Украине, а также незаконную аннексию Крыма, Южной Осетии и Абхазии» [11].

Хотелось бы прокомментировать это высказывание, так как сенаторы не приводят никаких примеров и обоснований враждебной деятельности РФ по отношению к США, не указывают, какой вред нанесла или наносит Россия их стране? Удивительно звучат доводы о

расширении Россией своей военной деятельности. Видимо, имеется в виду борьба ВС России с терроризмом в Сирии, где наша страна присутствует по приглашению законного правительства САР. Невыполнение Москвой Минских соглашений звучит странно, так как РФ не является стороной-участницей в конфликте на востоке Украины. Относительно незаконной аннексии Крыма, Южной Осетии и Абхазии тут, как говорится, опять пальцем в небо. Борцы за демократию упускают из вида, что присоединение Крыма к России (было бы правильнее сказать, возвращения Крыма назад в состав России) было инициировано после проведения в Крыму всенародного референдума. Но видно, очень уж велика досада, что не успела американская сторона разместить свои военные базы в Крыму до выхода полуострова из состава Украины. Относительно Южной Осетии и Абхазии сенаторы, наверно, просто не информированы, что эти страны вышли из состава Грузии, но в состав России не входили, поэтому говорить об аннексии Россией Южной Осетии и Абхазии было бы равносильно повторению ошибки госпожи Псаки о наличии в Белоруссии моря.

Согласно американскому законопроекту под санкции попадут физические лица, банки и компании, покупающие государственные облигации России, причём на такие операции будет наложен полный запрет вне зависимости от суммы инвестиций. Следует отметить, что предыдущие санкционные пакеты распространялись на российские госкомпании, государственные банки, но получать долговые бумаги правительства РФ не запрещали и иностранные банки активно этим пользовались. Нерезиденты, по данным Центрального Банка России, в 2016 г. приобрели облигаций федерального займа на 434 млрд рублей, обеспечив 88% суммы, которую Минфин России привлёк на рынке для покрытия дефицита бюджета (494 млрд рублей), но данный законопроект вводит полный запрет на такую практику. Причём санкции за его нарушение предполагается вводить не только против компаний и граждан США, но и против лиц из третьих стран [11].

Интересно затронуть высказывания относительно взаимоотношений США и РФ президента США Трампа Д. до и после избрания его на этот пост. Так, относительно экономических санкций против России Трамп Д., будучи кандидатом на пост президента США, высказывался следующим образом: «Это (Крым) в большей степени проблема Европы, нежели наша. И Европа при этом не жалуется столько, сколько мы. Я понимаю, если бы европейцы приходили к нам и просили нашей помощи, но в реальности они не делают этого. Они продолжают вести дела в России, берут российский газ, российскую

нефть... Это именно мы делаем из всего этого большую проблему... ***Всё берут на себя Штаты – как будто мы мировой полицейский.***

Мы бы поладили с Путиным. Я бы сумел вести дела с Россией... Я был в Москве два года назад и могу Вам сказать: ***«С этими людьми можно иметь отношения, и даже хорошие. С ними можно вести дела.*** Вот только Обама на это не способен [13]. Запомним эти высказывания Трампа и вернёмся к ним позже.

Вот мнение российских СМИ о новом президенте США: ***«Трамп казался глотком свежего воздуха, символом грядущих перемен к лучшему в отношениях между РФ и США...»*** [9].

Во время пресс-конференции с журналистами на вопрос: ***«Намерен ли он жёстко отвечать на такую вопиющую российскую провокацию как появление российского военного корабля в международных водах: (напрашивается вопрос: «А что российским кораблям запрещено пребывание в международных водах, в отличие от кораблей других стран? Американские корабли в Балтийском и Чёрном морях находились от российских берегов на расстоянии около 30 км. И ничего...») недалеко от американского побережья?»*** Трамп ответил: ***«Лучшее, что я мог бы сделать – это стрелять по кораблю, который появился в тридцати милях от берега. Все бы в нашей стране сказали: «О! Это так здорово!» Это не здорово. Я хочу делать правильные вещи для американцев. И, если честно, во вторую очередь, я хочу делать правильные вещи для всего мира*** [9].

Тогда эксперты задавались вопросом: ***«Даст ли государственная и политическая система США Трампу возможность делать эти правильные вещи?»*** В российских СМИ высказывается мнение, что у Трампа не хватает политических ресурсов для разворота американской политики в сторону России. С другой стороны, скептики спрашивали: ***«А хочет ли президент США делать эти правильные вещи, или это только красивые фразы, прикрывающие реальную внешнюю политику Америки, которая становится в настоящий момент ещё более агрессивной, чем при Обаме?»***

Чтобы не питать напрасных иллюзий о возможности улучшения отношений между Россией и США в период правления Трампа Д. и избежать горьких разочарований впоследствии, следует учитывать, что президент США будет прагматично действовать только в интересах своей страны и не иначе. Показательным в этом отношении было его выступление на пресс-конференции с главой НАТО Йенсом Столтенбергом, когда Трамп Д. дал высокую оценку переговорам, которые провёл госсекретарь США Тиллерсон Р. в Москве 14 апреля 2017 г. с Путиным В.В. и Лавровым С.В.: ***«полагаю, он провёл очень успешные встречи в России».*** После этого Трамп снова выразил

надежду на то, что Белый дом и Кремль наладят отношения в ближайшем будущем: «Было бы здорово, если бы НАТО и Соединённые Штаты смогли бы поладить с Россией. Потому, что сейчас мы не ладим совсем. На текущий момент наши отношения находятся, возможно, на самом низком уровне. Россия является сильной страной. Но США – очень-очень сильная страна. Посмотрим, как мы сумеем договориться» [15].

Следует отметить, что в конце апреля 2017 г. Тиллерсон Р. заявил, что с Москвой ни о чём договориться не удалось, хотя Кремль, как и Трамп, назвал переговоры конструктивными. По-видимому, обе стороны хотели сохранить хорошую мину при плохой игре. Кроме того, Тиллерсон назвал Россию угрозой № 1 для США (Трамп на это место поставил КНДР), а Пенс назвал Россию, Иран и терроризм главными угрозами).

Заявив об изменении государственного курса и акцентировав внимания на внутреннем развитии страны в отличие от глобальных проектов предшествующего периода, Трамп Д. провозгласил целью подъём американской экономики и создание новых рабочих мест для американского населения, сокращение финансовых расходов, указав, что партнёры США должны вносить больше средств на обеспечение своей безопасности. Будущее покажет, насколько концепции политической деятельности нового президента США окажут влияние на внешнеполитический курс его страны, на международные отношения в мире в целом и отношения между США и Россией.

Конфронтация между нашими странами и международная напряжённость в мире только усиливаются. Обострению способствовал ракетный удар США 7 апреля 2017 г. по авиабазе Шайрат²³ правительственных сил в Сирии (кстати, удар не был согласован с Сенатом США и не санкционирован ООН), демонстративная отправка военных кораблей к Корейскому полуострову, апрельское применение в Афганистане сверхмощной неядерной бомбы GBU-43, которую называют «матерью всех бомб».

Если учитывать реальные результаты этих массированных ударов, то они в стратегическом плане практически никакие: из 59 выпущенных по Шайрату «томагавков» до цели долетели только 23, не

²³ Когда организация по запрещению химического оружия отказалась расследовать последствия химической атаки в Идлибе в Сирии, это создало идеальные условия для разного рода фальсификаций. США воспользовались этой обстановкой и в ночь на 7 апреля нанесли ракетный удар по Шайрату. О таком развитии событий ещё в 2013 г. писал британский таблоид «Дэйли Мэйл», но сегодня статья о том, что США поддержат химатаку в Сирии, а потом вину возложат на президента Асада, исчезла с сайта газеты [2].

причинив особого вреда, супербомба, сброшенная на систему тоннелей в Афганистане, построенных, кстати, сами же США в период войны СССР с моджахедами, уничтожила 35 боевиков (эта акция очень напоминает стрельбу из пушки по воробьям), а также демонстративные маневры военных кораблей США в акватории Корейского полуострова являются военно-политическими попытками устрашения и оказания давления на Россию, Китай, КНДР с целью подтвердить военную мощь Америки и способность этой страны по-прежнему играть роль «мирового полицейского», что ранее осуждалось Трампом в его предвыборной риторике и что в настоящий момент реализуется на самом деле. Все эти действия очень хорошо вписываются в ёмкую фразу, сказанную самим же Трампом в начале февраля 2017 г. в интервью О'Райли: «Вы что думаете, наша страна такая уж невинная?» [17].

Белый дом считает, что главной заслугой президента США Трампа Д. во внешней политике стала изоляция России в ООН. Такое заявление в американской администрации сделали накануне истечения 100 дней нахождения Трампа во главе страны (документ «100 дней безопасности президентства Трампа») [1]. Однако по прошествии этих ста дней мы можем констатировать, что, в принципе, риторика Трампа мало чем отличается от риторики его оппонентов-демократов и Клинтон Х., которая в своих предвыборных речах говорила, как она бы стала строить свои отношения с Россией, если станет президентом США. Клинтон утверждала, что будет вести переговоры с Москвой, только если сможет у своих оппонентов что-то выторговать. Поэтому смысл переговоров для неё был бы (по её словам): «Что я смогу за это получить?»

Практически такую же позицию занимает сейчас и Трамп, периодически повторяя как заклинание, что нужно «поладить с Москвой». Однако риторика остаётся только риторикой, причём не очень успешной. Апофеозом этой позиции США стало принятие 4 мая 2017 г. Палатой представителей законопроекта, который предусматривает осуществление контроля за российскими дальневосточными портами Владивосток, Находка и Ванино в контексте выполнения санкций против КНДР. Этот законопроект Косачёв К.И., руководитель комитета по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания России, назвал объявлением войны [18]. Однако уже 8 мая 2017 г. американские парламентарии пошли на попятную и заявили, что их неправильно поняли и СМИ неточно интерпретировали их решения.

На наш взгляд, оценивая данную ситуацию, можно сказать, что американская сторона, трезво оценивая снижение своих возможностей

в экономике и военной сфере, по-прежнему хотела бы играть роль «мирового полицейского» и предписывать и навязывать другим государствам свои нормы и стандарты. Американцы, учитывая силу и мощь России, с одной стороны, стараются «пощекотать нервы» своему оппоненту, с другой – посмотреть, а вдруг Россия послушается их предписаний и согласится на их выполнение. При этом в интересах американцев активно и инициативно работает пятая колонна внутри России.

Попытка надавить на Китай (а ракетный удар по Сирии был на это рассчитан, так как был нанесён во время визита Си Цзиньпина в США) и вбить клин между Россией и КНР, не удалась. МИД Китая прокомментировал тезис Белого дома об изоляции России в ООН в контексте того, что Китай воздержался от голосования в Совете Безопасности ООН по Сирии. Китайская сторона отметила, что у КНР с Россией в настоящий момент успешное партнёрство и эффективно развивающиеся взаимоотношения.

Как отреагировали на данные события в Российской Федерации? Согласно телефонному опросу ВЦИОМ в апреле 2017 г., одна треть (30%) опрошенного российского населения, считает войну между Россией и США возможной (63% – невозможной), причём 14% указали, что такая война уже идёт (в 2014 г. – 4%). Следует отметить, что, если в 2014 г. такую войну считали маловероятной 25% опрошенных россиян, то в 2017 г. их осталось 16%. 82% опрошенных россиян посчитали такие действия американцев провокацией [3].

Интересно, что к очередной годовщине встречи на Эльбе, американской стороной была подготовлена подборка из 38 высказываний крупных учёных, политиков, бизнесменов и журналистов о важности проведения США реалистичной и сдержанной политики. Их сделали: Бейсевич Э., почётный профессор Бостонского университета, Бэндоу Д. из Института Катона, Бьюкенен П., писатель и обозреватель, Коэн С., из Принстонского и Нью-Йоркского университетов, Инглиш Р.Д. из Университета Южной Каролины и журнала *Foreign Affairs*, Кинцер С. из Уотсоновского института международных исследований Университета Брауна, Миршаймер Дж. из Университета Чикаго, Поузен Б. из Массачусетского технологического института, Уолт С. из Школы управления им. Джона Кеннеди Гарвардского университета, сенатор-республиканец от штата Кентукки Рэнд Пол и другие. Как отмечает Джордж О’Нил-младший, существует давняя традиция американского невмешательства. Дж. Вашингтон советовал потомкам избегать «иностранных альянсов, привязанностей и интриг», а также завещал «проявлять добрую волю и соблюдать справедливость по отношению

ко всем государствам, поддерживать мир и согласие со всеми». В 1821 г. Госсекретарь Дж. К. Адамс отмечал, что Америка «не отправляется за границу в поисках монстров, которых надо уничтожить. Она доброжелательно относится к свободе и независимости всех людей. Она – защитник и борец только в отношении своих интересов». Более полувека назад отец Уоррена Баффета конгрессмен Баффет Г. заявил: «Даже при желании Америка не сможет поддерживать порядок во всём мире с помощью военной силы. Он указывал, что американские христианские идеалы невозможно экспортировать в другие страны за доллары и оружие. Невозможно одновременно говорить о сотрудничестве в масштабах всего мира и осуществлять силовую политику» [5].

Эту же позицию занимает Кауфман Б., который в своей статье пишет: «В Вашингтоне кабинетным воякам и руководящим бомбардировками с ноутбука лицам легко обращаться к чужим сыновьям и дочерям с призывом отправляться за границу и сражаться, будь то во Вьетнаме, Ираке или Европе. Результатами, однако, являются смерть и разруха за границей и фантастические суммы, потраченные на военно-промышленно-политический комплекс. Мы не можем воевать во всех этих местах одновременно, не столкнувшись с бедствиями [5].

Как оценивают сами американцы, что происходит в настоящий момент при отступлении от политики невмешательства?

Джордж О'Нил-младший, член совета директоров American Ideas Institute резюмирует: «Когда Америка проигнорировала эти мудрые советы, результатом стало множество негативных непредвиденных последствий и затрат в размере 5-6 трлн долларов, и спустя 16 лет всё больше людей стремится напасть на нас и уничтожать, и конца этому не видно» [5].

Относительно России он заявил, что Россия является не основным направлением внимания, а компонентом годами длящихся усилий по осуществлению более реалистичной и сдержанной внешней политики США. Россия представляет собой важную составляющую наших усилий по созданию успешной и гуманной внешней политики. Постоянные войны сильно истощили Америку, и мы намерены положить конец расточительству и уничтожению не только нашей страны, но и других. Стремление к улучшению отношений с Россией и остальным миром является частью благородной американской традиции Вашингтона, Адамса, Эйзенхауэра и многих других [5].

Однако россиянам не нужно питать иллюзии относительно американской демократии и её плодов. В этом отношении показательна кампания США против отмыwania грязных денег. Так

фирма «Prevezon Holding» Дениса Кацыва, вице-президента РЖД, подозревалась американской стороной в отмывании 230 млн долларов, якобы похищенных из бюджета России. Часть этих средств, как считали в США, была присвоена у фонда Hermitage Capital, юристом которого был Сергей Магницкий, скончавшийся в московском СИЗО в 2009 г. Американцами был инициирован судебный процесс [7].

Так, и хочется сказать, какое благородство и какая забота со стороны США о российском бюджете. Чем же всё закончилось? Были ли наказаны виновные? Да и были ли вообще виновные с российской стороны? Итог невероятен: «Prevezon Holding» договорилась с властями США до суда и достигла досудебного соглашения по акту Магницкого, инициированного в США в 2012 г. Американцы согласились отказаться от претензии в адрес компании, базирующейся на Кипре, в обмен на выплату 5,9 млн долларов [7]. Если бы американцы смогли доказать вину подозреваемых и наказать виновных, тогда получалась бы совсем другая картина, а так, видя, что они не могут доказать вину и сорвать с компании огромный штраф, американская сторона удовольствовалась тем, что сорвала хотя бы небольшой куш с россиян.

Завершить данный дискурс хотелось бы политическими изысками путиноведа из Фонда Карнеги Колесникова А., руководителя программы «Российская внутренняя политика и политические институты» данной организации, который в своей статье «В ожидании четвертого срока: российский политический режим за год до выборов» от 4 апреля 2017 г. рассуждает об Америке и России и политических лидерах этих стран.

Фон изображения российской действительности этого автора можно определить, как 100 оттенков чёрного. Он пишет о России: «Система управления сводится к инерционному «развитию», пока без расширения ареала насилия, с применением точечных репрессий в сочетании с пропагандой/цензурой/самоцензурой. Настоящего спроса на реформы ради развития нет, потому что в этом случае придётся согласиться с расширением свободы общества. А на это наша гибридная автократия пойти не может, потому что угрозу она видит не в застое и инерционном развитии, а именно в любых преобразованиях и коррекциях системы [6].

Говоря о своей стране, он не без издёвки отмечает: «Мы имеем дело со своего рода «фиктивным государством»¹³. Это государство внешне очень мощное: оно бомбит Сирию, берёт Пальмиру и Алеппо; здесь громяют оборона, война, язык ненависти; выходят на авансцену Церковь, Армия и ФСБ; сквозь ленту новостей просвечивает великая история царей и генсеков, насилия и побед. Вся эта внешняя

атрибутика закрепляется объединительными ритуалами, концертами, парадами. Но у этого мощного государства, у этого эха, мечущегося между мавзолеем, ГУМом и кремлёвской стеной, у этого напряжённо дрожащего воздуха перед самым началом парада в честь очередной годовщины победы в Великой Отечественной есть и другая сторона. Это государство не может предоставить нормально работающие элементарные сервисы. Оно справляется с функцией насилия для самозащиты от своих же граждан, но не может обеспечить ресурсами отрасли человеческого капитала, здравоохранение и образование. Человеку это государство помочь может далеко не всегда, зато способно ему противостоять – и политически, и даже в бытовых ситуациях, когда обычный гражданин вступает в контакт с государственными органами и службами».

Но достаётся не только России и Путину. «Под раздачу» попадает и Трамп, находящийся, видимо, в другом политическом лагере по сравнению с автором из Карнеги, который пишет: «Власть говорит на языке улицы, идентифицируя себя с «простым народом». Причём это не сугубо российский феномен, это в принципе свойство современной политики..., что хорошо видно на примере Дональда Трампа. Лидер, который выглядит таким же, как все – средним россиянином или средним американцем» [6].

Руководитель Московского офиса Карнеги Тренин Дм. в своей статье «Россия нуждается в американской помощи, чтобы запечатать сделку в Сирии» в Financial Times от 10 апреля 2017 г. отметил, что воздушные удары 7 апреля 2017 г. США по Сирии развеяли все оставшиеся иллюзии в Москве по поводу внешней политики Трампа Д., и риск конфронтации увеличился [16].

А что же Китай? Специалист Карнеги по КНР Габуев А. в своей статье «Китай и Россия: друзья стратегических преимуществ» от 7 апреля 2017 г. оценивает российско-китайские отношения не как новую ось единомышленников авторитарных режимов, которые хотят бросить вызов Западу, а как пример тактического, конъюнктурного сотрудничества западных держав. Он задаёт вопрос, являются ли отношения между Китаем и Россией отношениями при хорошо скрытом взаимном недоверии? Или это развивающийся союз ревизионистских авторитарных держав, брак между растущей экономической мощью Пекина и *наглостью* России оспаривать международный либеральный порядок, и могут ли Россия и Китай объединить усилия по противодействию ТНААД?

При анализе взаимоотношений США и КНР Габуев отмечает, что в ходе предвыборной кампании Д. Трамп обещал, что после победы объявит Китай валютным манипулятором, введёт против

товаров из КНР заградительные пошлины, а также будет проводить более жёсткую политику в Южно-Китайском море. Эта риторика грозила перевести отношения между двумя самыми мощными державами XXI в. в режим открытой конфронтации. Однако в ходе саммита глав США и КНР в Мар-а-Лаго эту негативную тенденцию удалось переломить [4].

Другой старший научный сотрудник Фонда Карнеги Юкон Хуан в своей колонке в «Wall Street Journal» отмечает, что Трамп и Си запустили 100-дневные переговоры по торговле и инвестициям, и у Вашингтона и Пекина появился уникальный шанс решить многие спорные вопросы [18].

Ещё один *звёздный* специалист по китайской экономике в команде Карнеги (по скромной оценке представителей самого Фонда) – профессор Пекинского университета Петтис М. – в своей статье для «Bloomberg» пишет, что Вашингтон не будет ввязываться в тарифную войну, а скорее сосредоточится на вопросах движения капитала [8], а Суэйн М., входящий в число ведущих специалистов по китайским вооружённым силам и внешней политике Пекина в Карнеги, полагает, что изначальные антикитайские идеи команды Трампа не выдержат проверки реальностью, и в итоге две сверхдержавы при ответственном подходе смогут найти способ снижения военных рисков в Восточной Азии. По мнению Суэйна, отношения США и Китая вступают в период турбулентности. Их динамика будет серьёзно влиять на весь мир, в том числе и на Россию [14].

В данном экскурсе с использованием высказываний специалистов Фонда Карнеги нам хотелось акцентировать внимание на американской точке зрения на американо-китайские отношения, высказанной как прямо, так и опосредованно.

Какое резюме можно сделать из всего вышеприведённого?

Если Россия будет проявлять слабость, её будут добивать без правил, как американский боксёр Анри Уорд российского боксёра Сергея Ковалёва, бить ниже пояса, а американские судьи этого не заметят.

Реферативный список:

1. Белый дом назвал достижением Трампа «изоляцию России в ООН». Газета.ru 11:05 https://m/gazeta.ru/politics/2017/04/28_a_10648019.ShtmH
2. «В теме»: почему Трамп нанёс удар по Сирии. m24.ru 07.04.2017. http://www.m24.ru/m/videos/141884?autoplay=1&utm_source=sm2&utm_campaign=video&utm_medium=cpc
3. 14 ВЦИОМ: треть россиян посчитала возможной войну между Россией и США. <https://news/yandex.ru/yandsearch?cl4url=rg.ru/2017/04/>

- 17/treet-rossian-poschitala-vozmozhnoij-vojnu-mezhdu-rossiej-i-ssha.htm
4. Габуев А. Китай и Россия: друзья стратегических преимуществ. М.: Московский центр Карнеги. 07.04.2017. Carnegie.ru
 5. Зачем нам сотрудничество с Россией? 25.04.2017. Джордж О'Нил-младший (George D. O'Neill Jr.). Why Do We Want a Cooperative Relationship With Russia? What Time magazine doesn't understand about the noninterventionist right. By George D. O'Neill JR. April 24, 2017
 6. Колесников А. «В ожидании четвёртого срока: российский политический режим за год до выборов». М.: Московский центр Карнеги. 04.04.2017. Carnegie.ru
 7. Компания вице-президента РЖД договорилась с властями США без суда. <http://www.mk.ru/economics/2017/05/13/ssha-zaklychili-soglashenie-s-kompaniey-ossiyanina-po-aktu-magnitskogo.html>
 8. Петтис М. Почему в торговле США и Китая возникли столь серьёзные перекося? 18 апреля 2017, Bloomberg, ИноСМИ.
 9. Ростовский М. Трамп спел России «лебединую песню»: роман пора заканчивать (на первой же пресс-конференции президент США признал свое бессилие «развернуть» американскую политику 17.02.2017 <http://www.mk.ru/poli-tics/2017/02/17/tramp-spel-rossii-lebedinuyu-pesnyu-roman-pora-zakanchvat.htm>
 10. Рубинский Ю.И. Передача карт» на глобальном уровне // Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы. М.: ИЕ РАН, Нестор-история, 2013. С. 51.
 11. Сенат США ещё раз попытался «порвать в клочья» экономику России. 01.06.2017 <http://ktovkurse.om/rossiya/senat-ssha-eshhe-raz-poruytaetsya-porvat-v-klochyu-ekonomiku-rossii>
 12. Стецко Е.В. Глобальное управление и роль неправительственных организаций в его становлении // terrahumana.ru archive/12_04/12_04_23 pdf С. 110.
 13. Сухаревская А. Кандидат-небоскрёб: как миллиардер Дональд Трамп заработал \$10 млрд. 13.08.2015, top.rbc.ru/business/13/08/2015/55cc8da59a794702b4bcb154
 14. Суэйн М. Как отвечать на угрозы азиатской безопасности в эпоху Трампа? 21 апреля 2017. Carnegie.ru
 15. Трамп похвалил Тиллерсона за работу в Москве. <http://mk.ru/politics/2017/04/12/tramp-pokhvalil-tillersona-za-rabotu-v-moskve.ht>
 16. Тренин Д.В. Россия нуждается в американской помощи, чтобы запечатать сделку в Сирии // Financial Times Carnegie.ru
 17. <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/58f7d86a9a79472e6ed0a7ab.htm>
 18. <http://www.mk.ru/politics/2017/05/05.kosachev-nazval-obyavleniem-voyny-zakon-ssha-o-kontrole-za-rossiyskimi-portami.html>

19. Юкон Хуан. Почему торговый баланс США с Китаем не так уж важен. 14 апреля 2017, Wall Street Journal, ИноСМИ.

2018 год

Статья «Сингапур до и после Ли Куан Ю: путь от маленькой красной точки на карте до процветающего государства»
в журнале «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития».
Том 2, № 4 (41), 2018.

Аннотация: Автор сделал сравнительный анализ преобразований в экономике и социальной сфере Сингапура за период правления Ли Куан Ю с момента обретения независимости этой страной по

настоящий момент. Показаны эффективные реформы, превратившие бедный портовый город в процветающее государство, один из крупнейших финансовых и торговых центров мира с высоким уровнем жизни и комфортными условиями для ведения бизнеса. Показаны многочисленные риски и вызовы, с которыми приходится сталкиваться Сингапуру.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Юго-Восточная Азия, Сингапур, Ли Куан Ю, экономическая модель Сингапура, проект рециркуляции воды «НЬЮУотер».

Singapore before and after Lee Quan Yu: the way from a small red point on the map to a prosperous state

Abstract. The author made a comparative analysis of the changes in the economy and social sphere of Singapore during the reign of Lee Quan Yu from the moment of independence of this country to the present moment. The effective reforms that turned the poor port city into a prosperous state, one of the largest financial and trade centers in the world with a high standard of living and comfortable conditions for doing business are shown. Numerous risks and challenges faced by Singapore are shown.

Key words: Asia-Pacific region, South-East Asia, Singapore, Lee Quan Yu, Singapore's economic model water recycling project «NeWater».

Вспоминая бурное развитие с 60-х по 90-е годы XX в. ряда стран ЮВА – молодых азиатских тигров – необходимо особо отметить Сингапур, который за короткий период времени сумел осуществить качественный скачок от заштатного портового города, «маленькой красной точкой на карте», как называл его президент Индонезии Б. Дж. Хабиби, до крупнейшего финансового и торгового центра не только Юго-Восточной Азии, но и мира.

С чего все начиналось? Государство, получившее независимость в 1965 г., практически не имевшее ресурсов и даже воду импортировавшее из Малайзии, смогло не только сохранить свою самостоятельность в отнюдь не благоприятной среде, как образно выразился Ли Куан Ю в 1-й части своей знаменитой книги Ли Куан Ю и суровые истины для Татарстана: «Крошечный, но упорный Сингапур, который воспринимался как «незванный гость» в регионе» [1], сумел выдвинуться в условиях жёсткой конкурентной борьбы в крупного торгового игрока и мощный мировой финансовый центр,

заняв второе место в мире по уровню развития финансового рынка и показав яркий пример другим развивающимся странам.

Итак, большие достижения Сингапура были осуществлены под руководством лидера этой страны – легендарной личности Ли Куан Ю, который с 1959 г., когда Сингапур стал самоуправляемым государством в составе Британской империи (чьей колонией эта страна являлась с 1867 г.), был премьер-министром²⁴. Затем в 1963 г. по результатам референдума Сингапур вошёл в Федерацию Малайзия, но в результате конфликта был исключён из Малайзии 7 августа 1965 г., а 9 августа того же года провозгласил независимость. Лидер независимого Сингапура, имея значительный опыт работы в государственных структурах, понимал всю сложность положения своей страны, для исправления которого обычные меры и методы не подходили. Он избрал своеобразный способ выживания, заявив: «Чтобы выжить, Сингапур должен быть экстраординарным государством. Если мы будем обычными, нас просто не станет» [2].

Итак, что было сделано с 1959 по 1990 гг. за годы правления Ли Куан Ю? В первую очередь, нужно было ликвидировать дефицит пресной воды и зависимость Сингапура от её экспорта из Малайзии, что десятилетиями было символом уязвимости острова, поэтому встала задача создания в Сингапуре эффективной системы управления водными ресурсами. Сейчас она включает сбор дождевой воды (в т.ч. с помощью знаменитых «деревьев» в парке), очистку и повторное использование отработанной и разработку новой технологии опреснения солёных вод. Проект рециркуляции воды «NeWater» был поворотным моментом, с помощью которого сингапурцы стали по-настоящему свободными, как образно отметил создатель этого проекта инженер Гарри Си. Кроме того, было выделено \$3,65 млрд США, чтобы проложить глубокие каналы для сточных вод и использовать эти воды для проекта «NeWater». Ещё нужно было решить проблему потребности в песке для строительства и реализации программы мелиорации земель [1].

Для укрепления своей независимости Сингапуру пришлось вложить крупные инвестиции в оборону и безопасность, так, для защиты 710 кв. км территории Республики Сингапур ВВС этой страны располагают более 400 самолётами. Другой проблемой было то, что малые размеры страны ограничивали воздушное пространство, а соседи не хотели разрешать воздушным силам Сингапура использовать некоторые воздушные зоны. Следует отметить, что на обеспечение

²⁴ После своего ухода из власти Ли Куан Ю занимал в Сингапуре должность старшего министра, а в 2004 г. получил статус советника правительства, которое возглавил его старший сын Ли Сянь Лун.

безопасности расходуется от 5 до 6 % ВВП страны, а каждый молодой сингапурец два года обязан отслужить в армии. При необходимости Сингапур может обратиться в Совет Безопасности, он также имеет Соглашение о безопасности, заключённое с США [1].

Для развития экономики страны жизненно важно было в срочном порядке привлечь иностранных инвесторов. «Мы приветствовали каждого инвестора. Мы просто из кожи вон лезли, чтобы помочь ему начать производство», – так писал Ли Куан Ю. В стране был создан благоприятный инвестиционный климат, введена дружественная налоговая политика, по которой доход и отечественных, и иностранных компаний облагается одинаковым налогом в 18%. Всего в Сингапуре пять налогов, из которых один налог на прибыль, один – налог на заработную плату. Суммарная ставка налогов 27,1%. Налоги на имущество в год для физических лиц составляют 4% от стоимости имущества. Сингапур занимает 5-е место в рейтинге налоговых систем мира [3] и входит в 10 стран мира с самым низким уровнем коррупции.

США лидируют по иностранным инвестициям в страну, уже в 2000 г. их доля составляла 40%. Большая часть американских инвестиций сосредоточена в производстве электроники, нефтепереработке и химической промышленности. В Сингапуре работает более 1500 американских фирм [3]. Кроме того, правительство поощряло и поощряет местные фирмы инвестировать за рубеж. На первом месте по этому показателю стоит Китай (14% от общего количества иностранных инвестиций), далее идёт Малайзия (10%).

Китай в 2016 г. занимал первое место по потреблению экспортной продукции из Сингапура (13,7%), третье – Малайзия (10,8%), которой наряду с США принадлежало первое место по поставкам импорта в Сингапур (11,2%), а Китаю – шестое место (1,2%). Следует отметить, что Сингапур в 2017 г. стоял на втором месте как основной экспортный партнер Малайзии с показателем в 12,9% и являлся для неё основным экспортным направлением (1-е место) – 31,56 млрд долларов США – 14,5%. В объёме импорта Малайзии Сингапур занимал в 2017 г. также 2-е место после Китая.

Всего же экспорт Сингапура в 2016 г. составил \$353 млрд 300 млн, а импорт – \$297 млрд, тем самым сформировав положительное внешнеторговое сальдо страны. По данным Всемирной торговой организации за 2016 г., Сингапур занимал 13-е место в мире по объёмам экспорта и 16-е по объёмам импорта [4].

В кредитно-банковской системе Сингапура, объединяющей около 700 различных финансовых организаций, в том числе 122 коммерческих банка (из них 116 – иностранных), 7 финансовых и 146 страховых компаний, ведущую роль играет государство. Огромным

достижением Сингапура является то, что эта страна не имеет государственного внешнего долга [5].

Таким образом, в настоящий момент экономическая модель Сингапура представляет собой развитую рыночную систему с упором на инновационное развитие, основанную на экспорте бытовой электроники, информационных технологиях, фармацевтической продукции, предоставлении финансовых услуг. Согласно отчёту о глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума 2015-2016, по доступности кредитования и устойчивости банковской системы Сингапур занимал 4-е место в мире и 2-е место – по лёгкости ведения бизнеса [6]. При этом экономика Сингапура является одной из самых открытых и свободных от коррупции, поддерживаются стабильные цены, а ВВП на душу населения – один из самых высоких в мире – 56 713 тысяч долларов США в 2017 г.

Сингапур является примером успешного развития свободных экономических зон, ориентированных на экспорт товаров. В этом государстве организовано более 25 промышленных районов (в том числе в Джуронге, Кранджя, Сунгев Кадуте, Юти Лоян Геи др.), где создано около 3,5 тысячи предприятий с общим числом занятых более 200 тыс. чел., что составляет 70% от общего числа работающих в обрабатывающей промышленности страны. На промышленные зоны Сингапура приходится около 80% всего экспорта продукции обрабатывающей промышленности [5].

Государственная поддержка и лучшие в мире условия для ведения бизнеса (регистрацию компании через онлайн-сервис можно осуществить за 15 минут) способствовали тому, что уже с 2005 по 2014 г. число стартапов в Сингапуре увеличилось с 24 до 55 тысяч. В 2013 г. сингапурские технологические бизнес-инициативы привлекли \$1,7 млрд инвестиций, опередив по этому показателю Японию, Южную Корею и Гонконг [7]. Однако Сингапур часто критикуют (по данным Human Rights Watch) за вероятное размещение счетов, содержащих деньги сомнительного происхождения, включая миллиарды долларов государственных доходов Бирмы от продажи природного газа [3].

Сингапур смог успешно использовать своё стратегическое местоположение, которое помогло ему стать вторым после Шанхая крупнейшим мировым портом, и превратился в коммерческий узел региона. Он также стал одним из мировых центров по нефтепереработке и 4-м мировым производителем полупроводников. В Азии по этому показателю страна уступает лишь Японии, а в мире занимает 16-е место. Здесь находятся отделения более 3,5 тысяч ведущих компаний мира, а более 120 транснациональных корпораций имеют здесь свои представительства. Кроме того, в Сингапуре насчитывается около 130

тысяч предприятий малого и среднего бизнеса, которые составляют 92% всех предприятий страны. На них приходится около 35% добавленной стоимости выпускаемой продукции и более 25% ВВП Сингапура. Кроме того, 7% прироста занятости в год также обеспечивает малый и средний бизнес, что очень важно, т.к. Сингапур – вторая в мире страна по плотности населения. Площадь этой страны составляет всего лишь 0,7 тыс. кв. км, но благодаря программе намывания территории была увеличена с 581,5 кв. км в 1960-х годах до 714,3 кв. км в 2011 г., но она может вырасти ещё на 100 кв. км к 2030 г. В настоящее время Сингапур состоит из 63 островов, самый крупный из которых – Сингапур (главный остров) [4].

Это маленькое, но передовое в экономическом отношении государство большое значение придаёт развитию энергетики, так как в современном мире эта отрасль напрямую определяет уровень и темпы социально-экономического развития и является технической основой цивилизации. Как указывают эксперты, существует жёсткая корреляция между уровнем экономического развития и удельной энергооборужённостью государства, поэтому создать мощную современную экономику могут только энергетически развитые страны, сумевшие построить у себя мощный энергетический комплекс [8, с. 13], притом, что Сингапуру приходится активно импортировать УВ и нефтепродукты.

Таблица 1

**Импорт/экспорт нефти, газа и нефтепродуктов Сингапура
в 2016-2018 гг. (в т.н.э.)**

Импорт	нефть	нефтепродукты	газ
2016	52,8	113,3	9,7
2017	57,9	120,5	9,9
2018 (данные на август)	58,0	120	9,9
экспорт 2016	1,0	98,3	-
2017	1,25	101,3	-

Источник: The Energy Market Authority (EMA). Singapore. 2018.

Импорт энергоносителей Сингапуром вырос на 7,4% с 176,3 млн. тнэ в 2016 г. до 189,3 млн. тнэ в 2017 г. Экспорт энергоносителей увеличился на 3,3% с 99,3 млн тнэ в 2016 г. до 102.6 млн тнэ в 2017 г. Основную часть импорта и экспорта энергоносителей составляли нефтепродукты. Импорт природного газа увеличился на 2% с 9,7 млн тнэ в 2016 г. до 9,9 млн тнэ в 2017 г., а на сжиженный природный газ (СПГ) сейчас приходится 27,6% импорта природного газа [9, viii].

Работая полностью на импортном сырье, Сингапур в то же время является крупным экспортером нефтепродуктов в страны

Азиатско-Тихоокеанского региона и в небольшом объёме поставляет в АТР нефть.

Производство электроэнергии в Сингапуре выросло на 1,2% с 51,6 ТВтч в 2016 г. до 52,2 ТВтч в 2017 г. В 2017 г. доля природного газа составила 95,2% в топливной структуре электроэнергетики. Основные производители электроэнергии в Сингапуре дали 92,4% от всей произведенной электроэнергии, остальные 7,6% пришлось на долю автопроизводителей. Общая мощность производства электроэнергии в Сингапуре составила 13 614.4 МВт по состоянию на конец марта 2018 г., а потребление электроэнергии выросло на 2,1% с 48,6 ТВтч в 2016 г. до 49,6 ТВтч в 2017 г. Доли потребления промышленного сектора, торговля и услуг, а также домохозяйств составили 43,3%, 35,9% и 14,7% от общего потребления соответственно. Потребление электроэнергии увеличилось на 5,8%, от 56,949.2 ТВтч в 2016 г. до 60,226.6 ТВтч в 2017 г. в связи с повышением спроса со стороны промышленного сектора [9, viii].

Однако Ли Куан Ю чётко осознавал, что Сингапур, даже став страной «первого мира», всегда останется уязвимым: «Это 80-этажное здание, стоящее на болотистой почве». Он хотел укрепить в сингапурцах инстинкт выживания, так как опасался, что этот инстинкт может быть утрачен именно из-за успешной деятельности. Одной из главных задач, поставленной Ли Куан Ю, было объяснение сингапурцам, живущим ныне в стабильной и успешной стране, что благополучная жизнь не является для них данностью, а зависит от эффективности их деятельности. А ведь головокружение от успехов может легко возникнуть, так как при ВВП в \$56 713 на душу населения, Сингапур вошёл в десятку богатейших стран мира по показателю покупательной способности населения. Почти 90% его жителей живут в собственных домах, а два фонда национального благосостояния Сингапура занимают седьмое и одиннадцатое место в мире [1].

Ли Куан Ю всегда подчёркивал, что все вместе взятые факторы: размеры, географическое положение, многонациональный и многоконфессиональный состав Сингапура требуют особого подхода к управлению страной. Он писал: «Меня беспокоит, что сингапурцы воспринимают Сингапур как нормальную страну, сравнимую с Данией, Новой Зеландией или даже Лихтенштейном и Люксембургом. Сингапур не может себе позволить такой роскоши, как самоуспокоенность или масштабные эксперименты. Если мы будем пренебрежительно относиться к этим обстоятельствам, все усилия будут напрасны». [1].

По политическому устройству Сингапур является парламентской республикой, исполнительная власть в которой

принадлежит кабинету министров во главе с премьер-министром, а президент выполняет представительную роль, хотя может наложить вето на критические решения. Вот, что сам Ли Куан Ю говорил о политическом устройстве своей страны: «Мы являемся многонациональной меритократией, мы нашли баланс между национальностями, социальными и экономическими классами» [1], а о своём политическом кредо писал: «Мы использовали те преимущества, которые Великобритания оставила нам: английский язык, юридическую систему, администрацию, лишённую партийных пристрастий», – указывая на основные аспекты политической системы, которые не должны меняться, это: «поддержка многорасовости, равенство возможностей, а не равенство вознаграждений, в образовании, жилье, здравоохранении и т.д.», отмечая, что «система, основанная на меритократии, это основа нашей общественной гармонии и межрелигиозной толерантности. Мы должны стать более космополитичными, принимать людей из других регионов, из Китая, Индии, США, Европы, Австралии и Новой Зеландии. Это наша судьба» [10].

Ли Куан Ю всегда подчёркивал, что хотел «сконцентрировать умы сингапурцев на мысли о том, как достичь качественного руководства и высоких стандартов управления, которые были бы основой роста и преобразований в Сингапуре». Понимания ограниченность альтернативных решений для своей страны и необходимость проявлять большую осмотрительность при выборе альтернативных западных моделей развития общества, он отмечал: «Дания или Швеция обойдутся и посредственным правительством, а Сингапур – нет», – и не забывал о многонациональном составе Сингапура (это был ещё один повод для беспокойства), в котором китайцы составляют 74%, малайцы – 13%, а остальные – индийцы и представители других национальностей. Поэтому Ли Куан Ю ставил задачей поддержание общественной гармонии, что всегда должно быть заботой правительства, так как «Сингапур – это 80-этажное здание на болотистой почве. Мы научились держаться на поверхности, чтобы подняться еще на 20, а может быть, 100 этажей. Но это реально только в том случае, если есть гарантия, что основание – крепкое. Самое главное – межэтническая, межрелигиозная гармония. Без неё, ссорясь друг с другом, мы обречены на гибель» [1].

Говоря о деятельности государственных лиц, отец сингапурского чуда как настоящий прагматик был уверен в том, что можно быть гением, но если Вам нечего предложить на рынке труда, то чего Вы стоите? Он был твёрдо уверен, что если неправильно управлять страной, то все умные люди уедут [11]. Ли Куан Ю в первую

очередь задавался вопросом: «Что же будет держать нас вместе?» и отвечал на него так: «Экономическая необходимость мира, стабильности и роста» [10]. И в этом он был, безусловно, прав.

Каким видел Сингапур и его будущее Ли Куан Ю?

«Сингапур – это нечто большее, – говорил он. – Это почти чудо. Когда вы приезжаете, вы становитесь частью совершенно исключительного организма. Он был создан необычным путём. Вы становитесь частью чего-то особого. Он возник, если можно так сказать, по счастливой случайности, умноженной на кропотливую работу и творческую, самобытную команду. И, я думаю, мы можем продолжать в том же духе [12].

Ли Куан Ю не был мягким политиком, при необходимости он мог быть очень жёстким в отстаивании своих убеждений, выполнении принятых решений и достижении поставленной цели. Иногда его называли «мягким диктатором». Сам же он признавался: «Я защищал свою позицию зубами и когтями, и я выиграл», – но он всегда тревожился за судьбу Сингапура. Он больше всего боялся, того, что «руководство и народ страны забудут о прошлом, потеряют точки опоры и перестанут понимать наши ограничения. Маленькая территория, но высокая организация, очень компетентные люди, полная уверенность на международном уровне, способность заручиться поддержкой крупных стран» Он отчётливо понимал: «Если мы потеряем это, мы погибли» [13], поэтому, уходя, Ли Куан Ю оставил своим согражданам такое напутствие: «У нас в стране не должно быть конфликтов между национальностями, религиями, культурами и языками» [1].

1. Ли Куан Ю и суровые истины для Татарстана. 1-я часть. 09.08.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: «БИЗНЕС Online»: <http://www.business-gazeta/article/44602/13>
2. Из грязи в князи: как в Сингапуре произошло экономическое чудо [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/1392-milton-kins>
3. Сингапур. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
4. Азиатский вектор: Сингапур. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.gecont.ru/articles/econ/singapur.htm>
<http://asiavector.ru/countries/singapore/>
5. Экономика Сингапура. Экономическая модель развития Сингапура [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.gecont.ru/articles/econ/singapur.htm>

6. Прусова В.И., Безновская В.В., Маркина А.И. Роль инвестиционных инструментов в экономике // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. – 2016. – № 2. – С. 9.
7. Bondarev D. Singapore. 27.06.2016. – Режим доступа. – URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/14042-singapore>
8. Энергетика России: проблемы и перспективы. М.: Наука, 2006. 636с.
9. The Energy Market Authority (EMA). Singapore. 2018. 136 p.
10. Ли Куан Ю. Какая альтернатива? Могут ли они дать альтернативу? Чушь! Часть 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: «БИЗНЕС Online»: <https://www.business-gazeta.ru/article/44667/13>
11. Ли Куан Ю. Если неправильно управлять страной, все умные люди уедут. Часть 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: «БИЗНЕС Online»: <https://www.business-gazeta.ru/article/44956/13>
12. Ли Куан Ю. Пришел Горбачев и ликвидировал Советский Союз. Они не были нацией, они были империей. Часть 10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: «БИЗНЕС Online»: <https://www.business-gazeta.ru/article/45255/13>
13. Ли Куан Ю. Я защищал свою позицию зубами и когтями. Я выиграл. Часть 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: «БИЗНЕС Online»: <https://www.business-gazeta.ru/article/44733/13>

Expert Assessment of the Situation in the Asia-Pacific Region by Scholars, Businessmen and Decision Makers (*based on Results of the International Expert Survey in the APR for the Period 2005-2016*)

Статья в журнале «Вопросы государственного и муниципального управления» № 5. Февраль, 2018. С. 43-55.

Abstract. The article reveals the role of the subjective factor in decision-making in the international sphere, based on analysis of the results of surveys the opinions of experts and decision makers from 16 countries of

the Asia-Pacific region. The main objective of the study was to identify the views of the experts on the characteristics of the situation in the Asia Pacific region: economy, security, risks and threats and ways to overcome them, and most importantly – the main directions of the cooperation of the Asia-Pacific countries with Russia and methods of their implementation.

The results of international surveys formed the empirical dataset for determining the main objectives of the administrative decision-making process aimed at the development of partnership relations between Russia and APR countries and their implementation. The decision makers were provided with information about how our country and its actions are seen by our Eastern partners, what is approved of and what is apprehended. The Information can be used for building and adjusting the image of Russia abroad for promoting the effective cooperation and coordination of the interests of the countries in the region.

Keywords: process of the decision making, subjective factor, decision maker, Asia Pacific Region, international expert surveys.

Effective information and analytical support for the strategic planning activities of government departments and business structures is a very important and delicate sphere. It sets stringent requirements for the information provided: efficiency, reliability, ethic, privacy.

When this concerns the optimization of international activities, it is mandatory to take into account the regional and national characteristics of the foreign partners, identifying their attitude to our country and its activities in these regions, – first and foremost, the opinions of decision makers. Particularly stringent requirements should be set for strategies as founding documents and forecasts, directing and correcting these strategies.

The APR is of great interest to researchers. However, in our view, the most fundamental and long-lasting are the studies of the Pacific Forum. Particularly promising are the analytical reports by Forum President Ralph A. Cossa and Director of Research Brad Glosserman.

Research from the Pacific Forum enables us to comprehend the main directions of development and regional problems: US-China relations (Carl Baker, Ralph A. Cossa, Gaoyue Fan, Vivian Brailey Fritschi, Brad Glosserman, Bonnie S. Glaser, Jane Skanderup, Snyder Scott), U.S.-Japan relations (Michael H. Armacost, Brad Glosserman, Mataka Kamiya, Jane Skanderup), China and the South Pacific (Eric Teo Chu Cheow, Fergus Hanson, Ronald Rodriguez,), U.S.-ROK relations (Ralph A. Cossa, Scott Snyder), North Korea (Aidan-Foster Carter, Ralph A. Cossa, Gordon Flake, Bonnie S. Glaser, Larry A. Niksch, Yuki Tatsumi, Scott Savitz), Taiwan problem (Yu Bin, Ralph A. Cossa, Andrew Yang, Chih-Cheng Lo, Derek

Mitchell, Robert Sutter), Indonesia (Ralph A. Cossa, Bilveer Singh, Anthony Smith), Myanmar (Bradley O. Babson), Philippines (Mely Caballero-Anthony), Thailand (J.C. Lumbaca), China-Singapore relations (Eric Teo Chu Cheow), and Mongolia (Steve Noerper) etc.

However, even with the variety of research on the Asia-Pacific, the expert surveys conducted by our project – in non-stop mode using 70% of the longitudinal research data, – have no equivalents in Russia or the wider world.

The interest of the Russian Federation which is located on the European and Asian continents to the Eastern direction it is due to the fact that the Asia-Pacific region is presently the fastest growing region in the world. It is projected that in 2020 more than 50% of the world's GDP will be produced by the countries in the East and South-East of Asia. The countries of this region account for a significant share of global energy consumption. The other main consumers are such giants as the US, China and Russia.

During the implementation of the international project “Dialogue Partnership as a Factor of Stability and Integration”, we conducted an international expert survey to assess the situation in the Far East and in the Asia-Pacific region from 2005 up to the present time. The experts are highly qualified specialists and VIPs (decision makers) from 16 countries: Russia, China, USA, Japan, Brunei, Vietnam, India, Indonesia, Republic of Korea, Mongolia, Malaysia, Myanmar, Nepal, Singapore, Thailand and the Philippines (government officials, scholars, politicians, diplomats, economists, businessmen, military officers, journalists, representatives of non-governmental organizations, etc.)

The International project “Dialogue Partnership as the Factor of Stability and Integration” (“The Bridge between the East and the West”) was set up in late December 1988 – and ran until early 1989 and includes four programs: 1) Oil and Gas Resources in the Context of Energy Security, 2) Security and Counterterrorism, 3) Conflict Resolution and Inter-ethnic Relations, and 4) Cultural and Educational Programs. In 2000 the project received international status. Scholars from 20 countries participated in the project.

We began the Asia Pacific research direction in 2004, when Dr. Larissa S. Ruban, head of the project, participated in a course at the Asia Pacific Center for Security Studies. In 2005 Dr. Ruban, through a grant from the economic program POSCO of the East-West Center (Honolulu, USA), carried out the project “Russian Oil Exports to Northeast Asia as the Factor of Stability and Cooperation in the Region”. This project includes a “pilotage” survey of 24 experts from 7 countries of the APR: Russia, USA, China, Japan, Republic of Korea, India and Mongolia. Since 2008 the

survey has included participating experts from Malaysia; since 2009 – from Vietnam and the Philippines; since 2010 – from Indonesia, Singapore and Thailand; since 2011 – from Brunei and Nepal; and since 2013 – from Myanmar. Since 2013 100 experts from 16 countries of the APR have participated every year.

It should be noted that the Eastern elite is a very closed structure which is difficult for external actors to penetrate and receive information from. However, in the framework of the international project «Dialogue partnership as factor of stability and integration» («a Bridge between the East and the West») long-term close contact was established with experts and the excellent reputation of the project allowed them to receive information whilst protecting respondents' confidentiality.

Experts give a comprehensive description of the situation in the Asia Pacific region based on the development of their countries (their cumulative potential), determine the level of security in the Asia Pacific region, the risks and threats, the possibility of conflicts, characterize the hierarchy of countries (in respect to leadership) and the international organization of the region (in terms of efficiency), indicate the need for energy resources, and offer the best routes for the transportation of hydrocarbons, including the Eastern direction of hydrocarbon exports.

The surveys are primarily aimed at finding optimal ways for cooperation between the countries in the region and outside powers, identification of effective methods and mechanisms for developing cooperation and strengthening integration, as well as eliminating risks and threats that impede this integration. The surveys are carried out in the form of continuous monitoring and are complemented by statistical data and content analysis from publications in specialized media and research literature.

We present the results of the surveys. The current situation in the Asia-Pacific region is assessed by 59% of the experts as stable, by 19% as the relatively stable, and by 22% as unstable due to local conflict. Table 1 below shows the dynamics of expert opinion since 2005, when the prevailing assessment of the situation was as unstable (54%). However, from 2008 the majority of experts began to assess the situation in the region as stable in varying degrees.

Situation in APR	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	
Answers, %	5	6	7	8	9	0	1	1	2	3	4	5	6
1) Situation is stable	42	40	39	24	65	54	43	49	48	53	53	53	
2) Situation is						18	26	12	14	11	14	14	

relatively stable												
3) Situation is not stable	54	52	51	13	10	10	19	16	14	14	18	18

Regarding the risks and threats that destabilize the situation in the Asia-Pacific region, the experts named the following:

Table 2

Answers, %	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1. Nuclear weapon of North Korea	54	64	73	31	37	33	50	46	39	38	40	44
2. Competition for energy resources	13	40	51	62	29	33	46	54	60	62	64	64
3. Anthropogenic disasters							26	26	28	30	30	30
4. Natural disasters							26	26	27	27	27	27
5. Taiwan problem	30	40	54	18	17	10	18	12	6	3		
6. Climate change						6	5	5	6	6	5	5
7. Environmental pollution	13	13	15	20	4	6	5	8	9	9	14	14
8. International crime: narcotraffic, piracy, etc.	22	8	12	12	6	6	2	6	6	7	6	6

One of the examples of an aggravation of the situation due to the increased competition for energy resources and the territory they possess, as stated by the experts, is the worsening situation in the South China Sea concerning ownership of the Paracel and Spratly Islands, where the dispute is between China, Vietnam, Malaysia, the Philippines, Brunei and Taiwan.

Based on these estimates, the experts made predictions about the possibility or impossibility of the onset of military conflict.

Table 3 shows a positive trend: a decrease in the number of assessments about the possibility of military conflict from 54% in 2005 to 13% in 2012 and to 10% in 2014-2016, and an increase in the estimates on the impossibility of a military conflict in the Asia Pacific from 42% in 2005 to 74% in 2012.

Table 3

	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
--	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

Answers, % Year	0 0 5	0 0 6	0 0 7	0 0 8	0 0 9	0 1 0	0 1 1	0 1 2	0 1 3	0 1 4	0 1 5	0 1 6
1 group: No, military conflict is unlikely in APR now	42	40	39	58	67	68	60	74	72	70	70	68
2 group: Yes, military conflict is likely in APR now	54	52	51	22	16	3	10	13	13	10	10	10
Middle opinion: military conflict is unlikely in APR now, but situation can change due to the existence of risks and threats	4	8	10	17	16	20	30	13	15	19	20	22

These likelihood estimates decreased in connection with the nuclear testing in North Korea in 2013 to 72%, in 2014-2015 to 70% and in 2016 to 68%.

Answers to the expert's question: "How did the situation in the far East and the Asia-Pacific region change?" are important in the sense that European and Asian mentalities differ. Very often we and our Asian partners perceive the same events in a different way, so the answers to this question not only state the changes occurring in the region, they also reveal how they are evaluated by the representatives of Asia-Pacific countries, indicating which events are assessed as positive. The knowledge of these assessments and the assessment criteria used by our partners, will allow us to effectively build a foreign policy in the Eastern direction and subsequently its energy component, in order that Russian energy policy is not perceived as a severe energy expansion, threatening its neighbors and forcing them to do certain things under pressure from the «energy switch».

The departure from a clear USA – Soviet Union confrontation and the transition from a hostile relationship with China to a strategic partnership with that country was attributed by the experts to positive changes in the Far East and Northeast Asia in comparison with the previous period. They noted the effectiveness of the prudent and pragmatic policies of China, which focused on economic interests, not ideological differences. The major conclusion made by the experts: "The main positive point is the

relative stability in the region, as the parties understand the consequences of conflict and its aggravation”.

What advice is given by the experts to the Russian experts leading negotiations with Asian partners?

A Number of Russian experts (2005-2007) paid attention to the fact that controversial issues should be approached in a sober and non-ideologized way and not only in terms of concessions. The difficulty is that often the persons negotiating and making critical decisions confuse the assignment with a compromise, and after making a concession, wait in vain to get something in return (Kompleksnaya kharakteristika situatsii v ATR, p. 174).

In theory of effective negotiations it is clearly indicated that compromise involves getting one thing in return for another. The concession is giving something without compensation, without receiving anything in return. Concessions are made to demonstrate goodwill, to form positive public opinion. A concession can be made by a strong party to demonstrate good intentions, or a weak party, knowing that unless the concession is made, the object of controversy will be withdrawn. And it is very important not to be mistaken with assessments and to give an adequate assessment of the situation in order to defend one's interests (Yuri, 1992, p. 5)

Moreover, a negotiator should always remember the national interests of their country and not be afraid to say “no” when the conditions are disadvantageous or even dangerous to national interests. Never underestimate or overestimate the other side. Our Asian partners (this concerns Japan, China, and South Korea) always negotiate from a tough standpoint of their national interests, which they will never compromise. Russia has yet to learn from them such a persevering stance in defending their national interests (Kompleksnaya kharakteristika situatsii v ATR, p. 174).

Never forget about the specificity of the Asian partners and neither attributes your traits to them, nor expect from them actions and proposals falling into our logic. They are different: they have different history, culture, traditions, and a different perception. And they have a different logic. For them it is logical and fair if that serves the realization of their interests. It is impossible to impose European perceptions and European standards. They recognize only strong partners without the slightest weakness, and will pull out one concession after another, coming back for concessions again and again. Only a strong partner will be considered as equal by them. The international legal instruments will not stop them when the situation changes. They are ready to interpret any document to their advantage, and will easily review and change partners and coalitions. Hard pragmatism lies at the core of all their actions (ibid.).

The assessments of the hierarchy and leadership in the Asia Pacific countries revealed the following results:

Table 4 clearly captures the change in the positions of the leading States in terms of influence in Northeast, Southeast and South Asia in the period from 2005 to 2016.

Table 4:

Answers in % Year	2 0 5	2 0 6	2 0 7	2 0 8	2 0 9	2 0 0	2 0 1	2 0 2	2 0 3	2 0 4	2 0 5	2 0 6
USA	1) 84	3) 56	3) 51	3)47	3)37	3) 34	3) 47	2-3) 31	2-3) 30	3) 41	3) 40	3) 40
China	2) 72	1) 86	1) 87	1) 100	1) 100	1) 90	1) 95	1) 96	1) 95	1) 93	1) 92	1) 92
Japan	3) 48	2) 61	2) 62	2)51	2)41	2) 37	2) 54	2-3) 31	2-3) 30	2) 43	2) 43	2) 43
Russia	4) 32	4) 42	4) 43	4)38	4)24	4) 25	4) 23	4) 18	4) 17	4) 15	4) 14	4) 14
South Korea	5) 28	5) 24	5) 24	5)18	5)15	5) 12	5) 19	5) 17	5) 16	5) 14	4) 14	4) 14

From 2005, the experts noted that there was an active struggle for dominance in the region between the US and China. Back then, China was rapidly catching up with the US in terms of development, which was a success and has since become a leader in North-East Asia as stated in the responses of the experts (answers from 2006-2016). After more than three decades of reforms China four-times doubled its gross domestic product per capita, i.e., increased its economic potential by 16 times.

Chinese experts predict that by 2020 China will have the world's largest economy, will overtake the US in economic terms, and its GDP will exceed the US GDP by 1.04-1.74 times.

Active development brought Japan to second place in the region's leadership in 2006, moving the US into third place in terms of importance and influence in Northeast Asia. Despite the crisis in 2008-2009 and the disaster in 2011, Japan has managed to maintain this position, and in 2012 it shared 2nd – 3rd place with the US.

Russia's position has not changed – it remained in 4th place with 23%, as in 2011, 15% – in 2014 and 14% – in 2015-2016.

South Korea stays at the 5th place during the entire period – 19% and 14% – in 2014-2016.

Regarding Russia's role in the region, the range of experts' opinion is very wide. Five percent of the experts assessed our country as a great power with great potential: "Russia is a great power, it is not a balancer and not a regional power", "Russia is also a leader in APR, it possesses nuclear weapons and large armed forces, the enormous resource potential, and, primarily - energy" (Answers of the experts from China in 2012-2016).

Forty-six percent of the experts indicated that the role of Russia in the Asia Pacific region is very small, although it has a high technological potential and rich resources, a developed defense industry and nuclear weapons. But Russia lost many positions which were taken in the region by the Soviet Union. The Russian experts also noted that our interest in the Asia-Pacific region is big; we want to be there and to play a significant role, but strength is not enough. Russia has been negotiating with ASEAN for a long time. A lot of words, but the results are still very scarce (20% of responses from the Russian experts).

Indonesian experts said that it is necessary to understand and take into account local peculiarities, to understand the Asian way of institutional development, because intercultural dialogue by the participants of the communication process is needed for the stability and confidence-building. ASEAN and Russia have signed a number of documents. We must remember that the focus on cooperation in Asia envisaged by the treaties has been increased due to the huge market capacity and rates of production in the region.

The experts emphasized that Russia can play the stabilizing role in the economy, energy, and security (peacekeeping, combating international crime and prevention of military conflicts) in the Far East and Asia Pacific. Only 4 % of experts said that our country will be able to play the role of balancer between the U.S. and China.

All of the Chinese experts talked about close and fruitful cooperation with Russia, and stressed that in the North-East Asia region, the Russian Federation should first and foremost have cooperation in the energy sector with China, stating that oil, gas and electricity cooperation is Russia's strong point, and in the field of Micropower (it is the PRC strong point), it is needed to develop cooperation in science, technology, and to make wider exchanges in scientists and students.

The general opinion of experts on the characteristics of Russia was vividly expressed at the Moscow urban forum in December 2014: «You go at a high speed on his ship and at the same time you build it» (Kompleksnaya kharakteristika situatsii v ATR, p. 49).

All of the experts noted that China is the leader in the region. It is the largest consumer of oil, gas and energy. It obtains a lot of this from Russia and intends to increase this export. China is the second largest importer of

oil and energy after the United States. In July 2011, China for the first time in history surpassed the US in its reliance on foreign supplies of oil.

At the moment, the largest oil producers in the Asia-Pacific region are China, Indonesia and Malaysia, while the biggest gas-producers are Indonesia, Malaysia and Thailand.

Expert opinion on effective areas of cooperation in the energy sector is unanimous. Russia's oil and gas export is efficient in North-East Asia, China, the Republic of Korea, Japan, and possibly in India (TAPI pipeline), but the Afghanistan issue needs to be resolved.

Experts from South-East Asia stressed that as their countries have their own oil and gas, the optimal areas for cooperation with Russia include joint exploration and development of oil and gas fields, and development of transport communications and the downstream. They noted that the Russian Federation has level nuclear technology and the best and most advanced nuclear power stations in the world, and expressed interest in cooperating with Russia in this sphere.

The experts expressed the solid opinion that the development of the economic integration of the Asia Pacific countries will contribute to the solution of one of the most important questions of resource and energy security for sustainable development in the region. And here the opinions of experts are unanimous: energy cooperation is the basis for integration, prosperity and security in the region.

Regarding Russia's role in the Asia Pacific region, the range of expert opinions was broad throughout the entire period of the poll: 38% in 2005 and 19% in 2010 to 7% in 2014 and 5% in 2015-2016, said that Russia can be a strong partner only as a stabilizer to balance the development of the region, to maintain peace and prevent armed conflicts, and to ensure energy security and economic cooperation. This means that the potential of the Russian Federation is not enough for unilateral action, its power will be only in the Alliance, and much will depend on how well and efficiently the alliance will be built and the partners will be selected.

– 36% of experts in 2005 68% in 2014-2015 and 70% in 2016 – pointed out that Russia had lost the position taken by the Soviet Union in the region, but now its capacity in the APR is lower;

– 4% of experts in 2005 16% in 2008 and 6% in 2012 assessed Russia as a middle-range player less important than the US, China and Japan, but more important than the Republic of Korea, indicating that the strength of Russia increases in a coalition with China.

As of 2014-2016 there were no such responses, perhaps due to the weakening of world leaders and the growth of the position of the Republic of Korea, which in terms of leadership has received the same number of expert estimates as Russia (14%).

Two extreme positions defining Russia as a great power (this until recently was the opinion of the Vietnamese, Chinese and Mongolian colleagues) and characterizing the role of Russia in the Asia Pacific region as small and even tiny, in 2014 got 1%: and the answers of Chinese experts on Russia as the leader in the Asia Pacific region by 2014, almost disappeared, and then in 2015-2016 dramatically increased to 68%.

Table 5 shows the data of the expert survey on the role of Russia in the Far East and in the Asia Pacific region in the period from 2005 to 2016.

Table 5: The answers of the experts on the question about the role of Russia in the Far East and Asia Pacific Region, %

Answers, % Year	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1. Russia lost the position taken by the SU in the APR	36	45	49	42	26	28	37	42	65	68	68	70
2. Positive changes compared to the period of rigid confrontation between the US-Japan-SU, with the PRC Russia moved towards a strategic partnership												
3. Russia started to carry out more stringent stat policy, gaining strength and weight in the Far East, working closely with APEC and participates in the SCO. The government pays more attention to the Far East trying to rebuild the economy												
4. In partnership with India and China, Russia can impact the strategic balance in the Asia Pacific region												
5. Russia does not have												

capacity and means for the development of Siberia and the Far East. Japan, China, South Korea and the United States have such potential and means, so they, along with Russia need to cultivate these areas and develop mineral resources												
6. Russia in the Far East is a middle-range player in the Far East less important than the US, China and Japan, but more important than South Korea												
7. The role of Russia in APR is small, it has not kept pace with the development of the region												
8. Russia is a great power, neither a balancer nor a regional power												
9. Small, tiny												

The data in Table 6 show that collective, group and individual assessment of leadership in the countries diverge sharply. When evaluating the United States, Chinese experts reveal the decrease in rating the US as the leader in Asia Pacific from 50% in 2006 to 21% in 2012-2013 and to 20% in 2014-2016. The assessments of the Russian experts regarding the US are higher than that of the Chinese, but it has also revealed a decline from 70% in 2006 to 34% in 2012 and 50-52% in 2013-2014 to 46% in 2015-2016 accordingly.

Table 6: Assessments by the experts on the positions of the US, China and Russia from 2005 to 2016, %

Answers,	2 0	2 0	2 0	2 0	2 0	2 0	2 0	2 0	2 0	2 0	2 0	2 0
----------	--------	--------	--------	--------	--------	--------	--------	--------	--------	--------	--------	--------

%	0 5	0 6	0 7	0 8	0 9	1 0	1 1	1 2	1 3	1 4	1 5	1 6
USA all	1) 84	3) 56	3) 51	3) 47	3) 37	3) 34	3) 47	2-3) 40	2-3) 40	3) 41	3) 40	3) 40
American		66	25	30	45	22	66	67	80	80	92	92
Chinese		50	46	45	12	28	27	21	21	20	20	20
Russian		70	48	48	43	40	46	34	50	52	46	46
China all	2) 72	1) 86	1) 87	1) 100	1) 100	1) 90	1) 95	1) 90	1) 92	1) 93	1) 92	92
American		66	60	90	100	85	67	66	100	100	100	100
Chinese		100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Russian		100	100	100	100	100	100	84	82	81	80	80
Japan all	3) 48	2) 61	2) 62	2) 51	2) 41	2) 37	2) 54	2-3) 40	2-3) 40	2) 43	2) 43	2) 43
RF all	4) 32	4) 42	4) 43	4) 38	4) 24	4) 25	4) 23	4) 18	4) 17	4) 15	4) 14	4) 14
American	not	25	not	10	11	not	not	not	not	not	not	not
Chinese	50	96	90	60	71	40	14	14	14	28	68	50
Russian	29	50	50	14	13	13	11	8	9	12	14	29
South Korea	5) 28	5) 24	5) 24	5) 18	5) 20	5) 12	5) 19	5) 17	5) 16	5) 14	4) 14	4) 14

The assessment by the American experts regarding U.S. dominance is curved:

66% in 2006, then a decrease to 25% in 2008, a slight increase in 2008 to 30% and 45% in 2009, and then again a decline in 2010 to 10% followed by a sharp increase to 66-67% in 2011-2012, and 80% in 2013-2014. It should be noted that in 2015-2016 the assessment by the Americans of the leadership of their country reached a 92% peak. That is, the worse the economic and financial situations in the country, the higher the ambitions are.

The assessment of the leadership of the PRC by the Chinese experts is clear – 100% over the whole period of the surveys. The Russian experts between 2006 and 2011 gave 100% to the Chinese leadership, and only in 2012-2013-2014-2015-2016 was there a decrease to 84%-82%-81%-80%. Assessments by the American experts on the positions of China gradually increase to 66%-60%-90%-100% in 2006-2007-2008-2009 (respectively), then drop to 85%-67%-66% in 2010-2011-2012, and then again reach 100% in 2013-2016 (when China passed the peak of its development).

As for the role of Russia in the Asia Pacific region, the lowest ratings are given by Russian experts:

– the decline was from 50% in 2007 to 9-8% in 2013-2014,

– also a sharp decline is typical for the Chinese assessments, from 96% in 2007 to 14% in 2012-2014,

– then there was an increase to 28% in 2015 and 68% in 2016.

American experts, with rare exceptions in 2007, 2009 and 2010, did not assess Russia as a leader in the Asia Pacific region.

Russia was assessed by the Vietnamese, Mongolian and Chinese experts as a «great power». Moreover, such responses of Chinese experts by 2014 almost disappeared, and then in 2015-2016 skyrocketed to 68%.

Thus, we see how the geopolitical situation in the Asia-Pacific and in the all world was changed. Russia needs to take into account these changes and global challenges in the relationships with partners in the Asia Pacific region developing.

REFERENCES

1. Baker, C. (Rapporteur). (2011). Regional Security and Global Governance 11th Dialogue on US-China Relations and Regional Security. *Issues & Insights*, vol. 11, no 9. Honolulu, HI.
2. Bower, E. (2011). Why go to Myanmar? *PacNet*, no 68, November 30, pp. 1-3.
3. Cossa, R.A. (2004). Taiwan Election Upset: Now What? *PacNet*, no 52, December 13, pp. 1-3.
4. Cossa, R.A. (2005). China: the company one keeps! *PacNet*, no 11, August 1, Issue of Comparative Connections. Available at: <http://www.csis.org/pacfor/ccejournal.html> (accessed October 15, 2017).
5. Cossa, R.A. (2005). Regional Overview: Mixed Signals, Mixed Results. *CSIS. Comparative Connections*, vol. 7, no 2, July 1, Available at: <http://www.csis.org/pacfor/cc/0502Qoverview.pdf> (accessed October 15, 2017).
6. Duchâtel, M. & Bates, G. (2012). Protecting Chinese citizens abroad: What next? *PacNet*, no 9. February 6, pp. 1-3.
7. Erickson, A.S. & Adam, P. (2011). Understanding China's Defense Budget: What it Means, and Why it Matters. *PacNet*, no 16, March 10, pp. 1-4.
8. Gaoyue, F. (2011). Maritime Interests: China-US Cooperation and Conflicts. Pacific Forum CSIS. *Issues and Insights*, vol.11, no 10. Honolulu, HI.
9. Foster-Carter, A. (2012). *South Korea-North Korea Relations: A New Era? Comparative Connections A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relations*, pp. 1-18.
10. Glaser, B.S. & Billingsley, B. (2012). US-China Relations: US Pivot to Asia Leaves China off Balance. *CSIS/Pacific Forum. Comparative*

- Connections A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relations*. January, pp. 1-14.
11. Glaser, B.S. (2010). Hu Jintao's Visit: Opportunity to Reset the U.S.-China Relationship. *PacNet*, no 57, November 22, pp. 1-2.
 12. Glosserman, B. (Rapporteur). *A Year of Surprises: The 17th Japan-US Security Seminar*. A Conference Report, vol. 11, no 11. San Francisco, Ca, USA, March 2011.
 13. Glosserman, B. & Scott, S. (2006). Decision Time for the U.S.-ROK Alliance. *PacNet 9B*, March 13, pp. 1-4.
 14. Glosserman, B. (2006). U.S.-Japan: The Alliance Transformed? *CSIS*, vol. 7, no 4. January 12, Issue of Comparative Connections. Available at: <http://www.csis.org/pacfor/ccejournal.html> (accessed: October 15, 2017).
 15. Glosserman, B. (2005). A target of opportunity for Northeast Asia. *PacNet*, no 25, June 30, pp. 1-3.
 16. Glosserman, B. (2005). U.S.-China Workshop: Searching for a New Vision. A Conference Report. *Issues & Insights*, vol. 5, no 11. Honolulu, Hawaii, pp. 1-15.
 17. Glosserman, B. (2005). US-Japan Relations. *CSIS*, vol. 7, no 2, July 1.
 18. Green, M.J. & Szechenyi, N. (2012). US-Japan Relations: Big Points on the Scoreboard But Can Noda Make It? Pacific Forum CSIS. Comparative Connections. *A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relations*, January, pp. 1-11.
 19. Kamiya, M. (2011). US-Japan Alliance on the Recovery Path. Pacific Forum CSIS. *Issues and Insights*, vol. 11, no 12, Honolulu, HI, July.
 20. *Kompleksnaya kharakteristika situatsii v ATR (po rezultatam mezhdunarodnykh ekspertnykh oprosov v 2005-2014 gg.)* [The Comprehensive Characterization of the Energy Situation in APR (Results of the international expert surveys 2005-2014)] Moscow: Academia, 2016.
 21. *Perspektivy energeticheskogo sotrudnichestva Rossiya – ATR (v ekspertnykh otsenkakh)* [Perspectives of the Russia-APR Cooperation (in Expert's Opinions)]. Moscow: Academia, 2010.
 22. Przystup, J.J. (2012). Japan-China Relations: Another New Start. Comparative Connections. *A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relations*. January, pp. 1-10
 23. *Rossiia-ATR: gorizonty energeticheskogo sotrudnichestva (v ekspertnykh otsenkakh)* [Russia-APR: Horizons of the Energy Cooperation (in Expert Opinions)] Moscow: Academia, 2012, 2013.
 24. Ruban, L.S. (2016). K kharakteristike situatsii v Aziatsko-Tikhookeanskom regione (po rezultatam mezhdunarodnykh ekspertnykh oprosov v 2005-2014 gg. [To Characterization on the Situation in Asia-Pacific Region (Results of the International Expert Surveys in 2005-2014)], *SOZIS*, no 2, pp. 102-109.

25. Ruban, L.S. (2016). ATR v menyayushemsya globalnom protsesse i rol Rossii v regione [APR in the Changing Global Process and the Role of Russia in the Region], *South-East Asia: Actual Problems of Development*, vol. XXX-XXXI, pp. 8-21.
26. Ruban, L.S. (2016). Resultaty mezhdunarodnykh expertnykh oprosov o roli i meste Rossii v ATR i globalnom prozesse [Results of the International Expert Surveys on the Role and Place of Russia in APR and Global Process]. *South-East Asia: Actual Problems of Development*, vol. XXXII, pp. 35-49.
27. Sheldon, S. (2012). US-Southeast Asia Relations: Rebalancing. Comparative Connections. *A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relations*, January, pp. 1-10.
28. Shepard, K. (2010). Japan-China-ROK-US Dialogue. A Conference Report. Pacific Forum CSIS. *Issues and Insights*, vol. 11, no 1. Tokyo, Japan. August.
29. *Sotsialno-politicheskie soobshchestva planety i liderstvo v sovremennom mire (energeticheskii aspekt)* [Socio-political Communities and World Leadership in the Modern World (Energy Dimension)]. Moscow: Academia, 2014.
30. U.S.-Japan-China Relations Trilateral Cooperation in the 21st Century. Conference Report. *Issues & Insights*, vol. 5, no 10. Honolulu, Hawaii. September 2005. Pacific Forum CSIS.
31. Bin, Yu (2012). China-Russia Relations: Between Geo-Economics and Geo-Politics. Comparative Connections. *A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relations*, January, pp. 1-10.
32. Yuri, W. (1992). *Put cheres net. Uregulirovanie mezhdunarodnykh konfliktov* [Way through No. Resolution of the International Conflicts] Harvard University Press (In Russian).

Геополитические вызовы, лидерство и формирование энергетической безопасности в АТР. Трудный путь к сотрудничеству в сборнике: *Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belonging. View from Russia* collected papers European Sociological Association 14th Conference «Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belongin». М.: РОС, 2019. С. 42-50.

Аннотация. Целью исследования, описанного в статье, является создание базы данных для лиц, принимающих решения по реализации Восточной политики России в АТР, для чего использовался социологический метод проведения опросов экспертов из 16 стран

АТР, показывающих какой видится ситуация в АТР представителям этих стран. Результатом исследования является комплексная характеристика ситуации в АТР. Вывод экспертов: Россия может успешно взаимодействовать со странами АТР по обеспечению безопасности и предупреждению конфликтов, эффективно сотрудничать в энергетической сфере, не только поставляя нефть и газ, но и осуществляя совместную разведку, добычу и транспортировку углеводородов, обеспечивая энергетическую безопасность региона.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион; энергетическая безопасность; топливно-энергетический комплекс; экономическое и энергетическое сотрудничество; нефтегазовые ресурсы.

Geopolitical Challenges, Leadership and Forming Energy Security in APR. Difficult Way to Cooperation

Abstract. The purpose of the study described in the article is to create a database for decision makers on the implementation of Russia's Eastern policy in the Asia-Pacific region, which used a sociological method of conducting surveys of experts from 16 countries of the Asia-Pacific region, showing what the situation in the Asia-Pacific region representatives of these countries. The result of the study is a comprehensive description of the situation in the APR. Experts' conclusion: Russia can successfully cooperate with Asia-Pacific countries to ensure security and prevent conflicts, effectively cooperate in the energy sector, not only supplying oil and gas, but also carrying out joint exploration, production and transportation of hydrocarbons, ensuring the energy security of the region.

Keywords: Asia Pacific region; energy security; fuel energy complex; process of the integration; economical and energy cooperation; oil and gas resources.

Main geopolitical challenges are changing world order and energy security system, changing world oil and gas markets and oil prices. These challenges are results of the shale revolution in USA, the American energy expansion in Europe and in the world (changing US position in the world: from greater importer oil and gas to exporter – oil, gas and coal).

But the shale revolution swept not only the United States. A number of countries have significant shale oil and gas resources, the development of which may change the balance of power in the energy market in the near future. Table 1 shows the technically recoverable resources of shale oil and

gas. Ten leaders in oil are headed by Russia, the US and China, and gas – China, Argentina and Algeria.

Table 1. Top 10 countries with technically recoverable shale oil and gas resources [Vysotsky, 2015, p. 12]

Top 10 countries with technically recoverable shale oil resources			Top 10 countries with technically recoverable shale gas resources		
Rank	Country	Shale oil (bbl)	Rank	Country	Shale gas (bbl)
1	Russia	75	1	China	1,115
2	US*	58 (48)*	2	Argentina	802
3	China	32	3	Algeria	707
4	Argentina	27	4	US*	665 (1,161)
5	Libya	26	5	Canada	573
6	Venezuela	13	6	Mexico	545
7	Mexico	13	7	Australia	437
8	Pakistan	9	8	South Africa	390
9	Canada	9	9	Russia	285
10	Indonesia	9	10	Brazil	245
World Total		345 (335)	World Total		7299 (7795)

*ESIA estimates used for ranking order. API estimates in aren thesis.

Hydrocarbon production from unconventional sources in volumes sufficient for the essential redistribution of world export–import flows is only possible in countries with extremely large unconventional hydrocarbon resources and with, mature oil and gas sector (large rig fleet) and favorable natural conditions (large freshwater resources).

China, the largest importer of energy in the world, could use these resources to solve its problems in the supply of oil and gas, but the constraint to this will be the lack of free land and necessary for the production of large amounts of water.

The US is pursuing an aggressive export policy using hydrocarbon unfair competition, tougher sanctions against Russia (in the banking sector, technological support of deepwater oil and gas production, transport system, supply of dual-use goods), with the aim of ousting our country with the European energy market.

Increased competition reduced oil and, especially, gas prices.

At the present moment we need new system of world energy security, based at the energy cooperation.

From 2005 during international project «Dialogue Partnership as the Factor of Stability and Integration» we prepare international expert’s polling (interview) about economic and security situation in Far East and Asia-

Pacific region, risks, threats and energy potential of the APR, possibility war conflicts in APR, optimal routes for export of the Russian hydrocarbons etc. Main point of the researches is Asia-Pacific region. In these interviews participated high qualities specialists and VIP-persons from 16 countries of the Asia-Pacific region: Brunei-Darussalam, China, Japan, India, Indonesia, Malaysia, Myanmar, Mongolia, Nepal, Philippines, Republic of Korea, Russia, Singapore, Thailand, USA, and Vietnam.

First of all, we will explain why we are investigating the Asia-Pacific Region?

- The Asia-Pacific region is the most rapidly developing region in the world
- It consumes about 30% of world energy resources
- The crude oil and natural gas market is very dynamic

In APR the main regional consumer are USA, China and Russia

Why Asia-Pacific region need oil and gas resources?

- Grows of population in APR- countries and grows of demand oil and gas inside of countries for needs of the population
- Development of the economics and grows of GDP
- Development and using of new technologies. For которых need oil and gas
- Development of the military sector
- Protection of Environment

Since 1965, crude oil consumption increased by a factor of six in the Asia-Pacific region and less than twofold in the world. During the last 12 years, production of crude oil rose by 17% and demand by 50%. Presently, major oil producers in APR are China, Indonesia, and Malaysia only. Presently, major gas producers in APR are Indonesia, Malaysia, and Thailand.

Table 2 shows the results of the expert interviews according to the characteristics of leadership of the Asia-Pacific countries and cross-country hierarchy in the region

Table 2. Leadership in APR [Ruban, 2018, p. 49].

Countries – Leaders in APR	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
USA	1)84	3)56	3)51	3)47	3)37	3) 34	3) 47	2-3)31	2-3) 30	3)41	3)40	3)40
China	2)72	1)86	1)87	1)100	1)100	1)90	1)95	1)96	1)95	1)93	1)92	1)92
Japan	3)48	2)61	2)62	2)51	2)41	2)37	2)54	2-3)31	2-3)30	2)43	2)43	2)43
Russia	4)32	4)42	4)43	4)38	4)24	4)25	4)23	4)18	4)17	4)15	4)14	4)14

South Korea	5)28	5)24	5)24	5)18	5)15	5)12	5)19	5)17	5)16	5)14	4)14	4)14
-------------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------

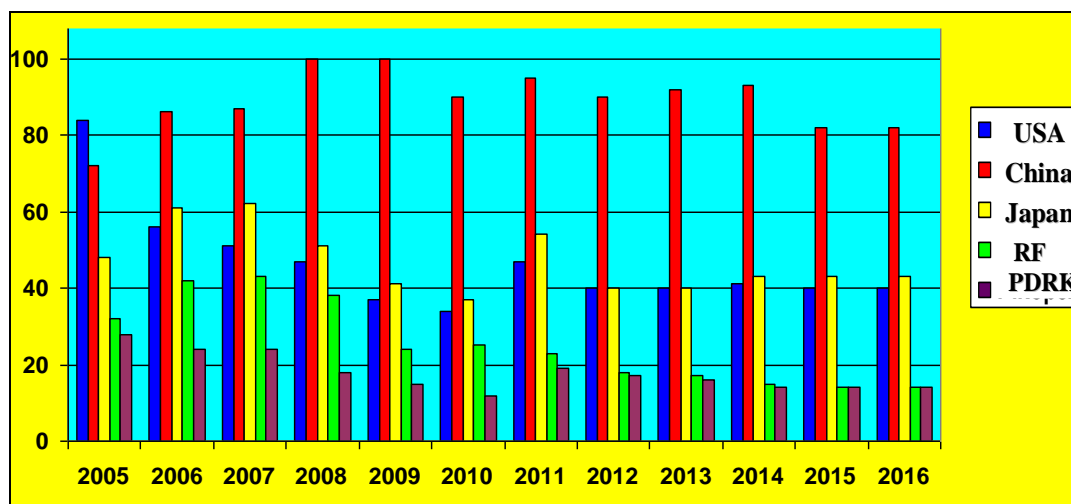

Diagram 1. Important players (leaders) in APR

Experts characterized geostrategic, military and economic situation in APR as stable – 42% (2005) and 53% (2016):

– as full stable – 42% in 2005 r. and 39% in 2016,

– as no full stable, very developing – 14% (2016). Experts told about possibility local conflicts.

54% experts in 2005 and 18% in 2016 characterized situation as not stable: big differentials of the economical and political development of the APR-countries, nationals and religions, discussion questions and discussion territories, from big competition in South Asian region for sea territories with HC in South-Chinese, Yellow and Andaman Seas and nuclear weapon North Korea.

Table 3. What are risks and threats in APR? [ATP, 2016, p. 77].

Answers (in %)	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1. Nuclear weapons of North Korea	54	64	73	31	37	33	50	46	39	38	40	44
2. Competition for energy resources	13	40	51	62	29	33	46	54	60	62	64	64
3. Technogenic catastrophes							26	26	28	30	30	30
4. Natural disasters							26	26	27	27	27	27

5. Taiwan problem	30	40	54	18	17	10	18	12	6	3		
5. Taiwan problem is not risk now								10	12	16	16	16
6. Competition between USA and China in APR				16	11		16	8	3	3		
7. Unauthorized migration from China to RF	26	28	36	22	16	12	9	8	9	10	8	8
8. China's militarization	13	36	30	9	8	10	5	13	15	19	15	16
9. Possible socio-economic crisis in China, if the pace of its development slows down	2				8		5	7	8	8	10	12
10. Climate change						6	5	5	6	6	5	5
11. Environmental pollution	13	13	15	20	4	6	5	8	9	9	14	14
12. The degradation of the Russian Far East	8	24	38	22	17	3	3					
13. The threat of separatism, ethnic and religious conflicts					7		3	4	4	7		
14. International organized crime: drug traffic, piracy	22	8	12	12	6	6	2	6	6	7	6	6
15. Infectious disease	9	4	9	4	5	3	2					
16. Militarization of Japan	13	12	9	9	6	3						
17. The Problem of the South Kuril Islands	4	18	18	7	4	3						

We give in dynamic answers at the question about security situation in APR (“Is it possible today a military conflict in the region or the situation is stable?”) Answers see table 4 (2016):

1 group – No, military conflict is not possible now – 42% (2005) and 68%.

2 group – Yes, military conflict is possible now – 54% (2005) and 10%.

3 group – middle opinion: Military conflict is not possible in APR now, but situation can change - 4% (2005) and 22%.

Table 4. Possibility a military conflict in the APR [Ruban, 2017, p. 72].

Is it possible a military conflict in the region or situation is stable now?	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1 group: No, military conflict is not possible now. The situation is stable	42	40	39	58	67	68	60	74	72	70	70	68
2 group: Yes, military conflict is possible in APR now	54	52	51	22	16	3	10	13	13	10	10	10
3 middle opinion: Military conflict is not possible in APR now, but situation can change	4	8	10	17	16	20	30	13	15	19	20	22

One of the main problems in energy cooperation for the oil and gas transportation is the problem of communication. For transportation of oil and gas two fundamental moments must be taken into account:

- 1- the loss of the realization of the project and
- 2- the guarantee of security.

The main characteristics of routes are:

- the security of the transportation;
- capacity;
- cost of building and modernizing of the pipelines.

To hedge the risks associated with the sale of hydrocarbon exports to Europe, the Russian Federation is actively developing its Eastern energy policy in the direction of the APR countries, and first of all, China:

– Writing of the agreement in January 2005 between “Rosneft” and CNPC for exporting 48 b t by railway was base of the great agreements between Russia and China.

– In February-April 2009 wrote packet of documents about pipeline ESPO, building refining manufacture in Tianjin (15 b t), etc.

– In April 2009 wrote agreement about cooperation between Russia and China in energy sphere and Bank of the Development of China gave credit \$ 25 b for 23 years to “Rosneft” (\$15 b for extracting oil in Easter Siberia) and “Transneft” (\$10 b for 1-st line ESPO for export 15 b t (Taishet-Skovorodino and branch to Daqing).

– In December 2009 the ESPO-1 pipeline was put into operation, in 2010 the branch to Daqing.

– From January 2011 RF exported oil to China (20 years) for credit.

– In November 2014 “Rosneft” and CNOOC wrote agreement about buying 10% Vankor. In 2013 “Rosneft” and CNPC wrote agreement about Russian oil export during 25 years to China.

Russian president Vladimir Putin remarked in 2003: «Russia is prepared to make its contribution to creating a new energy configuration in the APR», and conclusions of the Russians specialists is next: Russia has hydrocarbon resources for the effective export to North East Asian regions

ESPO-2 was built in 2014. From 2014 Russian eastern energy policy was more active.

– In June 2009 Russia and China wrote Memorandum o cooperation. In September 2010 Russia and China wrote agreement about Russian gas-export (30 bcm) from end 2015 during 30 years.

– In May 2014 in Shanghai Gasprom and CNPC wrote agreement about Russian gas-export (38 bcm) during 30 years. Biggest gas project is ”Power of Siberia”:

- Deal signed on May 21, 2014: 30–year GSA (plateau – 38 bcma). Operational as of 2019 (5 bcma), plateau – in 2024 (38 bcma).

- Resource base: Chayanda (1.2 tcm) & Kovykhta (1.5 tcm).

- Construction company: “Stroytransgaz”.

- Russia’s goal: unlocking East gas for China, Vladivostok LNG and Eastern Gas Programme.

- Good deal for China: geography, price, security of supply.

- Project cost: \$55 billion.

All expert prepare next conclusion, that main problems are resources and energy security in APR. Experts opinions: cooperation in energy sphere is base for integration, prosperity and stability in region, and Russia can be a responsible partner.

I would like to finish the article with the words of the ancient Chinese poet Bay Jui, who called for close cooperation:

«Different plants, intertwined roots,
Grow together
Using the benefit of each other
And their stems, and leaves».

References:

1. Vysotsky V.I. *Globalnye i regionalnye trendy geologicheskikh rabot na neft i gas*. [Global and Regional Trends of the Geological Works at the Oil and Gas]. Report at the International Conference Energy Exchange “Offshore Russia – 2015”. 22 p. (In Russian).
2. Ruban L.S. *Expert Assessment of the Situation in the Asia Pacific Region by Scholars, Businessmen and Decision Makers (Based on*

Results of the International Expert Survey in the APR for the Period 2005-2016). Public Administration Issues № 5, 2018. P. 43-55.

3. *ATR glazami ekspertov* [APR through the eyes of experts]. Moscow: Academia, 2019. 385 p. (In Russian).
4. *Ruban L.S. Resultaty mezhdunarodnyh ekspertnyh oprosov v ATR v 2005-2016 gg.* [Results of the International Expert Survey in APR in 2005–2016]. Science. Culture. Society № 2, 2017. P. 66-78. (In Russian).

Статья «**Парадоксы российско-сингапурских отношений**»
в журнале «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития».
Вып. 46. 2020. С. 413-425.

Аннотация. Автор сделал сравнительный анализ экономического развития Сингапура и Российской Федерации с фокусом на нефтеперерабатывающую промышленность в динамике с 2011 г. по

настоящий момент. Данная отрасль была выбрана потому, что она является ведущей в Сингапуре и её показатели превышают показатели продуктивности аналогичной российской отрасли, притом, что в Сингапуре полностью отсутствует ресурсная база и страна работает на импортном сырье. Кроме того, автором затронуты вопросы функционирования инвестиционной сферы и дипломатических отношений, что требует чёткого соблюдения протокола и регламентов при взаимодействии.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Юго-Восточная Азия, Сингапур, Российская Федерация, нефтеперерабатывающая промышленность.

Парадоксы российско-сингапурских отношений

Abstract. The author made a comparative analysis of the economic development of Singapore and the Russian Federation with a focus on the oil processing industry in the dynamics from 2011 to the present. This industry was chosen because it is the leading one in Singapore and its indicators exceed those of a similar Russian industry, despite the fact that Singapore completely lacks a resource base and the country operates on imported raw materials. In addition, the author touches upon the issues of the functioning of the investment sphere and diplomatic relations, which requires strict compliance with the protocol and regulations in the interaction.

Keywords: Asia-Pacific, Southeast Asia, Singapore, Russian Federation, oil refining industry.

Сингапур – маленькое островное государство площадью всего 714,3 кв. км, ставшее самостоятельным в 1965 г., но по-настоящему обретшее независимость только после того, как была решена проблема обеспечения населения и производственного сектора водой, которую до того приходилось импортировать из Малайзии. С СССР дипломатические отношения были установлены Сингапуром в 1968 г., а активизация их пришлась уже на 2009 г., когда состоялся российско-сингапурский диалог, способствовавший развитию взаимоотношений с Российской Федерацией, и был сформирован Российско-Сингапурский Деловой Совет Торгово-промышленной палаты России при содействии Минэкономразвития РФ и госкорпорации «Ростех».

Следует отметить, что Россия является полномасштабным партнёром по диалогу с АСЕАН с июля 1996 г. Двадцатая годовщина отношений и диалога между Россией и АСЕАН была торжественно

отмечена в Сочи в мае 2016 г. Идет развитие совместной работы по вопросам безопасности, а также политической, социальной и культурной проблематике. Россия принимает участие в ВАС, АСЕАН+, СМОА+. В ноябре 2018 г. в Сингапуре на 3-м саммите Российская Федерация – АСЕАН были приняты следующие документы: Совместное заявление о стратегическом партнёрстве и Заявление Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в области обеспечения безопасности использования информационно-коммуникационных технологий и самих информационно-коммуникационных технологий, борьбе с киберпреступностью и говорилось о необходимости выработки единых подходов к глобальному информационному пространству. Реализуется «дорожная карта» делового сотрудничества Россия-АСЕАН, в которой около 60-ти совместных проектов в промышленности и сфере высоких технологий, а также приняты программы сотрудничества в энергетике и сельском хозяйстве.

Однако, если сравнивать позиции России и Сингапура в соответствии с международными рейтингами, то они увы, не в пользу Российской Федерации. По рейтингам 2016-2017 гг. World Economic Forum по Индексу глобальной конкурентоспособности Сингапур находился на 3-м месте после Швейцарии и США, а Россия только на 38-м; а по Индексу человеческого развития, публикуемому Организацией Объединенных Наций в рамках Программы развития, Сингапур занимал 9 место (0,932), а Россия – 49 (0,861).

Парадокс дипломатический: протокол и регламент

В отношениях между Российской Федерацией и Сингапуром нашей стране, как нам видится, придётся преодолеть определенный политический снобизм «большой» по территории страны к стране территориально маленькой, а это не всегда получается. К примеру, во время визита российского президента в Сингапур в ноябре 2018 года был отмечен целый ряд неувязок. Так, российский борт № 1 опоздал на полтора часа, что нарушило обширную, скрупулезно формировавшуюся в течение длительного периода времени программу, ведь вместе с президентом прилетели не только представители внешнеполитического ведомства, но и главы ряда министерств и крупнейших компаний России для подписания и согласования с сингапурскими партнёрами нескольких десятков договоров и соглашений по энергетике, нефтепереработке, банкингу и др., но из-за опоздания всю программу первого дня пребывания пришлось менять. Так президент России не смог встретиться в первый же день с премьер-министром Сингапура Ли Сянь Луном, у которого был жёстко

расписан график встреч в связи с проведением Саммита АСЕАН и Восточно-Азиатского Форума.

Был нарушен сам протокол прибытия главы иностранного государства и отнюдь не по вине сингапурской стороны: президент Российской Федерации долго не мог выйти из самолёта, так как пилот не заглушил двигатели, отчего сингапурские технические службы аэропорта не могли подать к самолету трап. Затем В.В. Путину пришлось долго ждать встречавшего его помощника Д. Ушакова, который не озаботился прибыть в аэропорт заблаговременно, чтобы оперативно пройти все процедуры личного досмотра. Кстати, российские журналисты были очень удивлены необходимостью прохождения личного досмотра для посещения Дворца президента Сингапура, как будто они освобождаются в России от прохождения аналогичной процедуры перед встречей с российским президентом. Итак, в первый день визита состоялась лишь парадная встреча российского президента с президентом Сингапура госпожой Халимой Якоб, давшей званый обед в честь высокого гостя.

На следующий день все запланированные переговорные мероприятия были вмонтированы сингапурской стороной в изменённую программу и деловые встречи состоялись, хотя не обошлось без казусов: служба безопасности саммита АСЕАН настояла на прохождении российского президента через металлодетектор перед входом в зал заседаний саммита, чего президенту делать совсем не хотелось и президентский статус это вполне позволял. Здесь, видимо, проявился снобизм маленького государства по отношению к государству большому, а нам так и вспоминается крылатая фраза из знаменитого советского кинофильма: «одна маленькая, но очень гордая птичка...»

Парадокс инвестиционный: рачительность и расточительность

В ноябре 2018 г. Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) подписал с сингапурскими компаниями соглашения на общую сумму более *одного миллиарда долларов США*, эти средства будут вложены в ряд проектов на территории России, в том числе в химические объекты в Татарстане. Общие же инвестиции со стороны Сингапура в российский бизнес составляют более 17 млрд долларов США. Объём взаимных накопленных инвестиций Сингапура и Российской Федерации невелик, но в 2018 г. всё же превысил 25 млрд долларов США [1].

Уточним, что в России сингапурские компании работают в Москве, Татарстане и Пензенской области, кроме того, в ноябре 2018 г. Сингапуром было подписано соглашение с правительством Санкт-

Петербурга о сотрудничестве в области управления городским транспортом.

Для развития российско-сингапурского культурного сотрудничества «РОСОТРУДНИЧЕСТВО» выступило с инициативой создания Российского культурного центра и храмового комплекса для российских соотечественников, проживающих в Сингапуре (их всего несколько тысяч), и лиц, интересующихся русской культурой. В первый день визита российского президента в Сингапур 13 ноября 2018 г. состоялась церемония на высшем уровне закладки камня – фундамента первого Российского культурного центра и православного храма, на которой присутствовали В.В. Путин и президент Сингапура госпожа Халима Яacob. В этом комплексе граждане Сингапура получат возможность изучать русский язык.

Под культурный центр на улице Рангун Роуд российской стороной уже арендована на 30 лет территория величиной в 33 тысячи кв. м, где за три года планируется построить здание (культурно-храмовый комплекс) площадью 4,6 тысяч кв. м. Сложно сказать, насколько активно и эффективно он будет востребован в Сингапуре, зато затратная сторона на строительство немалая (500 млн долларов США) уже на лицо и по величине она составляет половину суммы, оговоренной подписанным в 2018 г. Соглашением о сингапурских инвестициях в Россию.

Парадокс нефтепереработки: «небоскреб на болоте» и российский нефтегазовый гигант

Сингапур экономически и технологически успешная и передовая страна. Так, «за период с 2010 по 2016 гг. её ВВП по паритету покупательной способности вырос более чем на 25%». Однако она в высокой степени зависима от своих торговых партнёров: к примеру, «замедление роста экономик ведущих торговых партнёров, и, в первую очередь, Китая привело к сокращению ВВП Сингапура в 2015 г. и падению промышленного производства в этой стране в тот период на 3,5% в связи с падением спроса на экспортные сингапурские товары» [2], а необходимо учитывать, что более половины производимой в стране продукции идёт на экспорт. По данным Всемирной торговой организации за 2016 год, страна занимала 13-е место в мире по объёмам экспорта и 16-е по объёмам импорта. Экспорт Сингапура в 2016 году составил 353 300 млрд долларов США, а импорт – 297 млрд долларов [3].

Как видим, налицо было положительное финансовое сальдо. Кроме того, в связи с практически полным отсутствием природных ресурсов Сингапур зависим от бесперебойного импорта

продовольствия и сырья для своих перерабатывающих предприятий и удовлетворения потребностей населения. Одна из ведущих отраслей этой страны – нефтепереработка полностью обеспечивается импортным сырьём: нефтью, газом и СПГ, причём в огромных количествах, а 100% производства электроэнергии в Сингапуре дают горючие полезные ископаемые.

Таблицы 1 и 2 показывает динамику углеводородных поставок в связи с расширением отрасли и спросом на региональном и мировом рынке на изготавливаемую в Сингапуре продукцию. Мы можем констатировать резкий скачок импорта в 2011 г. по сравнению с 2010 г., затем снижение в 2012-2013 гг. и медленный рост к 2015 г. Кстати, Сингапур так и не достиг до сих пор пика импорта нефти 2011 г. в объёме 55,1 млн тонн, а в 2018 г. произошло новое снижение импорта нефти до 47,3 млн тонн. Однако в связи с подвижностью рынка Сингапур не только перерабатывает закупаемую за рубежом нефть, но и занимается в небольших количествах её реэкспортом в страны АТН.

Таблица 1

Импорт нефти Сингапуром в 2010-2018 гг.

Годы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
млн тонн	39,9	55,1	47,3	44,4	45,5	45,9	48,1	52,8	47,3

Источник: «ВНИИЗАРУБЕЖГЕОЛОГИЯ» [4].

Таблица 2

**Экспорт (реэкспорт) сырой нефти из Сингапура в 2011-2018 гг.,
в млн тонн**

Страна	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Сингапур	2,1	0,7	0,6	0,5	0,6	0,9	0,1	0

Источник: «ВНИИЗАРУБЕЖГЕОЛОГИЯ» [4].

В марте 2020 года активное влияние на развитие рынка нефти оказали форс-мажорные обстоятельства, обусловленные пандемией коронавируса CoVID-2019 в Китае и мире, а после разрыва Россией соглашения с ОПЕК+ и снижения темпов развития мировой экономики в связи с пандемией цена на нефть резко упала (самый низкий показатель составил 25,9 доллара США за баррель и пришёлся на 19 марта 2020 года), с другой стороны – стоимость фрахта нефтяных

танкеров подорожала на 700% и исчислялась в середине марта 2020 года 243 000 долларов США в день.

Как мы уже отмечали выше, устойчивость развития экономики Сингапура находится в большой зависимости от внешних факторов, придавая ситуации в стране позицию «небоскрёба на болоте», или, как образно выразился бывший премьер-министр Лу Куан Ю: «Это 80-этажное здание, стоящее на болотистой почве» [5].

Таблица 3 показывает развитие ситуации с импортом природного газа и СПГ. Как мы видим, до 2013 года импорт газа осуществлялся только по трубопроводам из Индонезии (6,7 млрд куб. м) и Малайзии (1,6 млрд куб. м), так как в стране не было специальных терминалов для приёма СПГ и регазификационных заводов, поэтому Сингапур до 2013 года не принимал сжиженный природный газ, к тому же в 2012 году был зафиксирован «отскок назад» в закупках природного газа с 9,1 млрд куб м до 8,3 млрд куб м. Кроме того, импортируя природный газ, Сингапур осуществлял его небольшой реэкспорт в Республику Корея.

Таблица 3

**Импорт природного (ПГ) и сжиженного природного газа (СПГ)
Сингапуром в 2010-2018 гг.**

Часть 1.

Годы	2010		2011		2012		2013		2014	
	ПГ	СПГ	ПГ	СПГ	ПГ	СПГ	ПГ	СПГ	ПГ	СПГ
Млрд куб м и СПГ	8,4	–	9,1	–	8,3	–	10,5	1,3	10,9	2,6

Часть 2.

Годы	2015		2016		2017		2018	
	ПГ	СПГ	ПГ	СПГ	ПГ	СПГ	ПГ	СПГ
ПГ в млрд куб м и СПГ	12,1	3,0	12,9	3,0	13,48	2,8	12,6	3,4
Реэкспорт ПГ в млн куб м					622			

Источник: «ВНИИЗАРУБЕЖГЕОЛОГИЯ» [6].

В 2017 году Сингапур импортировал 189,3 млн тонн энергетических продуктов, что на 7,4% было больше, чем в 2016 г. (176,3 млн тонн), а основную часть общего объёма импорта составляли нефтепродукты (63,7%), за ними следовала сырая нефть (30,6%). Импорт природного газа (ПГ) был, в основном, в виде трубопроводного природного газа (ТПГ), на долю которого пришлось 72,4% от общего объёма импорта ПГ в 2017 году, он вырос на 2,0% и

составил 9,9 млн т н.э. Общий объём экспорта энергоносителей также вырос на 3,3% – с 99,3 млн тонн в 2016 году до 102,6 млн тонн в 2017 году. Этот рост был обусловлен главным образом усилением внешнего спроса на мазут и реактивное топливо.

Постепенно развивается сотрудничество в газовой отрасли Российской Федерации с Сингапуром. По информации Чао Бэнг Чу, главы государственной нефтегазовой компании Сингапура «Keppel», в перспективе «Газпром» может стать эксклюзивным поставщиком СПГ в Сингапур: «В будущем «Газпром» начнёт поставки энергоносителей для Сингапура, и мы постараемся обеспечить ему эксклюзивные права, когда закончится наше сотрудничество с «British Gas» [7].

Кстати, дочерняя структура «Газпрома» «Gasprom Marketing & Trading» уже в начале 2010 года начала торговые операции в Сингапуре. Тогда же в 2010 году в интервью автору Е.П. Посол Сингапура в РФ Саймон де Круз сделал прогноз, что активный экспорт углеводородов и нефтепродуктов из России в Сингапур начнётся не ранее, чем через 10-15 лет (то есть в 2020-2025 гг.).

Итак, мы привели данные о ресурсной базе Сингапура, точнее о полном её отсутствии и зависимости экономики этой страны от импорта полезных ископаемых. Теперь мы охарактеризуем ресурсную базу Российской Федерации и сравним развитие нефтепереработки в этих странах. Мы также рассмотрим, какова роль России в содействии сотрудничеству и кооперации в энергетической сфере в Азиатско-Тихоокеанском регионе?

Следует учитывать, что в ходе международных экспертных опросов, проводимых под руководством автора в рамках проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком») Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН в шестнадцати странах АТР с 2005 по 2019 гг., эксперты в качестве главного риска в Азиатско-Тихоокеанском регионе на первое место поставили борьбу за энергетические ресурсы и территории, где они расположены, и указали, что главной проблемой в АТР является проблема ресурсов и энергетической безопасности, а сотрудничество в сфере энергетики на базе интеграции даст региону стабильность и процветание [8].

Россия занимает 1-ое место в мире по запасам газа (50,5 трлн куб. м) и 6-ое место в мире – по запасам нефти (15,0 млрд тонн). В 2019 году в Российской Федерации было добыто 561 млн тонн нефти вместе с конденсатом – 1-е место в мире, а добыча газа составила 738 млрд куб. м – 2-е место в мире. По экспорту нефти Россия занимает 2-е

место в мире. В 2019 году экспорт нефти из РФ составил 267,5 млн тонн и был перекрыт пик экспорта 2010 года в объёме 265,4 млн тонн. В 2019 году Россия отправила на экспорт 259,4 млрд куб. м газа – 1-ое место в мире [9].

Согласно Энергетической стратегии до 2030 года к 2030 году экспорт нефти и нефтепродуктов из России должен составить 409 млн тонн (в том числе на Тихоокеанский рынок до 110 млн тонн).

Итак, с одной стороны, Российская Федерация – нефтегазовый гигант (суммарная мощность первичной переработки нефти в России составляла 280-282 млн тонн в год (3-е место в мире после США и КНР)), с другой – маленькое островное государство, лишённое углеводородных ресурсов.

Теперь мы рассмотрим, как развивается в этих странах нефтепереработка? И, вот здесь мы сталкиваемся с сингапурским парадоксом: производительность нефтепереработки и КПД на трёх НПЗ Сингапура превышает производительность и КПД на заводах в российской аналогичной отрасли. Это при том, что нефтепереработка в Сингапуре сосредоточена на трёх заводах, расположенных на острове Джуронг площадью 32 кв. км, сооружённом в 2000 году методом объединения семи островов и дополнительного насыпания 23 кв. км грунта, а вся сингапурская промышленность составляет 20% в экономической структуре этой страны, а минеральное топливо и продукты перегонки нефти – 12,4% (данные за 2018 год) [10]. Если мы сравним развитие нефтехимической отрасли Сингапура и России, то по производительности тут отрыв ещё больше.

В 2016 году нефтеперерабатывающий сектор Сингапура потребил около 53,3 млн тонн сырья и получил 51,5 млн тонн продукции, из них производство лёгких дистиллятов и тяжёлых дистиллятов составило 14,2 млн тонн и 15,2 млн тонн соответственно. Объём производства средних дистиллятов в 2016 году составил 22,1 млн тонн. За 2018 год в Сингапуре на полностью импортном нефтяном сырье на трёх НПЗ было произведено нефтепродуктов 52 млн 350 тысяч тонн (1 млн 047 тысяч баррелей в день).

Объём нефтепереработки в России в 2019 году на 34 крупных нефтеперерабатывающих заводах (НПЗ) и более 230 малых составил 290 млн тонн, снизившись на 2 млн тонн по сравнению с 2018 годом. (292 млн тонн в год и 5 млн 833 тысяч баррелей в день). Следует отметить, что для нефтеперерабатывающей отрасли России характерна высокая концентрация производства: 85% нефтепереработки контролируют российские ВИНК, но как негативный фактор нужно

отметить высокий износ основных фондов в нефтепереработке России, который составляет около 75%.

Теперь затронем качественные характеристики работы отрасли. Глубина переработки нефти в США составляет 97%, в Европе – 95%, а в Российской Федерации – 83,4% в 2018 году (для сравнения: 71% в 2012 году и 78% в 2015 году). По прогнозу Министерства энергетики России, к 2030 году РФ может достигнуть 90% глубины переработки.

Мнение о неблагоприятной ситуации с переработкой углеводородного сырья ещё в 2000-е годы XX века неоднократно высказывал профессор А.С. Некрасов, заместитель директора Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН. Он указывал, что отставанием уровня глубины нефтепереработки в Российской Федерации пользуются иностранные компании, которые покупают у России мазут по мировым ценам, перерабатывают его, получают светлые нефтепродукты и реализуют с хорошей для себя прибылью [11].

В структуре выпуска нефтепродуктов в России за период с 2011 по 2019 гг. произошло снижение тяжёлых и средних фракций, однако мазут и дизельное топливо (в совокупности) ещё преобладают. Если мы посмотрим динамику нефтепереработки РФ по качественному составу, то ситуация такова: за 2019 год мазута было произведено 47,3 млн тонн (в 2011 году – 73,3 млн тонн или 37,4% от всего производства нефтепродуктов), дизельного топлива – 78 млн тонн (в 2011 году – 70,6 млн тонн или 36%), автомобильного бензина – 40 млн тонн (в 2011 году – 36,6 млн тонн или 18,7%).

Экспорт нефтепродуктов (по данным Росстата) из России в 2019 году составил 142,8 млн тонн (для сравнения: в 2011 году – 132,1 млн тонн с долей мазута 57,4% – 71,7 млн тонн, дизтоплива – 35,4 млн тонн и автобензина – 2,5% – 3,1 млн тонн). Следует отметить, что объём российского экспорта мазута оставался стабильным до введённого в октябре 2011 года налога на его экспорт и выросшего до 66%, что стимулировало российские нефтеперерабатывающие заводы к проведению модернизации с целью наращивания производства дистиллятов.

Таблица 4

Динамика экспорта нефтепродуктов из России за 2011-2017 гг.

Нефтепродукты в тыс. тонн	Экспорт		
	2011	2016	2017
Автобензин	3 660	4 939,43	4 078,93

Дизельное топливо	70 600	43 698,02	43 741,06
Мазут топочный	73 300	42 027,51	39 464,02

Источник: Росстат «О состоянии рынка нефти» 2017 г.,
«ТЭК России» № 6 за 2018 г.

Экспорт сырой нефти из Российской Федерации увеличивался с 254,8 млн тонн в 2016 г. до 267,5 млн тонн в 2019 г., но в силу повышения таможенных пошлин на мазут экспорт нефтепродуктов последовательно снижался: на 9% до 156 млн тонн в 2016 г., до 150 млн тонн – в 2018 г. и до 142,8 млн тонн – в 2019 г. Из-за снижения мировых цен с 97,6 долларов США (среднегодовая цена в 2014 г.) до 51,2 долларов – в 2015 г. и до 41,9 долларов – в 2016 г. – доля нефти и нефтепродуктов в российском экспорте за 2014-2016 гг. сократилась с 54,2% до 41,6% [12].

В 2020 г. цена нефти упала до минимума – 25,9 долларов США за баррель (на 19 марта 2020 г.).

В настоящий момент поставки нефтепродуктов из России в Азиатско-Тихоокеанский регион осуществляются предприятиями Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, а именно: Омским, Ачинским, Ангарским, Хабаровским (летом 2014 г. на Хабаровском НПЗ была введена в действие установка гидрокрекинга и завершена модернизация производства. После генеральной реконструкции завод стал одним из ведущих предприятий нефтеперерабатывающей промышленности России с лучшими технологическими и экономическими показателями) и Комсомольским НПЗ, причём до пандемии коронавируса CoVID-2019 увеличивались и физические объёмы поставок, и стоимость этого экспорта.

Российские эксперты уже с начала 2000-х годов постоянно указывали, что в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке целесообразно создание единого нефтегазового комплекса, включающего систему добычи, переработки, химии, транспорта и хранения нефти, продуктов нефте- и газохимии, включая гелий, а при поставках на экспорт сырой нефти и энергетического газа рекомендовали заключать договоры, предполагающие обеспечение доступа российских компаний к объектам транспортировки, переработки и сбыта на территории стран – реципиентов [13]. Но пока эти рекомендации, увы, остаются только благими пожеланиями.

Недостаточно эффективно в РФ используется природный газ, в котором содержится большое количество этана, а на месторождениях Восточной Сибири около 5% пропана, бутана, изобутана и т.д. Если бы были реализованы предложения, внесённые ещё в конце 80-х гг.

XX в., о поставке газа из Восточной Сибири на перерабатывающие предприятия в Череповец или Грязовец, России не только не нужно было импортировать полимеры, но мы могли бы стать крупными экспортёрами нефтехимических продуктов на полимерной основе. Россия эту возможность упустила. Кроме того, в России нерационально используются и другие ресурсы, например, гелий, запасами которого в мире обладают только три страны – США, Алжир и Россия. У наших конкурентов месторождения истощаются, и гелий мог бы стать основой нового эффективного экспортного направления [14].

Эксперты отмечают, что Российская Федерация является единственной страной в мире, которая, добывая нефть в глубине континента, транспортирует её на тысячи километров для дальнейшей переработки, то есть реально существует проблема конкурентоспособности предприятий, удалённых и от источников сырья, и от рынков сбыта, что не только невыгодно, но и сказывается на стоимости продукции в целом. Но кроме транспортной, второй по значимости проблемой является изношенность материальной базы отрасли, т.к. 20 крупнейших нефтеперерабатывающих заводов РФ были построены ещё в 50-х – начале 60-х гг. XX в. и работают около 60 лет. Сейчас износ основных фондов в нефтепереработке на некоторых предприятиях составляет до 75%, что может привести к техногенным катастрофам, т.к. именно НПЗ несут в себе большую химическую, пожарную и экологическую опасность, а отказы оборудования обуславливают высокую стоимость простоев и повышенный риск травматизма персонала.

Реализация российскими нефтяными компаниями инвестиционных программ модернизации нефтеперерабатывающих мощностей позволит увеличить производство светлых нефтепродуктов: к примеру, в 2015-2016 гг. оно составило 58% к уровню 2011 г., что привело к превышению его объёмов над потребностями внутреннего рынка. В 2020 г. планируется увеличение приёма продуктов от нефтеперерабатывающих заводов в систему российских магистральных нефтепродуктопроводов с 32,4 млн тонн, как было в 2011 г., до 54,5 млн тонн.

В диаграмме 1 дан прогноз, сделанный Министерством энергетики России по развитию нефтеперерабатывающей промышленности и нефтегазохимии Российской Федерации до 2030 г.

Диаграмма 1. Прогноз развития нефтепереработки и нефтегазохимии в Российской Федерации

При сравнении функционирования нефтеперерабатывающей промышленности Российской Федерации и Сингапура напрашивается следующий очевидный вывод, что для эффективного развития данной отрасли России необходимо сделать, наконец-то, выбор соответствующей операционной модели и уровня интеграции по всей стоимостной цепочке производства и реализации нефтехимической продукции и нефтепереработки. В этом будет заключён залог успеха развития отечественной отрасли, и здесь незачем перенять эффективный опыт Сингапура по развитию нефтепереработки и нефтехимии.

«ЮАР: реституция страны, проблемы равенства и справедливости» в журнале «Вестник РУДН» серия Социология № 4, 2020. С. 999-1001.
 (Рецензия на книгу Шарлин Шварц «Другая страна. Повседневная социальная реституция».

**Swartz S. Another Everyday Social Restitution Country.
Cape Town, 2016. 304 p.)**

Статья представляет собой рецензию на книгу Шарлин Шварц «Другая страна. Повседневная социальная реституция» (Кейптаун, 2016). Автор книги повествует о том, что история Южно-Африканской Республики сложна и противоречива, а проблема равенства, справедливости и регулирования расовых отношений как никогда актуальна в условиях преодоления апартеида, причём в таких условиях, когда страсти накалились, и темнокожие южноафриканцы хотят покончить с позорным прошлым, когда попиралось их человеческое достоинство, а их дети не имели достойного будущего, так как не могли получить полноценное образование и, следовательно, профессию; когда заветной мечтой темнокожего ребёнка было стать белым человеком. Профессор Шварц показывает, как значительно улучшилась жизнь темнокожего большинства в материальном и образовательном плане, причём все изменения нашли подтверждение и закрепление в законодательной базе, однако на психологическом уровне ещё осталось осознание своей ущербности и какой-то неполноценности, что вызывает не только боль, стыд, но и озлобленность, и ожесточение особенно у молодёжи, что выливается в призывы к насилию над белым меньшинством и к насильственным действиям. С другой стороны – белое меньшинство переживает стрессовое состояние, когда из привилегированного положения, характерного для предшествующего периода, оно переходит в разряд изгоев, зачастую устраняется с престижных рабочих мест и элитных жилых районов, притом, что само существование белого населения в стране становится опасным и требует жёсткой самоизоляции для простого выживания. Несколько поколений африканеров считают ЮАР своей Родиной и не хотят покидать её, даже столкнувшись с угрозой своей жизни. Возникает вопрос, как примирить эти две противостоящие друг другу группы населения? Как сделать из них доброжелательную «радужную» нацию и привести к расовому миру и согласию? Эту непростую ситуацию изучает профессор Шарлин Шварц, проводя психологические тренинги в Кейптаунском университете, и вместе со своими слушателями ищет выход из непростой ситуации, который просто необходимо найти, чтобы выжить и жить по-человечески в цивилизованном обществе.

Ключевые слова: расовые отношения, расизм, апартеид, апартеид наоборот, социальная реституция, африканеры.

Abstract. The article is a review of the book «Another Country. Everyday Social Restitution» (Cape Town, 2016). The author tells the story that the history of South Africa is complex and contradictory, and the problem of equality, justice and regulation of race relations is as relevant as ever in terms of overcoming the apartheid, and in such circumstances, when passions ran high, and black South Africans want to end the shameful past, when trampled their dignity, and their children had a bright future as could not get a full education and thus the profession; when a cherished dream of a black baby was to be a white man and violent acts. Professor Schwartz shows how much improved the lives of the black majority in material and educational terms, and all changes have been confirmed in the legislative basis, but on a psychological level, and still have a sense of inferiority and some sort of inferiority complex, which causes not only pain, shame, and anger and bitterness especially among young people, resulting in calls for violence against white minority. On the other hand, the white minority is experiencing a stressful state, when from a privileged position characteristic of the previous period, it passes into the category of outcasts, often removed from prestigious jobs and elite residential areas, despite the fact that the very existence of the white population in the country becomes dangerous and requires strict self – isolation for simple survival. Several generations of Afrikaners consider South Africa their Homeland and do not want to leave it, even when faced with a threat to their lives. The question arises, how to reconcile these two opposing groups of the population? How to make them a benevolent "rainbow" nation and lead to racial peace and harmony? This difficult situation is studied by Professor Charlene Schwartz, who conducts psychological training at the University of Cape Town, and together with her students is looking for a way out of a difficult situation, which simply needs to be found in order to survive and live like a human being in a civilized society.

Key words: race relations, racism, apartheid, reverse apartheid, social restitution, Afrikaners.

В июле 2018 г. я вместе с коллегами участвовала в XIX Конгрессе ISA, который показал явный кризис западной социологии, нарастание непрофессионализма, особенно заметного в выступлениях молодых участников, доклады которых носили описательный характер, в них не упоминалось ни о массиве исследований, ни о выборке, зато старательно приводились отдельные фразы из интервью: «Ахмед сказал...», «Махмуд заявил...», «Фатима говорила...» и на основании единичных высказываний делались выводы, не подтверждённые результатами опросов, данными в процентном соотношении, а

статистические и эмпирические материалы приводились вскользь, без должного анализа и сопоставления. Но в последний день Конгресса я попала на заседание секции «Молодёжь и национализм в глобализирующемся мире» и прослушала интересный доклад учёных из ЮАР и Нигерии «Качественный анализ реакций современной молодёжи на различные проблемы социальной справедливости в Нигерии». Презентация была посвящена студенческим протестам в Южной Африке против неравенства, расизма и образовательной недоступности [1].

Это было актуально, так как страсти накалились, а на стенах домов появились призывы к сексуальному насилию против белых. В докладе были приведены результаты опроса в 2016 г. (N = 2988) рассказывающем о том, в какой мере подобные мнения разделяют в обществе, и что должно быть предпринято в отношении людей, которые выражают эти взгляды. 26% взрослых считали, что те, кто призывает к сексуальному насилию против белых, препятствуют мирному сосуществованию представителей разных рас и социальной сплочённости, 39% требовали прекращения этих действий, 16% – наказания участников, а 2% считали такое поведение похвальным, так как оно привлекает внимание к сохраняющейся привилегии белых в южноафриканском обществе. Был затронут вопрос о радужной нации, причём часть южноафриканцев не отказались от этой идеи [2].

Результаты исследований Шарлин Шварц в форме интервью были представлены в её монографии «Другая страна. Ежедневная социальная реституция» [3] о расовых отношениях в ЮАР и условиях преодоления апартеида.

После прослушивания высоко профессионального доклада мне захотелось перевести монографию на русский язык. Работа продлилась два года, но результат меня несколько озадачил: «К какой отрасли знания отнести книгу? К социологии (т.к. используется опрос в форме интервью) или политической науке и социальной антропологии с большим психологическим компонентом?» Следует отметить, что материал был изложен не с ледяным беспристрастием, а был ярко эмоционально окрашен при соблюдении корректности.

Весь материал книги излагается от лица белой южноафриканки, какой и является автор. Проблема межрасового взаимодействия звучит уже с первых страниц книги. Так, во введении, называемом «Плевок на ботинки» излагается история автора, попавшей перед Рождеством в Швейцарию, заблудившейся поздним вечером в деревне недалеко от Цюриха, потерявшей дорогу к вокзалу и попросившей помощи, а в ответ, получившего от швейцарского крестьянина, узнавшего, что перед ним белый человек из ЮАР, плевок под ноги с криком:

«Апартеид!» Автор передала чувство жгучей горечи и даже позора, которое охватило её после этого.

В следующей главе о своём детстве, Шарлин Шварц указала, что, будучи маленькой девочкой любила ездить с отцом на заправку, так как там добрые служащие дарили ей переводные картинки. Но отец был недоволен и запретил ей называть работников автозаправки «дядями», т.к. они чёрные, а маленькая Шарлин недоумевала относительно этого запрета, так как заправщики были значительно старше её (то есть были «дядями»), да к тому же такими доброжелательными.

Изложенные первые два случая были времен апартеида, а вот, когда профессор Шварц проводила свой тренинг с элементами опроса, то во время интервью опрашиваемая ею темнокожая студентка сказала, что её бабушка не смогла бы называть профессора по имени (Шарлин), а называла бы её госпожой, признавая превосходство Шарлин над собой, так как Шарлин – белая женщина, а бабушка – темнокожая южноафриканка.

Это диаметрально неравенство позиций даже после официальной отмены апартеида проявилось во время интервью в озвучивании желания темнокожего ребенка. Его заветная мечта была – быть (стать) белым человеком.

Если мы обратимся к анализу подачи в книге эмпирического материала, то следует отметить, что в отличие от доклада на XIX Конгрессе ISA, в книге материалы интервью просто последовательно излагаются в каждой главе с указанием имён респондентов, их расовой принадлежности, пола, возраста и профессии. Количество интервьюируемых составило 60 человек, из них: 27 темнокожих южноафриканцев, 8 цветных и 25 белых респондентов. Возраст их различался от молодёжного до пенсионного, а профессиональная занятость варьировалась от бизнесменов и клерков до уборщиков и безработных, т.е. выборка была случайная с несвязанными параметрами и нерепрезентативная. В то же время интерес к книге основывается на злободневности затронутых вопросов и эмоционально заряженной подаче материала Углубляясь в текст, я поняла, что автор описывает длительный десяти недельный групповой тренинг с ролевыми играми и использованием интервью для того, чтобы обсудить тему реституции страны и выяснить у участников, что заставило их надеяться или отчаиваться по поводу развития Южной Африки. И респонденты смело говорили о несправедливости апартеида, акцентируя внимание на своих надеждах и мечтах о будущем в новом для них «мире свободы».

Первая неделя занятий была посвящена формированию групп и обеспечению возможности диалога. Тренинг открывался вопросом о самоидентификации участников и осознании этого ими: «Кто мы, и почему мы здесь?». В период второй недели участники обсуждали, какой они видят Южную Африку? Третья неделя посвящалась разговору о влиянии несправедливости прошлого на настоящее; на четвёртой обсуждали значение реституции и её потенциал; на пятой неделе выявлялись отличия благотворительности от реституции; на шестой шёл разговор всех участников об апартеиде и несправедливости; седьмая включала обсуждение идеи проведения акций по возмещению ущерба и восстановлению прав человека; на восьмой разрабатывался план выполнения и оценки высказанных идей; на девятой – дискутировали о позициях и условиях, необходимых для реституции и препятствиях, которые могут возникнуть при её реализации, и, наконец, десятая, заключительная неделя, включала составление плана по реализации проекта.

В интервью темнокожие южноафриканцы отмечали, что живут в нищете из-за низкого уровня образования, обуславливающего безработицу и страх за своё будущее, поэтому они акцентировали внимание на том, что одна из больших тем – это взаимосвязь бедности и образования. И респонденты резюмировали, что темнокожим людям нелегко найти работу, потому что они не получают хорошего образования, что закрывает им путь к светлому будущему. Общее видение участников тренинга цели в будущем: это достижение равного доступа к возможностям и социальной, и географической интеграции.

Другая большая тема, затронутая в книге – это собственность, т.к. в период апартеида дискриминационное законодательство сказывалось на правах владения. Белым южноафриканцам, которые составляют 8,5% населения, принадлежало 47% частной земли в Южной Африке, отсюда и категоричное требование перераспределения земель, высказанное темнокожим населением: «Мы хотим нашу землю назад, и точка! У белых богатства и привилегии. Ничего не изменилось. Наша страна быстро опускается. Нет никакой надежды. И, если ничего не будет сделано, страна будет гореть в огне конфликта». И Шварц делает вывод: эти заявления являются самой главной причиной, почему нужно обсуждать и использовать слово «реституция» (воздаяние, возмещение), которое вызывает эмоции, реакцию и призыв к действию. Вот почему ни одно другое слово тут не будет работать.

Этот тренинг показал, что люди не хотят забыть прошлое, многие рассержены и желают мстить, низвести белых людей до того положение, в каком они были сами и сделать их маргиналами. Автор

предисловия книги А. Крег пишет: «Если быть абсолютно честным, я хотел бы мести, если бы был темнокожим человеком. Их гнев оправдан, но он – как тикающая бомба». Но есть люди, кто не хочет мести, а хотят, чтобы был мир, и в книге показывается, как для этого постепенно складываются условия.

Начиная с 1994 г. более чем у 90% южноафриканцев появилось электричество, у 95% идут в школу дети и учатся до 16 лет, и то, что они изучают в школе, является другой историей; дети получают социальные гранты, а у пожилых людей есть пенсии. За первые два десятилетия демократии правительство ЮАР построило около 2.8 млн домов и 876 774 объектов поставило на обслуживание (водоснабжение, электричество, санитария) для тех, кто был вынужден раньше жить в бантустанах. В 1994 г. чуть более 12.5% южноафриканцев имели доступ к основным санитарным услугам, а к 2012 г. этот показатель повысился до 83%. Доступ к воде увеличился с 60% домашних хозяйств в 1994 г. до 95% в 2012, а к электроснабжению – с 50% по 86%. Но, вряд ли, много белых южноафриканцев признает эти преобразования, так как их жизнь кардинально ухудшилась и стала небезопасной.

Многие темнокожие граждане ЮАР недовольны. Они отмечают, что боролись с апартеидом и выиграли, но в Южной Африке происходит в настоящее время не то, за что они и их родители боролись, так как свобода, которую они в настоящее время имеют, приносит пользу лишь некоторым, растёт коррупция, а руководство страны, «интересуется только своим собственным благополучием». Вопиющим является наследие расизма, проявляющееся в ощущении неполноценности, которую многие темнокожие южноафриканцы испытывают, не изжита до конца сегрегация, что вызывает негодование. Темнокожий ребёнок по-прежнему чувствует, что он не может говорить на равных с белым человеком, поэтому главный вопрос, который задаёт автор книги: «Какую страну мы хотим?»

В ответах респондентов указывалось, что неважно, кем люди были в прошлом и какие позиции занимали: молодой, старый, чёрный, белый, богатый, бедный, образованный или нет, у них появилась новая обнадеживающая перспектива, но изменение Южной Африки будет очень трудным, медленным и болезненным процессом, а цель можно достигнуть, когда все по-настоящему будут равны: от занятия рабочих мест, образования и места проживания до решения вопросов психологического равенства, когда чёрные, белые и цветные теряют чувство неполноценности или превосходства. Таким образом, идеал, к которому надо стремиться, указывали респонденты, – это преодоление разногласий прошлого и создание общества, основанного на

демократических ценностях, социальной справедливости и правах человека, когда каждый гражданин в равной степени защищён законом, и для этого надо построить единое общество.

Ответы участников тренинга относительно ответственности за прошлое можно разделить на четыре группы:

1-я группа – мы должны взять ответственность на себя;

2-я группа – мы должны привлечь правительство к ответственности;

3-я группа – мы должны привлечь белых к ответственности,

4-я группа – мы не хотим ничего (желание спрятать голову в песок в надежде, что так проблемы уйдут).

И Шарлин Шварц отмечает, что к концу интервью только 3 респондента придерживались мнения о том, что мы должны «просто двигаться дальше – забыть о прошлом и думать только о будущем».

Тема возможностей – эта другая область, в которой прошлое и настоящее неразрывно переплетены, и темнокожие южноафриканцы рассматривают прошлое как отправную точку для реституции страны. Приблизительно одна треть белых участников интервью говорила о чувстве вины и позора. Многие называли эти эмоции «белой виной» и «белым позором». Приблизительно четверть белых участников говорила о гневе, который они чувствуют по отношению к другим белым людям из-за их расистских взглядов, способов поведения и нежелания от них отказаться. И Шварц высказала надежду, что главы её книги помогут белым южноафриканцам отойти от желания «просто идти дальше и забыть прошлое», как белой привилегии. Она поднимает вопрос о реституции, как восстановлении прав и собственности, искуплении несправедливости и возврате утраченного. Как определила профессор Жаклин Бхэбха из Гарвардского университета: «Шарлин Шварц ведёт спор в пользу социальной реституции страны, как целостного процесса, содержащего компенсацию за несправедливость прошлого».

Термин «реституция» был незнаком части участников интервью, которые затруднялись ответить, что он означает, но многие респонденты имели чёткие представления о том, что нужно делать, чтобы решить вопрос разрешения проблемы владения землей, богатством (высказывался взгляд: никто не должен пользоваться преимуществами несправедливо полученной прибыли) и доступом к образованию, а также много говорилось о восстановлении достоинства, уверенности и развития социальных связей. Главное в этом подходе, сосредоточенном на ответственности за несправедливость, основывалось на том, что несправедливость требует морального ответа, того, который включает ответственность поколений и осуществляется через

удовлетворение жертвы, а не только получение ею компенсации, и через реабилитацию преступника, а не только его наказание. Поэтому, по мнению респондентов, образование – одна из ключевых областей, в которой социальная реституция должна и может произойти. Качественное образование позволяет восстановить достоинство и предоставить возможность молодым людям получить доступ к занятости и достойным средствам существования в будущем.

Однако было бы наивно идеализировать и романтизировать реституцию. Это сложный, трудный, тяжёлый, а зачастую трагический процесс, ведь у одних нужно забрать собственность, поделить и отдать её другим. Для сравнения укажем, что Россия и СССР трижды проходили через процесс реституции. Первый раз – в 1861 г., когда крестьяне получили свободу и землю; второй – после Октябрьской революции, но владели землёй крестьяне недолго, так как начался процесс раскрестьянивания, и земля в основной массе была передана в колхозы и совхозы, а третий раз – в октябре 1992 г., когда россияне получили в компенсацию утраченной «всенародной» социалистической собственности ваучеры номиналом 10 000 рублей (ваучерная приватизация). Но если в 1861 и 1917 гг. в России реституция носила классовый характер, то в ЮАР она связана с межрасовыми отношениями.

Проблема реституции в ЮАР очень сложна. Ведь вопрос не в том, чтобы просто забрать собственность у одних и передать другим, а в том, чтобы хозяйство эффективно работало и в нём на равных правах участвовало всё население страны. Но для этого нужны соответствующие профессиональные навыки, полученные через систему образования и профессиональной подготовки, нужны финансы и опыт соответствующей деятельности. Если просто забрать у одних и передать другим, будет опять нарушено равенство и социальная справедливость. Действительность гораздо сложнее любой теории. Респонденты подчеркивали, что один из главных вопросов о собственности в ЮАР – это вопрос о земле, почти половина которой сосредоточена в руках белого населения (обладающего соответствующими финансами и навыками, дающими в результате высокий уровень производства, благодаря которому страна имеет первоклассную молочную продукцию, мясо, свежие фрукты и другие продукты питания). Но слишком высоко противостояние: с 1994 г. в ЮАР погибло около 4 000 белых фермеров, и этот список не закрыт. Темнокожее население требует возврата отнятой у них земли, но коренные жители ЮАР – бушмены – с XV века были вытеснены пришлыми народами-кочевниками, чьи потомки составляют сейчас большую часть населения страны. Это зулу, коса, тсвана, ндебеле,

тсонга, педи, суто, свази, венда [4]. Темнокожие южноафриканцы не имеют опыта возделывания земли. Их этому ещё нужно научить, на что уйдут годы, поэтому стране нужно в любом случае прийти к межрасовому консенсусу.

Если вспомним историю, то следует отметить, что в 1994 г. президентом ЮАР был избран Нельсон Мандела, который назвал граждан своей страны «радужной нацией». Сейчас эту теорию называют мечтой, а если не идеализировать Манделу, то нельзя забывать факт, что он со своими коммунистическими соратниками иногда пел песню со словами «Убить бура» [4]. Слишком много противоречий и сложнейших проблем в Южной Африке, но завершить хотелось бы старинной африканской пословицей, в которой сосредоточена вся мудрость чёрного континента: «Если хочешь идти быстро – иди один, а если нужно идти далеко – идите вместе». Других вариантов для успешного развития у ЮАР нет.

Библиографический список:

1. Рязанцев С.В., Рубан Л.С. Кризис западной социологии и новые социологические школы. Что показал XIX Конгресс ISA? Вестник РАН № 7 2019. С. 109-120.
2. Swartz S., Roberts B., Nyamnjon A. Book of abstracts XIX ISA World Congress of Sociology. Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities. Toronto. July 15-21, 2018. P. 931.
3. Swartz S. Another Everyday Social Restitution Country. Cape Town, 2016. 304 p.
4. Апартеид наоборот в ЮАР. [Электронный ресурс] / – Режим доступа. – URL: <https://seosait.com/aparteid-naoborot-v-yuar/> (Дата последнего обращения 20.07.2020).

Статья «Россия – СРЮ: межнациональные и федеративные отношения» в монографии «Россия федеративная: проблемы и перспективы» в соавторстве с Карасёвым А.В. и Цветковым О.М.
Авторство не разделено.

Югославский кризис, завершение его военной стадии и вопрос послевоенного урегулирования и восстановления разрушенного, остаются в настоящий момент одной из наиболее злободневных тем в современной международной политике. При этом изучение и анализ проблем, которые привели к Югославскому кризису, в т.ч. военному конфликту и внешней агрессии, важны не сами по себе, а по целому ряду аспектов, среди которых можно выделить следующие:

1) глобальный (международный), связанный с вопросом о неприкосновенности границ в Европе и невозможности их пересмотра после II Мировой войны, проблема коллективной безопасности, в т.ч. предупреждение агрессии и регулирование международных отношений (включая спорные проблемы и конфликты);

2) развитие федеративных отношений, реализация права наций на самоопределение и проблема территориальной целостности федераций (в т.ч. осуществление через современное международное право права наций на самоопределение и права государства на защиту своего суверенитета), соблюдение прав народов и отдельных граждан;

3) Условия и принципы цивилизованного раздела Федерации (принцип перехода территориально-административных границ прежней федерации в государственные границы новых независимых государств).

Российская Федерация не может безучастно наблюдать за югославскими событиями по многим причинам:

во-первых, при неэффективной политике по этому вопросу она может утратить не только сферу своего влияния на Балканах и на юге Европы в целом, но и потерять лицо (статус мировой державы она уже почти утратила). Если РФ не заставит своих оппонентов считаться со своими интересами, в противном случае с ней просто перестанут считаться при решении любых важных внешнеполитических проблем. От этого зависит и вопрос собственной внешней и военной безопасности, т.к. никакой «буферной» зоны между Россией и НАТО нет, а системы коллективной безопасности в противовес НАТО не существует.

Обстановка осложнена тем, что своими действиями на Балканах США и НАТО способствуют слому сложившейся в период после 2-й Мировой войны миропорядка и системы регулирования международных отношений через действия ООН, Совет Безопасности, ОБСЕ, подменяя их своими единоличными решениями. Последствием возможного уничтожения ООН может быть колоссальный

политический кризис общемирового масштаба²⁵.

В историческом плане мы имеем несколько аналогов данной ситуации, из которой должны извлечь соответствующие уроки. Ситуация накануне 2-й мировой войны: 1938 г. – Мюнхенское соглашение – расчленение фашистской Германией, рвущейся к мировому господству, Чехословакии, при молчаливом согласии европейских держав, другой пример: агрессия США под эгидой ООН против Северной Кореи, когда только помощь СССР и социалистического лагеря помогла выстоять этой стране. По-видимому, США хотят продемонстрировать миру и России новый политический расклад сил и место каждой страны в нем.

Здесь затронуты проблемы:

- миротворчества, поддержания мира вообще и в отдельных конфликтных регионах, в частности, в Косово, урегулирования отношений между славянами-христианами – сербами и мусульманами-албанцами;
- наказания военных преступников;
- выяснение отношения к терроризму, экстремизму и сепаратизму на международном и внутреннем уровне;
- восстановления разрушенного (в т.ч. своего экономического влияния на Балканах), стабилизации экологической обстановки.

Проблема разрешения сначала военного, а затем послевоенного конфликта на Балканах стала глобальной, т.к. агрессия НАТО под эгидой США нарушила международные договоренности и правовые акты и свидетельствует о том, что *происходит возврат к военной силе как элементу внешней политики, о возможности вмешательства извне во внутренние дела суверенного государства.*

Во-вторых, выход края Косово из состава СРЮ может создать опасный прецедент для России (при решении её собственных спорных вопросов с национально-территориальными образованиями, республиками (Чечней и др.) и народами, не имеющими государственности в

²⁵ Примером могут служить произвольные санкции США против той или иной страны: обстрелам подвергалась Ливия за терроризм, в одностороннем порядке США ввели запрет на продажу оружия Сирии, обвиняя её в пособничестве терроризму и как следствие этого решения, наложили санкции на ряд российских организаций, поставляющих Сирии оружие. США и Великобритания постоянно наносят ракетные удары по Ираку (по бесполётным зонам на Севере и юге Ирака, закрытым для этой страны). Определение о таких зонах в 1991 г. приняли США в одностороннем порядке. Такие действия без санкции ООН как раз и подпадают, на наш взгляд, под определение «международный терроризм».

РФ, с высокой вероятностью вмешательства извне.

Можно ожидать, что в случае насильственного конфликта, имеющего этническую окраску, может начаться цепная реакция по развалу РФ, причём с привлечением вооружённых сил НАТО для обретения независимости её субъектами. Противостоять НАТО в военно-техническом отношении сейчас некому.

С другой стороны, будет под вопросом нерушимость границ новых независимых государств (ННГ), образовавшихся после распада как СССР, так и СФРЮ на основе административно-территориальных разграничений предшествующих государств, которые не закреплены де-юре, а признаны только де-факто (или как теперь говорят, по умолчанию).

Итак, второй, а именно политический аспект, касающийся непосредственно России – это проблема территориальной целостности и осуществления права нации на суверенитет. Ситуация противоречива. Если РФ и другие государства СНГ признают отделение Косова, тем самым они взрывают своё собственное (довольно хрупкое в настоящий момент) федеративное устройство. Вновь с новой силой встанет проблема признания Чечни как суверенного государства, нужно будет ждать новый виток сепаратизма, со всей остротой вновь проявятся проблемы разделённых народов (ногайцы, лезгины), неурегулированности административно-территориального разграничения субъектов Федерации. Причём мы теперь имеем прецедент военного вмешательства военно-политического блока во внутренние дела другого суверенного государства.

Стремлением США к мировому лидерству, усиление блока НАТО и расширение его влияния на восток сказывается, в частности, в том, что США и НАТО объявили часть территорий б. СССР зоной своих жизненно важных интересов, включая бассейн Каспийского моря и кавказские регионы. При этом НАТО в нарушение Вашингтонского Договора об образовании Североатлантического Союза не исключают возможности использования своих вооружённых сил вне зоны своей ответственности в случае враждебной реинтеграции республик бывшего СССР, а также при необходимости нанесения превентивного удара по так называемому ядерному террористу или в ходе обычных миротворческих операций.

На одном из семинаров НАТО обсуждалась идея размещения в регионе Каспийского моря военного контингента США подобно тому, как это имеет место в Персидском заливе. А как было заявлено в сентябре 1995 г. профессором Массачусетского института Даниэлом

Файном: «США стоило бы предоставить Прикаспию такие же гарантии безопасности, что и странам Персидского залива. Возможная нестабильность может стать основанием для операции типа «Шторм над Каспием» по аналогии с «Бурей в пустыне»²⁶.

Другим негативным последствием балканских событий может стать формирование **синдрома «унижения нации»**. Переход из статуса «великой державы» и от иллюзий о возможности равноправного сотрудничества с США и НАТО к ситуации, когда с мнением страны, занимающей 1/7 часть суши, не считаются, что делает возможным колоссальный всплеск как национальной гордости, активизации процесса развития национального самосознания, так и национализма во всех его проявлениях. В России достаточно радикальных партий националистической направленности, которые смогут использовать эту трагическую ситуацию в своих интересах. В ситуациях, подобных нынешней, синдром «униженной нации» возникает очень быстро, зато последствия его преодолеваются десятки, а то и сотни лет спустя.²⁷

В-третьих, России уже сейчас пришлось столкнуться с проблемой беженцев и репатриантов из Косово, которая может привести к обострению межэтнических отношений в самой РФ. Для решения всех этих проблем, на наш взгляд, необходимо знание истории Косовского кризиса (90-е гг. XX в.) и тех ошибок, которые были допущены в СФРЮ по его разрешению. Это необходимо России, т.к. умный учится на чужих ошибках, а глупый предпочитает упрямо повторять свои.

Здесь хочется процитировать слова великого русского историка В. Ключевского: «Кто не учится у истории, того история проучивает».

²⁶ «Московские новости» № 84 от 10 декабря 1995 г. С. 3.

²⁷ Для примера прочности исторической памяти мы приведем результаты социологического опроса, проведенного на заседании Сессии Академии социальных наук. Респондентам были заданы следующие вопросы: какие страны они считают союзниками России и какие противниками? В качестве экспертов выступали учёные-социологи (доктора наук, члены-корреспонденты, академики). Итог следующий: на первое место в качестве союзника была поставлена Франция, а в качестве противника Германия (хотя самые крупные инвестиции в экономику России сделаны именно этим государством) и США. О силе исторической памяти говорит и тот факт, что при опросе молодежи по программе «Молодёжь в полиэтничных регионах» (руководитель программы профессор Рубан Л.С.) на вопрос об испытываемой этнической неприязни к представителям других национальностей были получены ответы такого плана: к полякам, к немцам – «за то, что они творили на нашей земле» – от 2 до 4%, что говорит о силе негативных этнических стереотипов и прочной исторической памяти поколений. Также был получен ответ на этот вопрос – к американцам – 7% (период опроса декабрь 1998 г.)

Не хотелось бы, чтобы нас история в очередной раз «проучила» и пришлось бы платить своей кровью за чужую вину.

Итак, югославский опыт федеративного государства особенно интересен с точки зрения экстраполяции югославских проблем на ситуацию в Российской Федерации. Федеративное устройство СФРЮ сложилось позже, чем аналогичная структура Советского Союза и под непосредственным его воздействием. Оно повторило принцип этнического подхода в построении государства, хотя и имело свои специфические особенности. В отличие от нашей страны в Югославии вертикальная подчиненность власти была менее жёстко выражена, получила распространение система самоуправления и политическая самостоятельность республик. Это способствовало росту местнических настроений и ослаблению центральной власти, а переплетение регионального и этнического факторов усугубляло разразившийся в стране кризис. Однако в Югославии этнический плюрализм существовал только на официально-декларативном уровне, на практике в республиках преобладал этнический эксклюзивизм. Попытки сохранить целостность федерации в конце 90-х годов XX в. успехом не увенчались – республиканские элиты оказались сильнее. СФРЮ распалась.

Новая Югославия – СРЮ – сохранила федеральный принцип устройства. Она состоит из двух республик – Сербии и Черногории. Внутри Сербии выделяются два автономных края. Вопрос об отношениях двух субъектов федерации обсуждается до сих пор. Республики различаются между собой по численности населения и политическому весу. В последнее время в Черногории усилилась тенденция к превращению федеральных отношений в конфедеративные. Проблема места и роли автономных краев в системе государственного устройства не менее актуальна.

Концепция автономии Воеводины²⁸ не носит этнического характера, хотя эта территория с наисложнейшей этнической структурой в Европе. В июне месяце 1999 г. Венгрия, призывая ограничить суверенитет Югославии над её северной провинцией, могла инициировать конфликт в Воеводине. Тогда же премьер-министр Венгрии В. Орбан призвал Запад не останавливаться на Косово и распространить действие своего «стабилизационного плана на Юг Европы» на другую югославскую провинцию – Воеводину, где живет 350-тысячное венгерское меньшинство.

²⁸ До недавнего времени Воеводину можно было считать образцом сосуществования различных этнических групп.

По словам Орбана, обстановка в Воеводине может в скором времени накалиться, «поскольку туда переселяются сербские беженцы из Косово». Чтобы не допустить межэтнических столкновений, глава венгерского правительства предлагает «вернуть краю автономный статус, отобранный С. Милошевичем десять лет назад, и сократить югославское военное присутствие в области, а также предусмотреть международные гарантии, которые снижали бы вероятность конфликта»²⁹.

Инициатива Орбана вовсе не так безобидна, как может показаться на первый взгляд. Показателен сам момент, который выбрал премьер для оглашения своих мыслей. Произошло это сразу после переговоров с посетившим Будапешт американским генералом У. Кларком – командующим силами НАТО. Таким образом, венгры с самого начала дают понять, на кого они рассчитывают в деле «умиротворения Воеводины». С точки зрения международного права, демарш Будапешта представляет собой вмешательство во внутренние дела Югославии. Где именно размещать беженцев из Косово – суверенное право белградских властей, а также сколько войск и в какой провинции размещать.

Запад официально объявил, что операция в Косово завершена, в состоянии войны с Югославией никто больше не находится. Белград принял все условия западных союзников. И условия эти касались только Косово.

Воеводина – это не Косово. Ситуация там принципиально иная. Во-первых, венгров в провинции значительно меньше, чем сербов. И, во-вторых, отношения между ними до сих пор складывались нормально. Той взаимной из глубины веков идущей ненависти, которую питают друг к другу сербы и косовские албанцы, в Воеводине нет и в помине. Никаких оснований идти на поводу у Будапешта, выдвигать Белграду новый ультиматум и тем самым спровоцировать ещё один острейший кризис в Европе у НАТО нет³⁰.

Иная ситуация и в России. Так, в Красноярском крае сербы и хорваты насчитывают более 400 человек и ведут подготовительную работу по созданию югославской национальной автономии. Это будет 36-е по счёту национальное объединение под эгидой Межнационального культурного центра г. Красноярска. Одной из первых своих задач члены нового общества планируют начать

²⁹ Ремарка авторов. Следует учитывать, что в настоящий момент де-юре и де-факто Воеводина имеет автономный статус в составе СРЮ.

³⁰ «Известия» от 23.06.99, с. 1

кампанию по сбору в регионе гуманитарной помощи для жителей Югославии. Между тем уже сейчас два кадетских училища Красноярска готовы принять на учебу 60-80 детей-сирот из Югославии. Кадетские училища были созданы в августе 1998 г. на базе Красноярского и Ачинского училищ, подлежащих расформированию, а число кадетов в них сейчас превышает 450 чел.

Но вернемся к ситуации в Косово, которая ярко свидетельствует о том, как этнический фактор, положенный в основу государственного строительства приводит к противоречию между правом наций (понимаемых как этническое сообщество) на самоопределение и территориальной целостностью государства. Мы приведём справку по развитию Косовского кризиса, который предшествовал военной акции.

С П Р А В К А **по развитию и эволюции Косовского кризиса**

Итак, для лучшего и более полного понимания современных событий в Юго-Восточной Европе необходимо, хотя бы в общих чертах, представлять эволюцию тех процессов, которые привели к этим конфликтам. Западные средства массовой информации, как правило, предпочитают изображать дело таким образом, что Милошевич лишил албанцев автономии и подвергает их всяческим насилиям. Тем самым создается впечатление, что в этом межэтническом конфликте всегда были угнетаемые (албанское население края Косово и Метохии) и угнетатели (сербы). Однако на самом деле историческая картина не столь проста.

Албанская великодержавная программа появилась в конце XIX века. Все попытки балканских христиан привлечь албанцев к участию в совместной борьбе против господства Османской империи за национальное освобождение и модернизацию своего общества практически не дали результата. В начале великого восточного кризиса (1875-1878 гг.) албанцы, находившиеся в рядах турецких регулярных и иррегулярных (башибузуки) войск отличались своей жестокостью в борьбе против христианских повстанцев. Во время этого восточного кризиса албанцы не принимали никакого участия в национально-освободительных движениях христианских народов на Балканах. Наоборот, в иностранной печати появлялись заявления протеста албанского населения против подобных действий вышеупомянутых христианских государств.

Попытка России, одной из великих держав, самостоятельно решить так называемый восточный вопрос и обеспечить здесь свои интересы при помощи создания крупного славянского государства –

Великой Болгарии, как это было предусмотрено мирным соглашением между Россией и Османской империей, подписанным в Сан-Стефано в 1878 г., вызвала энергичное противодействие со стороны других европейских великих держав. Хотя границы Великой Болгарии включали в себя значительные территории, населенные преимущественно сербским и греческим населением, турецкие власти при поддержке английской дипломатии считали, что албанцы будут наилучшим средством в борьбе против славянской и вообще христианской «угрозы».

По своему содержанию проект «Великая Албания», это детище балканской политики великих держав, он был направлен против национально-освободительных движений подавляющего большинства балканских народов. Великие европейские державы стремились создавать на Балканах такие государственные образования, которые бы гарантировали осуществление их стратегических целей на Балканском полуострове. Англия в конце прошлого века очень опасалась усиления влияния России в этом регионе.

Великоалбанская политическая концепция в своём исконном, первоначальном виде была проникнута духом радикального политического ислама и панисламизма. Причём, в Косово и Метохии, как и в областях современной западной Македонии преобладал воинствующий тип ислама, носителем которого было население горных областей северной Албании, постепенно осуществлявшее стихийную экспансию в более культурные и плодородные районы этих областей.

Религиозная гетерогенность и ярко выраженное племенное деление албанского населения были и остаются источником постоянные междоусобных столкновений и конфликтов, которые делают это государство весьма нестабильным. Это «неустойчивое» состояние молодого государства представляет собой угрозу прежде всего для неалбанского населения в самой Албании и вокруг неё. Надо иметь в виду, что в течение столетий на территории современной Албании существовали крупные славянские поселения.

Во время правления албанского коммунистического диктатора Энвера Ходжи значительная часть неалбанского, прежде всего славянского населения (кроме греков), подверглась процессу государственной ассимиляции, проводившейся самыми жестокими репрессивными методами.

Если мы рассмотрим проект создания «Великой Албании», то в определенном смысле, он и сегодня остаётся «длинной рукой»

османского духа в Европе, носителем того образа жизни, тех нравов и обычаев, которые были характерны во время господства Османской империи. Значительные массы христианского населения Европейской Турции, прежде всего Косово и Метохии и северной части Македонии выступили на стороне европейских государств после осады Вены (1863 г.) и поддержали их усилия, направленные на вытеснение турок из Европы. После поражения европейцев в 1690 г. это христианское население Османской империи подверглось жестокой мести со стороны турок и стало жертвой в сущности первых массовых этнических чисток в истории.

Опустошительные турецкие военные походы создали условия для распространения албанского этноса со своих исконных территорий на земли своих соседей, как славян, так и греков. Лишь в XVIII веке большие массы албанских скотоводов из горных районов начинают спускаться в плодородные области края Косово и Метохии, где подавляющее большинство населения составляли православные сербы, а также в области западной Македонии от Скопье до Битолы, которые были населены сербским и македонским славянским населением.

Этот процесс албанского освоения Старой Сербии сопровождался многочисленными массовыми актами насилия, направленными на разрушение компактного сербского этнического массива (насильственная исламизация, различные виды грабежей, конфискаций, разрушение православных церквей, а также другие виды террора против населения).

Еще одним свидетельством того, что Косово и Метохия, о которых албанские авторы говорят, как об албанских землях, были бесспорно центральными областями, населенными сербским народом, является то, что именно здесь были сооружены самые известные и знаменитые памятники сербской архитектуры и сербской духовности. Только в Косово и Метохии было сооружено около 1400 монастырей, церквей и других сербских архитектурных памятников.

Самые значительные изменения в этнической структуре населения этой части Старой Сербии произошли в период с середины XVIII века до середины XIX века. В основном эти изменения стали результатом столкновения исламской османской феодальной концепции общественного развития с одной стороны, и европейской христианской концепции развития общества, с другой. Косово и Метохия сегодня, возможно, являются самым впечатляющим примером такого столкновения, при этом радикальный исламизм албанского сецеонистского движения весьма умело маскируется европейской фразеологией и европейскими символами.

Только из Старой Сербии (тогдашнего Косовского вилайата) в период *с 1876 по 1912 год были вынуждены выселиться около 150000 православных сербов.*

После Первой мировой войны фашистская Италия оказывала непосредственную поддержку акциям албанских террористов в Югославии. В 1939 г. подрывная деятельность фашистской Италии, направленная против Черногории и Югославии, становится ещё более активной и организованной. Большая часть территории Косова (кроме Подуевского, Вучитырновского и Косовско-митровского срезов) и сел Метохии была присоединена к фашистской Великой Албании. Известно высказывание Мустафы Кроя: «Всех сербов, издавна живущих здесь, надо квалифицировать как колонистов и в этом качестве при помощи албанских и итальянских властей отправлять их в концентрационные лагеря в Албании. Сербских переселенцев нужно убивать».

За четыре года существования оккупационного режима было сделано очень много для претворения в жизнь великоалбанского проекта в Косово и Метохии. Местные албанцы, пользуясь содействием своих соотечественников из Албании и действуя под защитой оккупационных сил, совершили массовые преступления по отношению к сербам. *Албанцы с апреля 1941 г. до августа 1942 г. уничтожили около 10000 сербов.* Священники сербской православной церкви подвергались арестам и становились жертвами убийц.

После II-й Мировой войны целый ряд решений югославских коммунистов во главе с Тито доказывает, что руководство Коммунистической партии Югославии последовательно проводило в жизнь свою стратегию ослабления сербского фактора в будущей Югославии, в свою очередь, албанский фактор являлся одним из средств осуществления данной стратегии.

Таким образом, изменения в этническом составе Косова и Метохии, произошедшие во время оккупации этих районов фашистской Италией и фашистской Германией во время Второй мировой войны и санкционированные руководителями югославских коммунистов, представляют собой первый этап осуществления великоалбанского политического проекта.

На практике день за днём албанская политическая олигархия использовала все доступные средства государственной власти (полицию, просвещение, суды, учреждения культуры), которые в этой части Сербии находились полностью в руках албанцев, для проведения

политики этнических чисток в Косово и Метохии и подготовки почвы для их включения в будущую Великую Албанию. В это время сложился миф об угнетаемом в Косово албанском народе.

В реальности же албанское национальное меньшинство в Сербии имело свою Академию наук края Косово в Приштине (по всей вероятности, это уникальный случай в мировой практике, когда национальное меньшинство имеет свою академию наук), университет с преподаванием на албанском языке, радио и телевизионные передачи на албанском языке, а также весьма многочисленные другие учреждения. Со стороны албанской олигархии имели место злоупотребления с предоставленным албанцам максимально возможных автономных прав, которые превосходили все европейские стандарты автономии для национальных меньшинств.

Своего максимального развития албанская шовинистическая пропаганда достигла в период 1975-1980 гг. после принятия Конституции Югославии 1974 г., которая предоставила автономным областям в Сербии атрибуты государственности и федеральной конститутивности. Границы между Югославией и Албанией на деле практически не существовало.

Албанский институт в течение 70-х годов XX в. разработал список географических пунктов, где существовавшие ранее сербские и славянские названия должны быть заменены новыми, чтобы таким образом скрыть этническую историю этих населенных пунктов. До начала 80-х годов XX в. только в Косово и Метохии на албанском языке наряду с несколькими научными журналами выпускалось 10 газет. Все эти широкие возможности албанцы использовали для разжигания межнациональной ненависти вместо того, чтобы развивать дух толерантности, взаимопонимания и цивилизованного развития отношений с другими народами. Парадоксальность всей этой ситуации заключается в том, что, хотя албанцы из Косова и Метохии утверждают, что они веками подвергались постоянному угнетению и депортациям, именно в Сербии албанцы достигли такой высокой степени развития, что сегодня Приштина стремится стать вместо Тираны главным центром Великой Албании.

В 1989 г. С. Милошевич, пришедший к власти под лозунгом возврата края Косово Сербии, приступил к выполнению своей программы. Вопреки распространенному мнению, он не ликвидировал вообще автономию Косова и Метохии. На самом деле автономные права этой области были ограничены по отношению к тем, которые она получила по конституции 1974 г. Однако албанская элита в Косово и Метохии при поддержке значительной части населения не

согласилась с таким вариантом автономии и объявила бойкот сербским властям в Косово и всем органам местного самоуправления и администрации, которые были созданы в соответствии с новыми законами республики Сербии. Албанцы создали своё подпольное правительство и даже проводили свои подпольные выборы в свой тоже нелегальный парламент. В ответ на это сербские власти ввели на территорию автономной области значительные силы полиции и войск. Сербская полиция неоднократно подвергала арестам и разгоняла нелегальные заседания албанского парламента в Косово во главе с Руговой. Албанское население бойкотировало все выборные компании по избранию сербской скупщины, скупщины Югославии, президента Сербии и Югославии. Бесспорно, имели место и различные нарушения со стороны сербской полиции.

Надо отметить, что все попытки Милошевича переселить в Косово сербских беженцев из Хорватии, Боснии и Герцеговины успехом не увенчались. Милошевичу не удалось достигнуть и реальной договоренности с умеренными албанскими лидерами в крае Косово. Это объяснялось, прежде всего, тем, что практически все лидеры косовских албанцев требовали предоставления краю Косово статуса республики в рамках новой Югославии, а на это Милошевич пойти не захотел.

Несмотря на значительную напряжённость в отношениях между сербскими властями и албанским населением до 1998 г. не было значительных всплесков насилия в этом районе. Резкое обострение началось с весны 1998 г., когда Освободительная армия края Косово начала свою террористическую деятельность в этой области.

ОАК считает конечной целью своей борьбы создание Великой Албании с включением в неё края Косово и Метохии, западной Македонии и южной части Черногории. Великодержавный проект «Великая Албания» с его центральной идеей «все албанцы должны жить в одном государстве», ставит под вопрос международно признанные границы, угрожает стабильности во всей юго-восточной Европе и может вызвать новую балканскую войну. Ещё большим анахронизмом является попытка создания любой ценой этнически чистой Великой Албании.

Край Косово многонационален по своему составу, там до военного конфликта мирно уживались сербы, албанцы, цыгане, венгры, евреи, адыги и другие народы. С началом военных действий начался исход беженцев сначала албанцев (всего 700 тысяч человек), теперь сербов (более 70 тысяч человек), цыган, евреев, уезжают и косовские

адыги. Они возвращаются на свою историческую Родину в нынешнюю Республику Адыгея. Резонно возникает вопрос, а какова в настоящий момент обстановка в Республике Адыгея и как может повлиять на нее развитие процесса репатриации?

Прежде, чем мы приступим к характеристике этнополитической ситуации в Республике Адыгея с учётом особенностей взаимоотношений данного субъекта с Федерацией, следует привести короткую статистическую справку.

Статистическая справка

Республика Адыгея (РА) была образована в 1991 г. как республика в составе Российской Федерации. В качестве автономной области Адыгея с 1922 г. находилась в составе различных территориальных образований юга России. Конституция Республики Адыгея была принята на XVI сессии Законодательного Собрания (Хасэ) – Парламента Республики Адыгея 10 марта 1995 г.

Территория Республики Адыгея составляет 7,8 кв. м. (0,04% РФ, из них пахотные земли – около 32%, а леса – около 40%).

Население: – около 451 тысяч человек. Национальный состав: адыгейцы – 22%, русские – 68%, прочие – 10%. Всего в Адыгее проживают представители более 80-ти национальностей. Помимо русских и адыгейцев наиболее многочисленные этнические группы: армяне, татары, украинцы. Плотность населения составляет 57,8 чел. на 1 кв.км.

Принципы государственной власти в РА закреплены Федеративным договором, Конституцией РФ и Конституцией РА. Адыгея – президентская республика. Президент РА – Джаримов Аслан Алиевич – адыгеец. До 1992 г. занимал руководящие должности в местных обкоме КПСС и Советах различного уровня. 12 января 1997 г. избран на второй срок. Председатель Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея – Салов Е.И. Русский.

Республика Адыгея на всех предыдущих выборах разного уровня проявила себя как «красный регион». Каких-либо существенных подвижек в сторону «поправления» массового сознания не произошло и, в рамках осуществляемой практики, не могло произойти. Скорее, можно говорить о предполагаемом росте популярности левых. Политические силы правой и центристской ориентации не пользуются в массовом сознании популярностью, интеллектуально и организационно слабы, плохо консолидированы и находятся под прессом не только левых, но и правящей этнократии.

В настоящий момент в адыгейском обществе можно выделить **три основные группы противоречий:**

1) между господствующими адыгейскими этнократическими элитами и оппозиционными им славянско-казачьими элитами. И те, и другие располагают достаточно широкой социальной базой. Это определяет вторую группу противоречий:

2) между частью этнических адыгейцев, стремящейся слить воедино «политическую и этническую» единицы и частью неадыгейского населения (по преимуществу, славянского).

Нерешённость указанных противоречий, осознанное или неосознанное самоустранение республиканских и федеральных органов власти от их разрешения способствуют дальнейшему отчуждению основных этнических общин республики (адыгейцев и русских) друг от друга. Оттеснение неадыгейцев на периферию общественно-политической жизни продолжает губительным образом сказываться на состоянии межэтнических отношений.

Все иные противоречия, в том числе и 3) между, условно говоря, либерально-демократическими реформами федерального Центра и «коммунно-патриотическими» устремлениями большей части населения можно оценить как периферийные. В силу различных причин (как общих для России в целом, так и специфических республиканских) жители Адыгеи не получили ни достатка, ни свободы. Гнев и претензии значительной части населения республики, вызванные нищетой и бесправием, адресованы сегодня и Москве.

На данный момент желание диалога, а тем более поиска согласия (консенсуса) между адыгейской этнократией и славянско-казачьей оппозицией, а также между коммунно-патриотами и правящими «демократами» Центра отсутствует. Уместнее говорить об их «лобовом» столкновении. Поэтому *политический процесс в республике может быть охарактеризован как потенциально опасный для общественно-политической стабильности в регионе. С другой стороны, он может быть охарактеризован как неустойчиво стабильный (неустойчиво равновесный).* Неустойчивое равновесие может сохраняться достаточно долго. Пресловутое долготерпение российского народа оценивается им самим же, как более предпочтительное по сравнению с открытым межэтническим конфликтом, а тем более межэтническим либо другим насилием. Однако, как представляется, нельзя полностью исключить и возможности эскалации насилия. Для этого достаточно несколько серьезно провоцирующих поводов.

Постараемся охарактеризовать наиболее политически значимые факты и события. Пожалуй, наиболее заметным и важным событием стала репатриация, начало которой положил переезд в 1998 г. группы этнических адыгейцев (20 семей количеством около 100 человек) из Югославии (Косово) на постоянное место жительства в Адыгею. Переселенцы являются потомками адыгов (черкесов), покинувших Северный Кавказ в результате Кавказской войны 1817-1864 гг. Переселение широко освещалось в местных подконтрольных этнократии масс-медиа, сопровождалось митингами, концертами, встречами с руководством республики и г. Майкопа. При этом событие оценивалось как «восстановление исторической справедливости».

Произошедшее имеет, по меньшей мере, два заслуживающих внимания следствия:

1. Дипломатическая, юридическая, материальная и организационная помощь Москвы косовским адыгейцам в переселении на «историческую родину» положительно оценена частью адыгейских элит. Москва, вероятно, заработала несколько политических «очков», т.е. увеличила лояльность к себе со стороны господствующих в республике этнократов. Однако в целом степень роста лояльности невелика а, возможно, просто ничтожна. Степень согласия и взаимной лояльности Москвы и Майкопа исходит из давно принятых и практически отработанных «правил игры», в соответствии с которыми в обмен на лояльность властвующей в республике этнократии Москва «не замечает» так называемого *«титularного национализма» (вытеснения неадыгейцев из сколько-нибудь значимых и престижных сфер общественной жизни, сохранения дискриминационного избирательного законодательства, фальсификации истории взаимоотношений России с черкесами и др.)*.

Желание и поиск федеральной столицей лояльности у этнократических северокавказских элит понятны. Однако при этом нельзя забывать о несравненно более важном – *поиске доверия и признания со стороны всех жителей Северного Кавказа*. Кремль лишь тогда заслужит полную лояльность со стороны кавказцев всех национальностей, когда остановит воровство, коррупцию, оживит экономику, создаст рабочие места и т.п., т.е. тогда, когда начнет решительно и эффективно наводить в стране порядок. Поэтому состоявшееся переселение косовских адыгейцев на территорию республики мало что меняет в массовом политическом сознании жителей Адыгеи. Большинство и адыгейцев, и русских, и людей других национальностей продолжает ностальгировать по Сталину,

социализму, дешевым продуктам и вовремя выплачиваемым зарплатам и пенсиям.

2. Прецедент состоявшегося массового переселения этнических адыгейцев, граждан Югославии, в Адыгею, разрекламированный и «внедренный» в массовое сознание как «восстановление исторической справедливости», будет иметь своим следствием и то, что впредь возможный отказ иностранцам кавказского происхождения в переезде в Россию будет восприниматься этническими меньшинствами как «вопиющая несправедливость». В будущем это может привести дополнительную напряжённость в межэтнические отношения, а также в отношения республики и Центра. Об этом свидетельствует, в частности, опыт соседей Адыгеи – Краснодарского и Ставропольского краёв. Там массовое заселение армянами городов Кавказских Минеральных Вод, Черноморского побережья, Армавира, многих сел и станиц уже привело к обострению отношений между казаками и «мигрантами». В Краснодарском крае, по сообщениям СМИ, возникли также проблемы между казаками – с одной стороны, и курдами и турками – с другой.

Поскольку миграционная практика способна играть существенную роль в политических процессах и, в частности, привносить в них напряжённость, она требует несколько более подробного рассмотрения и обращения к международному опыту. Можно выделить два основных типа политики по приему иммигрантов.

Первый из них базируется на принципе «крови». В этом случае страна практически беспрепятственно принимает тех иммигрантов, этничность которых совпадает с этничностью основной массы жителей (граждан) страны. Принцип «крови» используется в очень небольшом количестве стран. В их числе нам известны лишь Германия, Греция, Израиль и Финляндия. Каждый этнический немец, грек, еврей и финн, независимо от страны проживания, без особых помех имеет право переехать на постоянное место жительства на «историко-ческую родину».

Второй тип иммиграционной политики может быть обозначен как *«рационально-бюрократический».* В этом случае принимающие иммигрантов страны исходят из рациональных оценок каждого потенциального иммигранта, а также оценок возможностей и различных обстоятельств принимающей страны. В расчёт принимаются многие показатели: потребности принимающей страны в тех или иных специалистах, ожидаемые дополнительные нагрузки на рынок труда и образования, социальную сферу, выясняются имеющееся образование у потенциальных иммигрантов и наличие или

отсутствие у них судимостей, степень знания государственного языка принимающей страны, наличие каких-то первичных сумм денег, необходимых для инкорпорации в условия принимающей страны и т.п. Исходя из этого, принимается решение в предоставлении права на место жительства или в отказе на таковое. Разумеется, законодательство и практика в этой сфере различных стран серьезно отличаются друг от друга. Однако даже такие богатые страны как США, Канада, Австралия и др. предпочитают скрупулезно, рационально следовать государственным интересам, включать тонкие механизмы приёма иммигрантов.

В Адыгее же, по сути дела, был апробирован не «рациональный», а «кровный» принцип приёма иностранцев, используемый, как уже было сказано, немногими странами. В настоящий момент Федеральной миграционной службой зарегистрировано 167 репатриантов из Косово (по данным ФСБ – 170 чел.)

Итак, на фоне пышных празднеств по поводу «восстановления исторической справедливости», так и не вспомнили о более чем полумиллионе беженцев из Чечни, которые, также как и косовские адыгейцы, на себе испытали все тяготы и жестокость гражданской войны, о продолжающемся унижении и физическом истреблении тысяч русских, все ещё остающихся в Грозном (большей частью, бессильных стариков), о ситуации в казачьих станицах независимой Ичкерии, миллионах бедствующих изгнанниках из Киргизии, Таджикистана, Казахстана и т.д. Понятно, что у этой категории «репатриантов» возникают вполне справедливые обиды, и им сочувствуют многие русские люди.

Вполне можно допустить, что активная политика адыгейских элит в сфере «репатриации» (переселения адыгейцев со всего Света в Адыгею) преследует **вполне прагматичные политические цели: изменить существующую структуру населения в пользу этнических адыгейцев (увеличить их долю в составе населения) и, тем самым, упрочить свое политическое и экономическое господство.** Косовские переселенцы – всего лишь «пробный шар». Параллельно решается и другая чисто идеологическая задача – легитимировать и закрепить в массовом сознании «вину России» перед адыгами (черкесами). Для этого уже многое сделано. В общих чертах построена фальсифицированная и эмоционально насыщенная версия истории Кавказской войны 1817-1864 гг. Есть республиканский праздник День репатрианта (1 августа), существует Закон РА «О репатриантах», разработаны, утверждены и уже вручаются

официальные удостоверения репатрианта и т.п. Образован Фонд репатриации, который активно аккумулирует средства. В частности, проводится кампания по сбору подписей для ежемесячного добровольного пожертвования одного процента от зарплаты в данный Фонд³¹.

Таким образом, пропагандистская шумиха вокруг проблемы «репатриантов» (которых, кстати говоря, де-юре и быть не может, поскольку из Адыгеи никого не депортировали) закончилась образованием многочисленных «маркеров», *маркирующих в массовом сознании «вину России»*. При этом как бы забывается, что еще задолго до Кавказской войны черкесы официально просили у Ивана Грозного российского покровительства для защиты от Крыма и Турции. Да и сама Кавказская война вовлекла в свою орбиту лишь часть горцев, а *адыгейская элита тех времен почти полностью находилась на русской военной службе*.

Пропагандистская атака адыгейских элит на историю взаимоотношений России и Северного Кавказа не ограничивается сложной конструкцией «проблемы репатриации».

Итак, рассматривая проблему репатриации и её возможные последствия, на наш взгляд следует привести результаты опроса молодёжи в Республике Адыгея, который проводился в рамках исследовательской программы «Молодёжь в полиэтничных регионах: взгляды, позиции, ориентации». В процессе мониторинга проводилось изучение процесса формирования культуры межнационального общения, отношений молодых жителей РА (русских и адыгейцев) к представителям других национальностей (на основе повседневного опыта, сложившихся национальных стереотипов, системы воспитания и образования), выявление установок на этнотолерантность и законопослушание, изучение конфликтного потенциала и предрасположенности к девиантному поведению.

Выбор респондентов был не случаен. Продолжающаяся нестабильность в сфере межнациональных отношений во многих регионах России обусловила необходимость создания системы

³¹ Для приёма репатриантов также активно используются и бюджетные средства: по Постановлению № 283 от 28 августа 1998 г. в бюджете была выделена статья для финансирования питания приезжающих, обучения их языку и др. Были выделены средства для покупки здания под Центр адаптации репатриантов, на что было израсходовано 3 млн рублей, и выделялись субсидии из расчета 12 руб. на человека на ежедневное питание репатриантов. По данным президента славянского фонда Коноваловой на помощь репатриантам из Косово выделяется 600 тыс. рублей из федерального бюджета.

обеспечения безопасности и предупреждения и разрешения межнациональных конфликтов, изучение и выявление конфликтного потенциала, т.е. причин и условий, вызывающих конфликт, а также социальных и политических сил, в нём участвующих. В связи с тем, что активным и самым массовым участником межнациональных конфликтов обычно выступает молодёжь, которой удобно манипулировать из-за её недостаточного социального опыта, относительно легкой внушаемости, излишне эмоциональной оценки событий и реакции на них, в качестве респондентов были выбрана учащаяся молодёжь Республики Адыгея.³²

В процессе опроса респондентами давались характеристики различным процессам и явлениям, что позволило проследить качественные изменения ценностных критериев, эволюцию традиционных трактовок понятий, в частности, таких как «интернационализм» и «национализм». Отвечая на вопросы по характеристике понятия «интернационализм», старше школьники 9-11 классов согласились со следующими определениями, в частности, с традиционной трактовкой «интернационализма» как «дружба, взаимопомощь и взаимосвязь народов и наций»:

– да, такой интернационализм в нашей стране реально существует – 16% по массиву в целом (из них 11% – русские, 24% – адыгейцы);

– имеются лишь отдельные его проявления – 65% по массиву в целом (из них 83% – русские, 37% – адыгейцы);

– нет, это пропагандистский миф и в реальной жизни такой интернационализм отсутствует – 4% по массиву в целом (из них 6% – русские, 3% – адыгейцы).

При анкетировании 36% респондентов в Майкопе дали отрицательную, 54% – положительную и лишь 7% – смешанную характеристику национализма.

Они согласились со следующими определениями:

1 – национализм всегда означает возвышение одного народа за счет других и им в ущерб – 43% по массиву в целом (из них 39% – русские, 49% – адыгейцы);

2 – национализм – это проявление очень сильной любви к Родине, своей истории, культуре – 35% по массиву в целом (из них 35% – русские, 33% – адыгейцы);

³² Выборка квотная (пол, возраст, национальность), пропорциональная. Среди опрошенных в Майкопе русские составили 56%, адыгейцы – 38%, украинцы – 1%, греки – 1%, не назвавшие свою национальность – 4%.

3 – национализм – это всегда антидемократизм, выражение интересов реакционных сил общества – 6% по массиву в целом (из них 7% – русские, 3% – адыгейцы);

4 – национализм – единственная основа для объединения нации, предотвращения ее раскола – 22 по массиву в целом.

Эти ответы можно сгруппировать следующим образом:

1 и 3 – отрицательное восприятие – 36 % по массиву в целом (из них 46% – русские, 43% – адыгейцы);

2 и 4 – положительное восприятие – 54% по массиву в целом (из них 54 – русские и адыгейцы);

смешанное – 7% по массиву в целом;

не ответили – 3% по массиву в целом.

Проведенный мониторинг включал исследование процесса формирования культуры межнационального общения с целью выявления конфликтного потенциала учащейся молодежи и уровня этнотолерантности. Так на вопрос: «Имеет ли для них значение национальность при выборе друзей?» ответили:

– отрицательно 67 % по массиву в целом (из них 59% – русские, 82% – адыгейцы);

– положительно – 21 % по массиву в целом (из них 30% – русские, 6% – адыгейцы).

Показателен в этой связи ответ на вопрос: «Есть ли национальности, к которым Вы испытываете неприязнь?» Ответы учащихся показаны ниже:

– да - 21% по массиву в целом (из них 26% – русские, 12% – адыгейцы,

– нет – 49% по массиву в целом (из них 49 – русские и адыгейцы),

– затрудняюсь ответить – 19% по массиву в целом (из них 9% – русские и 39% адыгейцы).

Среди причин, вызвавших неприязнь, назывались:

по 7% – внутренняя неприязнь на основе неприятного личного опыта;

по 3% – страх (я их боюсь), не уважение к чужой вере и традициям, невоспитанность.

Социологическое исследование также проводилось с целью выяснения, возрастает или падает статус представителей своей национальности, имеется ли проявление прямой или косвенной дискриминации по национальному признаку.

Старшеклассникам предлагалось ответить, влияет ли национальность человека на его дальнейшую судьбу (поступление в

вуз, продвижение по работе, службе, участие в политических и общественных организациях, т.е. на его социальную мобильность). Общий итог подводился вопросом: «Считаете ли Вы, что представители Вашей национальности обладают реально равными правами по сравнению с представителями других национальностей?» В целом, этот комплекс вопросов должен был выяснить, имеет ли место дискриминация по национальному признаку или чувство национального превосходства, перерастающее в национальное чванство, и, если они имеют место, то как проявляется их влияние на национальное сознание учащихся.

Итак, большинство старшеклассников отрицают в своих ответах наличие дискриминации по национальному признаку и считают, что их нация обладает реально равными правами по сравнению с представителями других наций. Они ответили следующим образом на данный вопрос:

- да, представители их национальности обладают реально равными правами по сравнению с представителями других национальностей – 76% по массиву в целом (из них 68% – русские и 88% адыгейцы);
- нет – 12% по массиву в целом (из них 15% – русские и 6% адыгейцы);
- затруднились ответить – 9 % по массиву в целом (из них 15% – русские и 3% адыгейцы);
- не ответили – 1% по массиву в целом (из них 3% – адыгейцы).

Однако характеристика степени влияния национальной принадлежности на состояние социальной мобильности (изменение образовательного уровня, профессиональное продвижение, выполнение гражданских функций), данная учащимися и представленная ниже, показывает высокую степень зависимости социальной мобильности от национальной принадлежности. Особенно ярко это отразилось в ответах русских школьников. К примеру, были получены ответы на вопрос:

«Как Вы считаете, влияет ли в реальной жизни национальность человека?»

- **на его успешное поступление в вуз?**
- да – 42% по массиву в целом (из них 49% – русские и 30% адыгейцы);
- нет – 38 % по массиву в целом (из них 32% – русские и 49% адыгейцы);
- затрудняюсь ответить – 18 % по массиву в целом (из них 16% – русские и 21% адыгейцы).

- **на его успешное продвижение по работе, службе?**
- да – 49 % по массиву в целом (из них 62% – русские и 40% адыгейцы);
- нет – 31% по массиву в целом (из них 17% – русские и 36% адыгейцы);
- **на его политическую и общественную деятельность?**
- да – 47% по массиву в целом (из них 51% – русские и 40% адыгейцы);
- нет – 33% по массиву в целом (из них 30% – русские и 36% адыгейцы).

Другой тревожный момент выявлен при анализе конфликтного потенциала учащихся. Так, о возможном участии в межнациональном конфликте на стороне своей национальности школьники ответили следующим образом:

- да, безусловно – 22% по массиву в целом (из них 17% – русские и 30% адыгейцы);
- это зависит от обстоятельств – 63% по массиву в целом (из них 60% – русские и 67% адыгейцы);
- ни в коем случае – 8% по массиву в целом (из них 11% – русские и 3% адыгейцы);
- затрудняюсь ответить – 5% по массиву в целом (из них 8% – русские).

Возможность использования силы при решении межнациональных проблем учащиеся прокомментировали следующим образом:

- в нынешних условиях межнациональные проблемы нужно решать только с применением силы – 4% по массиву в целом (из них 4% – русские и 3% адыгейцы);
- сила необходима только тогда, когда под угрозой оказываются жизнь и достоинство людей – 50% по массиву в целом (из них 60% – русские и 33% адыгейцы);
- силовое решение национальных проблем в принципе недопустимо – 43% по массиву в целом (из них 30% – русские и 64% - адыгейцы).

Таким образом, мы видим, что учащаяся молодёжь в Республике Адыгея обладает достаточно высоким конфликтным потенциалом, который может быть реализован или не реализован в зависимости от определенных обстоятельств и влияния на неё.

Возвращаясь к этнополитической ситуации в Республике Адыгея в целом представляется, что конструктивный выход из «адыгейского тупика» возможен лишь на базе тщательнейшего,

глубинного анализа происходящего в республике (для этого нужны независимые и защищенные от возможной давления со стороны этнократии аналитики) и ювелирная работа по превращению «политического монстра» в полноценный многонациональный субъект федерации, в котором этнические меньшинства защищены от диктата большинства, с одной стороны, а большинство защищено от «титального» национализма – с другой. Федеральной власти необходимо искать опору в северокавказских республиках в лице здравомыслящих, конструктивных, патриотически мыслящих сил. В противном случае она всегда будет идти на поводу у этнократических элит.

Конфликтность ситуации выражается в следующем: в Адыгее уже также сформирована система факторов, выталкивающих неадыгейцев из республики. Однако в настоящее время массовый выезд из республики неадыгейцев невозможен – на новом месте их никто не ждет, трудно найти работу и наладить быт. Как только ситуация на рынке труда улучшится, появится перспектива обрести жилье, можно ожидать исхода славян из Адыгеи.

Политическая жизнь республики, разумеется, не исчерпывается вышесказанным. Действуют и другие мощные потоки, придающие иные конфигурации политическому «лицу» Адыгеи. Многие жители, как адыгейцы, так и неадыгейцы вполне осознают искусственность, (виртуальность) «суверенного государства» Адыгеи. Поэтому они готовы обменять всю суверенность с ее флагами и гербами на какую-то иную, более и менее нормальную жизнь. А поскольку отсутствуют представления о нормальной жизни, и о привнесении этих представлений в массовое сознание никто не позаботился, то остается только сравнивать «как было раньше» (при социализме) и как стало при демократах. И большинство жителей Адыгеи всех национальностей выбирают социализм. Это означает, что при всем пафосе этноэлит относительно осуществления «вековой мечты адыгейского народа – создания собственного государства» сами адыгейцы большей частью хотят вернуть свою зависимость от Москвы, хотят вернуть унитарное государство, хотят какого-то порядка и ясности относительно того, что будет завтра. Если говорить, в общем – ***все хотят сильной и «чистой» политики.***

О девальвации «вековой мечты – создания собственного государства» в адыгейском этническом сознании говорит не только то, что на всех выборах адыгейцы предпочитают голосовать за коммунистов, но и то, что некоторые адыгейцы стали поговаривать о том, что неплохо было бы присоединиться к Краснодарскому краю.

Так, например, внутриадыгейское субэтническое образование – шапсуги – приживающие в четырёх аулах Афипсипского сельского округа, конфликтовавшие с этнократией, представленной в основном нешапсугами из-за снятия с должности шапсуга-врача, стали поговаривать о желательности присоединения к Краснодарскому краю почти открыто.

Девальвация «вековой мечты» сопровождается усилением коммунистического влияния. Таким образом, в Адыгее действуют и иногда странно переплетаются *два мощных политических потока* – 1) межэтническое противостояние на уровне элит с вовлечением части этнических общин; 2) противостояние коммунизированного («красного») большинства населения и «демократов» Центра. В зависимости от различных обстоятельств, происходит усиление того или иного потока.

На периферии политического спектра республики находятся разного рода маргинальные партии, и также «чистые» либералы в лице местного ЯБЛока.

В августе прошлого года состоялась учредительная конференция еще одной «маргинальной партии» с непонятными для большинства жителей Адыгеи задачами и целями – была образована республиканская организация Общероссийского политического общественного движения «Союз народовластия и труда». Был принят устав, рассмотрено заявление движения, избраны руководящие органы. Председателем республиканского Совета избран генерал-майор запаса К. Черепанов. До этого К. Черепанов входил в местный совет ДПА (движение Л. Рохлина; теперь – В. Илюхина). Как сказал К. Черепанов в интервью газете «Советская Адыгея»: «В республике приняли решение присоединиться к нашему движению Совет ветеранов войны и труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов, Совет ветеранов Российского флота, Союз ветеранов Вооруженных Сил, татарское общество «Дуслык», молодежные организации». В настоящий момент партия ведёт активную работу среди части населения.

Итак, современный политический процесс в Адыгее может быть охарактеризован как консервация элитарной этнократии, сопровождающаяся накоплением межэтнических и политических противоречий надэтнического характера.

Наиболее влиятельными силами являются КПРФ, «Союз славян Адыгеи», «Адыге-Хасэ» и «САДА» (пользующиеся влиянием среди адыгейцев).

В республике организация КПРФ ведёт массовую агитационно-пропагандистскую работу. Есть свой печатный орган – «Адыгейская правда». Тираж – 3 тыс. экз. Источники финансирования – партийные взносы и частные пожертвования. **Наиболее вероятной на выборах 1999 и 2000 гг. представляется победа кандидатов от КПРФ.** Большим влиянием пользуется «Союз славян» и близкое к этой организации казачество.

Постараемся дать характеристику отдельным политическим партиям и организациям Республики Адыгея:

«Адыге-Хасэ», «САДА» (объединяет добровольно воевавших на стороне абхазов жителей Адыгеи в абхазо-грузинском конфликте), включают часть этнических адыгейцев, пользуются влиянием у властных структур, оказывая согласованную поддержку тем или иным кандидатам в ГД и в Президенты. У них имеются крепкие межреспубликанские связи, в т.ч. в рамках Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи. Издают газеты – «Туазе», «Хабзе». Способны оказать серьезное влияние на подавляющую часть этнических адыгейцев (20% избирателей).

«**Партия власти**», т.е. властвующая элита. Контролируется этническими адыгейцами. Тесно связана с губернатором Краснодарского края, Кондратенко. Вероятно, будет ориентироваться на предстоящих выборах на свои групповые интересы. Контролирует все республиканские СМИ, ангажировала республиканскую ЦИК. Несмотря на наличие больших политических ресурсов вряд ли способна изменить «стихийный» ход предстоящих выборов. Практика участия партии власти в предыдущих выборах федерального уровня показала низкий интеллектуальный уровень, абсолютную неготовность реализации тех или иных избирательных технологий.

ЛДПР ведёт активную вербовку новых членов, проводит разные мероприятия. Однако большим влиянием не пользуется.

Таким образом, на сегодняшний день в Адыгее самые лучшие электоральные перспективы у коммунистов. Симпатий к коммунистам не скрывает спикер республиканского парламента Е. Садов, который год назад публично поддержал, вернее, пожелал видеть Президентом РФ Г. Селезнёва. В информационно-пропагандистских целях у левых задействованы другие факторы.

Принудительные меры – практически вся государственная машина Адыгеи, которой явно или скрыто может быть поставлена задача усиления и ужесточения борьбы с «так называемыми демократами».

Демографические факторы – пенсионеры, ветераны (почти треть), оказавшиеся в результате реформ в бедственном положении и ностальгирующие по коммунизму.

Культурно-исторические - близость адыгейцев к традиционной культуре, вовлеченность большей части населения в аграрное производство законсервировала общинно-коллективистские и уравнилельные тенденции в политической культуре, хорошо сочетающиеся в наше время с политической риторикой левых (особенно КПРФ и АПР). Для этнических адыгейцев коммунизм дорог еще и тем, что именно он «дал государственность» адыгейцам. Память об этом жива.

Следует помнить, что Республика Адыгея – регион, который входит в т.н. «красный пояс» России. На предыдущих президентских выборах большинство избирателей республики также проголосовало за коммуниста Г. Зюганова. Таким образом, самые высокие шансы на победу на предстоящих в 1999 г. выборах в ГД имеют левые (в республике это, прежде всего, КПРФ и НПСР).

Поскольку правящая элита республики – это большей частью выходцы из партийно-советской номенклатуры, а её главным политическим оппонентом является Союз славян (а не коммунисты), то вероятно, что «партия власти» поддержит скорее безопасных для неё кандидатов-коммунистов.

Анализ политического процесса позволяет сделать следующие **основные выводы:**

1. Наиболее предпочтительные шансы для победы на выборах в Государственную Думу (ГД) в 1999 г. сохраняют потенциальные кандидаты от левых (НПСР, КПРФ, АПР).

2. В связи с консервацией практики «титульного национализма», т.е. оттеснением неадыгейцев на периферию общественной жизни, ограничениями их избирательных прав и др. возможен переток части голосов от левых и т.н. демократов к умеренным националистам (КРО) и, в меньшей степени, к радикальным националистам (ЛДПР и др.). Вероятность победы кандидата от «антиэтнократических», «прославянских» сил, на наш взгляд, достаточно высока, хотя и не так, как у левых.

3. Правящая элита республики заинтересована в продвижении на местном политическом рынке своих, лояльных к ней кандидатов в ГД. Учитывая её советско-коммунистическое прошлое, можно предположить, что элита поддержит (явно или неявно) «проверенных» по совместной коммунистической работе близких к ним кандидатов от левых. Впрочем, последние могут быть закамуфлированы под «независимых» либо выступать в каком-либо ином качестве.

На предстоящих выборах 2000 г. правящая элита Адыгеи способна, на наш взгляд, сблокироваться с лидерами КБР, КЧР, Ставропольского и Краснодарского краев и явно или неявно «работать» на единую согласованную кандидатуру в Президенты РФ. Это может сопровождаться изъявлениями формальной лояльности Центру и его кандидату в Президенты РФ.

4. Новация последнего времени – образование регионального отделения движения Ю.М. Лужкова «Отечество» и утверждение в качестве её руководителя близкого к региональной элите человека – Р.Д. Хунагова (адыгеец, ректор АГУ, в недавнем прошлом занимал пост управделами Президента РА и Правительства РА, ближайший сподвижник А. Джаримова) свидетельствует об интересе правящей элиты республики к Лужкову и его политической организации. Московский мэр бывал ранее в Адыгее и, надо полагать, лично знаком с Джаримовым и Хунаговым. Степень популярности «Отечества» и Лужкова пока оценить трудно. На наш взгляд, она вряд ли способна подняться до уровня 7-10%.

5. Своеобразным «таинственным пятном» на политической карте Адыгеи являются военнослужащие (здесь есть мотострелковая бригада, штурмовавшая в свое время Грозный, а также другие подразделения). За кого и как они проголосуют не ясно.

6. Региональная власть и многие подразделения федеральной власти, имеющиеся в республике, укомплектованы часто кадрами, имеющими предельно слабые представления о современных политических технологиях, парализованными сложностями местных межэтнических отношений, а также лишенными позитивной государственной воли и ответственности перед будущим. Это во многом предопределяет стихийный, неуправляемый характер предстоящих выборов. Оптимизация ожидаемых избирательных процессов из Центра может быть затруднена и тем, что ***в настоящее время президент Адыгеи, его окружение публично высказывают неудовольствие тем, что в республике «слишком много» подразделений федеральной власти.***

7. Информационное поле республики контролируется этнократией, близкой к президенту Джаримову. Подчинение местного радио и ТВ федеральной РТР ничего не изменило. Более того, нарастило пропагандистский потенциал региональной партии власти. Оппозиционные газеты, а также адыгейские этнические газеты националистического свойства выходят небольшими тиражами (1-2 тыс. экз.) и решающего влияния на массовое сознание не оказывают.

Таким образом, ***на сегодняшний день в республике нет политических сил, способных противостоять на предстоящих***

выборах 1999 и 2000 гг. левому протестному большинству.
Представляется, что ситуацию можно оптимизировать путем резкого увеличения внимания Центра к предвыборной ситуации в Адыгее и проведения соответствующего комплекса необходимых мероприятий.

История Каспийского моря и его разграничения

Глава V в монографии «Каспий – море проблем». М.: Academia, 2003.

1. С древнейших времен до распада СССР

Проблема разграничения Каспийского моря, установления правового статуса и режима – одна из самых актуальных и сложных в БКМ. Здесь уместно привести рассуждения А.Л. Колодкина,

президента Российской ассоциации международного права, высказанные им на Международной конференции «Каспий: правовые проблемы» в феврале 2002 г.: «Правовой статус и правовой режим – это разные категории. Если *статус* пространств отвечает на вопрос принадлежности последнего к государству (например, территориальное море) или, наоборот, неподчинения ни суверенитету, ни юрисдикции какого-либо государства (например, открытое море), то понятие «правовой режим» непосредственно связан с совокупностью прав и обязанностей государств по использованию данного морского пространства».

Мы не будем особенно глубоко вдаваться в древнейшую историю, так как истории освоения Каспия с древнейших времен, исторической топонимике и этимологии географических названий посвящено достаточное количество научных трудов, начиная с древних греков: Анаксимандра, Гегатея Милетского, Геродота, Аристотеля, Эратосфена и других, характеризовавших его как замкнутый бассейн, Страбона, до арабских, персидских, европейских учёных и путешественников. Об этом подробно написано не только в исторических трудах вышеперечисленных авторов, но и в развёрнутом анализе, сделанном нашими современниками: К.К. Гюль «Из истории географических исследований Каспийского моря», переводе с арабского З.М. Буниятовой и Н.М. Велихановой «Каспийское море в арабских источниках», работах Р. Мамедова «Международно-правовая делимитация Каспийского моря» и «Эволюция и слагаемые международно-правового статуса Каспийского моря», иранского учёного Мохаммада Резы Дьялили «Mer Caspienne: perspectives iraniennes», россиян И.С. Зонна «Триста лет на Каспии», Л.С. Рубан «Каспий – море проблем», Е.Г. Катаевой и Л.С. Рубан «Каспий – море возможностей» и др.

В древний период природные богатства Каспия, как биологические, так и минеральные, ещё не были открыты, поэтому важность Каспийского моря заключалась в его стратегической значимости. Его водная гладь как разделяла, так и соединяла Восток и Запад, по нему и вокруг него пролегли знаменитые торговые пути из Европы в Среднюю Азию, в Персию, Индию и далее на Восток, в т.ч. «Великий шёлковый путь». По Каспийскому морю спасались от врагов, или, наоборот, отправлялись в походы. Волна за волной приходили разные народы на берега Каспия, и с их сменой менялось его название: Бакинское, Гирканское, Абескунское, Хазарское, Хвалынское, Хорезмское, Джурджанское, Табаристанское, Мазандаранское, Северное, Дербентское, Арабское и др.

В последней трети восьмого века (760-761 гг.) юг Каспия был завоеван Аббасидами и до первой четверти XVII в. (1722 г.) здесь установилось персидское господство. Однако проверки его на прочность продолжались с завидным постоянством: так, первое упоминание о появлении руссов на Каспийском море в 880 г. связано с их удачным штурмом и взятием острова Абескун. В 909 г. такой поход опять был удачно повторен. До начала татаро-монгольских завоеваний Руси состоялось два крупных похода русских на Каспий: «наиболее известный состоялся в 913 г. под предводительством великого князя Игоря и 50 тысяч его дружинников на 500 судах, другой – в 1175 г. на 72 судах был совершен в окрестные с Каспием районы». Спустя три века, в середине XVI столетия, после объединения некоторых русских княжеств вокруг Московского государства, русские вновь стали стремиться к утверждению своего господства в бассейнах Волги и Каспия^{iv}, а с приходом к власти в России династии Романовых и постепенной централизации власти на Московском престоле интерес к Каспию и прилегающим к нему землям стал возрастать».

Следует отметить, что дипломатические отношения между Персией и Россией имеют значительную историю. Одной из первых стран, с кем установила дипломатические отношения Россия после создания Посольского Приказа в 1586-1594 гг., была Персия. Это способствовало развитию торговли между соседними странами. В 1634 г. посольская миссия Олеария прибыла в Москву, и ему было выдано разрешение на торговлю с Персией на 3 года, а в 1667 г. произошло заключение трактата с Персией о торговле с помощью специальной торговой компании армянских купцов.

Однако в развитии отношений между Россией и Персией не всё было гладко, а прикаспийские (прибрежные) земли часто переходили от одной страны к другой и обратно, причём этот процесс носил циклический характер. Весной 1668 г. Степан Разин предпринял поход на Персию (1668-1669гг.) и с несколькими сотнями казаков объявился у южного побережья Каспия, где разбил высланный персидским шахом флот из 70 кораблей. Шах жаловался на казацкие грабежи в Москву, откуда отвечали, что казаки Разина – «воровские» и царь московский их в Персию не посылал.

XVIII век кардинально изменил расстановку сил на Каспии и привёл к утверждению здесь России. Так, в 1722-1723 гг. Россия провела ещё одну удачную военную кампанию, так называемый Каспийский, или Персидский, поход Петра I. В итоге к Российской империи по Санкт-Петербургскому договору 1723 г. отошли прикаспийские провинции Персии (Ирана) с городами Дербент, Решт и Астрабад. По приказу Петра I, в Астрахани был заложен порт и начато

строительство российского флота, а Персия, наоборот, потеряла право судоходства на Каспийском море. Однако после смерти Петра I малолетним Петром II был заключён 13 февраля 1729 года новый Рештский трактат с персами, по которому часть завоеванных у них провинций была им возвращена. Так в пункте 2 сказано: «Его Императорское Величество Всероссийское от своей высокоя державы из поморских провинций Астрабадскую, Мизандронскую для древнейшей дружбы Российской Империи с Персией к Персии оставлять соизволит... (но с оговоркой – примечание автора) ...дабы оны провинции ни в какие другие державы, ни под каким образом отданы бы не были, а ежели же сие предложение пренебрежено изъяснитца, то помянутые провинции паки со всеми их принадлежностями вечно да не отлучены будут от Империи Российской, и учинённые трактаты да разрушатся.

По торговым отношениям в трактате было зафиксировано следующее положение: «К ползе обоих сторон комерции свободно и беспомешательно между обоими сторонами и ко оным принадлежащими землями подданными и жителми на земли и водою учреждены, с платежом обыкновенных пошлин... Российские подданные во всём Государстве, и землях Персицкие области ползы в своём купечестве получать... и через Персицкое Государство в Индею и в протчие Государства и земли с купечеством и караванами свободные и безопасные переезды да имеют. Равным образом и Персицкаго обстоятельства подданные в Российской стороне куда с купечеством желание востребовано будет, жительство, свободный торг и переезд имеют же».

Возврат персам завоёванных земель скоро стал традицией. Так, в 1735 г. Анна Иоанновна решила передать Персии её Прикаспийские провинции, завоёванные Петром I в Персидском походе 1722-1723 гг. Говорилось, что эти провинции не приносят никакого дохода, а содержание там армии и крепостей отягощает казну. Документально это выглядело следующим образом в Рештском трактате 1732 года: «Ея Императорское Величество, показуя к Его Шахову Величеству безприкладной знак Своея высокоя приязни, уступает ... по праву оружия, за понесённые воинския многия иждивения, ... на толь многия миллионы, на воинские иждивения употребленных своих денег и на урон войск своих, от начала вступления в Персию понесенной; и обещает очистить и отдать от Его Шахова Величества с полною мочью... Провинцию Лагеджанскую с принадлежностями и весь Ранапук, по тух сторону Сепидруд реки, в месяц от заключения и разменения сего трактата считая, не ожидая ратификации. Гилянскую же и Астрабатскую и прочия от Астрабата даже по Куру реку

Провинции, ..., а доходы Провинций Кутума и Шефта в месяц, прочих же Провинций, по Куру реку, доходы по заключению сего трактата и по полученной Шахова Величества ратификации в три месяца, от людей Императорского Величества собираются и в казну Шахова Величества отданы быть имеют... О прочих же Провинциях и местах Персидских от реки Куры... и оных к Своему Государству присовокупить не соизволяет, но обещает их тако ж возвратить во владение Его Шахова Величества...». Так, одним росчерком пера Анна Иоановна отдала Персии российские интересы и завоеванные земли, политые кровью.

Относительно торговых отношений «Ея Императорского Величества позволяет во всех землях и местах области своей свободное и вольное отправление купечества впредь беспошлинно, как с привезённых в Персию из России, так и с покупных возвратно Персидских и других, тамо купленных и на смену полученных товаров... свободное купечество беспошлинно позволять, також ежели похотят подданные Российские через области и земли Шахова Величества для своего купечества в Индию или во иные страны ехать, и оных також сухим путём и морем свободной и беспошлинной проезд, с товары и деньгами их, позволять не претендуя с них и с их товаров никаких пошлин и иных податей на Его Шахова Величество...».

«4. Взаимно же и подданным Его Шахова Величества в Российское государство, и через оное в иные Государства для купечества ездящим, *обещается со стороны Ея Императорского Величества всякая повольность и вспоможение против прежних Государства Российского уставов и обыкновения, яко дружеским подданным надлежит...*

Достойна внимания точка зрения азербайджанского учёного проф. Рустама Мамедова, что «международно-правовой статус Каспийского моря начал складываться именно в тот период, когда начался процесс противостояния между Россией и Персией, а также – Россией и Великобританией за владение прикаспийскими землями, а заодно Каспием. Поскольку к началу XVIII века в этом регионе и бассейне утвердились Россия и Иран, а Великобритания лишь стремилась с помощью дипломатии получить доступ, следует признать, что фундамент под статус Каспия заложили Санкт-Петербургский (1723 г.) и Рештский (1732 г.) трактаты».

Рештский договор 1732 г. установил право собственности России на некоторых территориях, уступленных Персией, регламентировал свободу торговли и навигации по Каспийскому морю, а также по рекам Аракс и Курахив. Этот договор в отличие от договора

1723 г. предусматривал некоторые права для Персии (право судоходства), но тем самым он лишь усыпил бдительность Персии, ибо спустя чуть менее века после девятилетней войны, она снова потеряла контроль над значительной частью Южного Кавказа. Россия разрешила Персии и её торговым судам пользоваться правом плавать по Каспийскому морю и причаливать к его портам. Что касается военных кораблей, как во время войны, так и в мирное время, только российские суда могли плавать по Каспию. Другими словами, в соответствии с этим договором только военные суда Российской империи могли находиться в акватории Каспийского моря.

В XIX веке три могучие державы Россия, Турция и Персия (Иран) претендовали на владычество над Кавказом и Прикаспием. В 1801-1804 гг. Восточная Грузия вошла в состав Российской империи. Присоединение Грузии столкнуло Россию с Ираном и Турцией. В 1803 г. была завоевана Мегрелия, в 1804 г. – Имеретия, Гурия и Гянджа. В 1805 г. в ходе русско-иранской войны были завоеваны Карабах и Ширван. В 1806 г. добровольно в состав России вошла Осетия.

Русско-иранская война (1804-1813 гг.) закончилась подписанием Гюлистанского мира (12 октября 1813 г.), по которому Россия присоединила Дагестан и Северный Азербайджан, «Ханствы: Карабагское и Танжинское, обращённое ныне в провинцию под названием Елисаветпольской; так же Ханствы: Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Тальшевское с теми землями сего Ханства, кои ныне состоят во власти Российской Империи. При том весь Дагестан, Грузию с Шурагельскою провинциею, Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию, равным образом все владения и земли, находящиеся между постановленною ныне границею и Кавказскою линию, с прикосновенными к сей последней и к Каспийскому морю землями и народами».

По Гюлистанскому трактату (12 октября 1813 г.) давалось «право купеческим судам плавать по Каспийскому морю и персидским купеческим судам (по прежнему обычаю) и приставать к берегам российским». По военным судам указывалось, что только «российский военный флаг существовал на Каспийском море». И хотя в статье I Гюлистанского трактата значилось, что «вражда и несогласия, существовавшая доселе между Российской Империею и Персидским Государством, прекращаются от ныне впредь сим трактатом, и да будет вечный мир, дружба и доброе согласие между Его Императорским Величеством Самодержцем Всероссийским и Его Величеством Шахом Персидским, Их наследниками и преемниками Престолов, и обоюдными их Высокими Державами», в 1826-1828 гг. Россия опять была вынуждена воевать с Ираном. Туркманчайский

мирный договор от 10 февраля 1828 г. закрепил итоги войны 1826-1828 гг.: к России отошли Эриванское и Нахичеванское ханства, а Иран обещал не препятствовать переселению в русские земли армян, оказавших поддержку русской армии в годы войны.

По вопросу судоходства данным договором в статье VIII было установлено, что купеческие суда и российские и иранские могут плавать по всему Каспийскому морю: «Российския купеческия суда, по прежнему обычаю, имеют право плавать свободно по Каспийскому морю и вдоль берегов онаго, как равно и приставать к ним... Таким же образом предоставляется и Персидским купеческим судам право плавать на прежнем положении по Каспийскому морю и приставать к берегам Российским... Относительно же военных судов, как издревле одни военные суда под Российским военным флагом могли плавать на Каспийском море – исключительное право, ... кроме России, никакая другая Держава не может иметь на Каспийском море судов военных».

Таким образом, договор подтвердил свободное плавание в Каспийском море для русских и иранских торговых судов и исключительное право России иметь военный флот на Каспии. России были предоставлены и преимущества в торговле с Ираном, а Персия окончательно потеряла контроль над Каспием.

В ходе двух русско-персидских войн 1804-1813 гг. и 1826-1828 гг., северные границы Персии отодвинулись к реке Аракс, по которой они проходят и сегодня. Попытки Персии заручиться помощью вначале наполеоновской Франции, а позднее – Англии привели только к установлению зависимости страны от англичан.

9 декабря 1881 г. состоялось подписание в Тегеране русско-иранской конвенции о разграничении территорий к востоку от Каспия, но без определения границы в водах Каспия, в которой указывалось, что «границей между владениями Российской империи и Персии к востоку от Каспийского моря постановляется следующая черта, начиная от залива Гасан-Кули... границею служит течение реки Аракс».

К концу XIX века зависимость Персии от европейских держав усилилась. По англо-русскому соглашению, подписанному в августе 1907 г., Персия была поделена на русскую (северную) и английскую (южную) сферы влияния. Между ними была сохранена нейтральная зона, которую Петербург и Лондон договорились осваивать совместно. Население Персии бурно протестовало против вмешательства в дела своей страны, меджлис также выразил протест. В конце 1911 г. в Персию были введены русские и английские войска, быстро подавившие сопротивление племен. Русско-английская интервенция 1911 г. закрепила полуколониальное положение Персии.

Завершая описание досоветского периода взаимоотношений России и Персии, следует отметить, что российскими юристами и дипломатами с точки зрения международного права Каспийское море квалифицировалось как закрытое и находящееся под властью (юрисдикцией) России. Такова была неизменная точка зрения от Федора Мартенса до Л.А.Комаровского и В.А.Ульяницкого.

В марте 1918 г. правительство Советской России распорядилось вывести из страны русские войска, в результате чего Персия практически полностью оказалась под контролем Англии. В 20-е годы СССР отказался от привилегий и преимуществ, которыми пользовалась царская Россия в странах Востока. Были отменены неравноправные договоры с Персией, Китаем и другими странами. Договоры 1921–1927 гг. с Афганистаном, Ираном, Турцией, Монголией и Китаем стали первыми в истории равноправными договорами с одной из ведущих держав мира. 26 февраля 1921 г. был подписан советско-персидский договор, по которому аннулировались все долги Персии России. Россия объявила ранее заключённые между ними договоры не действительными. Оба государства обязались соблюдать границу по начертаниям Разграничительной Комиссии в 1881 г.

Россия отказывалась от пользования островами Ашур Ада и другими островами, расположенными у побережья Астрабадской провинции Персии, возвращая местечко Фирузе и окружающие его земли, уступленные Персией России по соглашению 28 мая 1893 г. Россия передала в полное владение Персии денежные суммы, ценности, актив и пассив Учетно-Ссудного Банка Персии, а также движимое и недвижимое имущество этого банка. Иран получил в свою собственность российские концессии и имущество:

а) шоссейные дороги Энзели-Тегеран и Казвин-Хамадан со всеми относящимися к этим дорогам землями, постройками и инвентарём;

б) железнодорожные линии Джульфа-Тавриз и Софьян-Урмийское озеро со всеми постройками, подвижным составом и другим имуществом;

в) пристани, товарные склады, пароходы, баржи и другие транспортные средства на Урмийском озере, со всем относящимся к ним имуществом;

г) телеграфные и телефонные линии со всем имуществом, зданиями и инвентарём;

д) порт Энзели с товарными складами, электрической станцией и другими постройками.

По условиям русско-иранского договора 1921 г. в Иране более не должны были находиться иностранные войска. Также утратил силу мирный трактат, заключённый в Туркманчае 10 февраля 1828 г. и его статья VIII, а, следовательно, Персия получала право иметь флот на Каспийском море. Было отменено монопольное право владения концессиями на рыбную ловлю в Каспийском море русских подданных. По ст. XIV договора 1921 г. Персия получила право эксплуатации данных промыслов, согласно дополнительных правовых документов.

По Соглашению об эксплуатации рыбных ресурсов южного побережья Каспийского моря от 1 октября 1927 г. персидское правительство передало России концессию на право лова и переработки рыбы на своих берегах и в устье рек Сефидруд, Баболь, Горган. Специально была учреждена сроком на 25 лет до 1953 г. смешанная советско-иранская торгово-промышленная (рыбопромышленная) компания «Иран-рыба» (по другим данным, «Шилат») по концессионной разработке биоресурсов южной части Каспия по разграничительной линии Астара-Гасан-Кули.

Однако, говоря о Договоре 1921 г., не следует ультимативно утверждать, что он «похоронил» все международные правовые документы, между Россией и Персией. Мы полностью согласны с коллективом авторов монографии «Море проблем» о необходимости точной и квалифицированной трактовки международных правовых документов. Если внимательно рассматривать конец статьи 1 названного договора, то в ней чётко указано: «Российское Советское правительство объявляет все трактаты, договоры, конвенции и соглашения, заключённые бывшим царским правительством с Персией и приводившие к умалению прав персидского народа, отменёнными и потерявшими всяческую силу».

Итак, в этой статье недвусмысленно сказано, что **именно российская сторона** (в одностороннем порядке), а не персидская или иная, **объявляет об утрате юридической силы** международных документов, причём не огульно всех, а только умалющих права персидского народа. То есть она (российская сторона) сама решает, какие договоры эти права нарушают. Логическим выводом из этого следует заключение, что те документы, которые, по мнению российской стороны, не наносят вреда персидскому народу, сохраняют юридическую силу.

Мы так подробно остановились на Договоре 26 февраля 1921 г. между РСФСР и Персией, так как наряду с Договором 25 мая 1940 г. между СССР и Ираном, данными правовыми документами

регулируется статус Каспийского моря в настоящий момент. В то же время следует отметить, что отношение сторон к названным договорам не всегда было однозначным, периодически руководство Ирана выступало за денонсацию базового договора 1921 г. Так было в 1959 г., когда планировалось подписание советско-иранского договора о дружбе и ненападении, однако иранская сторона 5 марта 1959 г. подписала двусторонне военное соглашение с США на 20 лет. Вопрос о денонсации Договора 1921 г. (особенно статей 5 и 6) снова был поднят после образования Исламской Республики Иран в 1979 г., хотя иранской стороне следовало бы помнить, что по международному праву при денонсации действующего договора до заключения нового, стороны возвращаются к ранее заключённому и действующему (в данном случае до 1921 г.) нормативному акту, что совсем не в интересах Ирана.

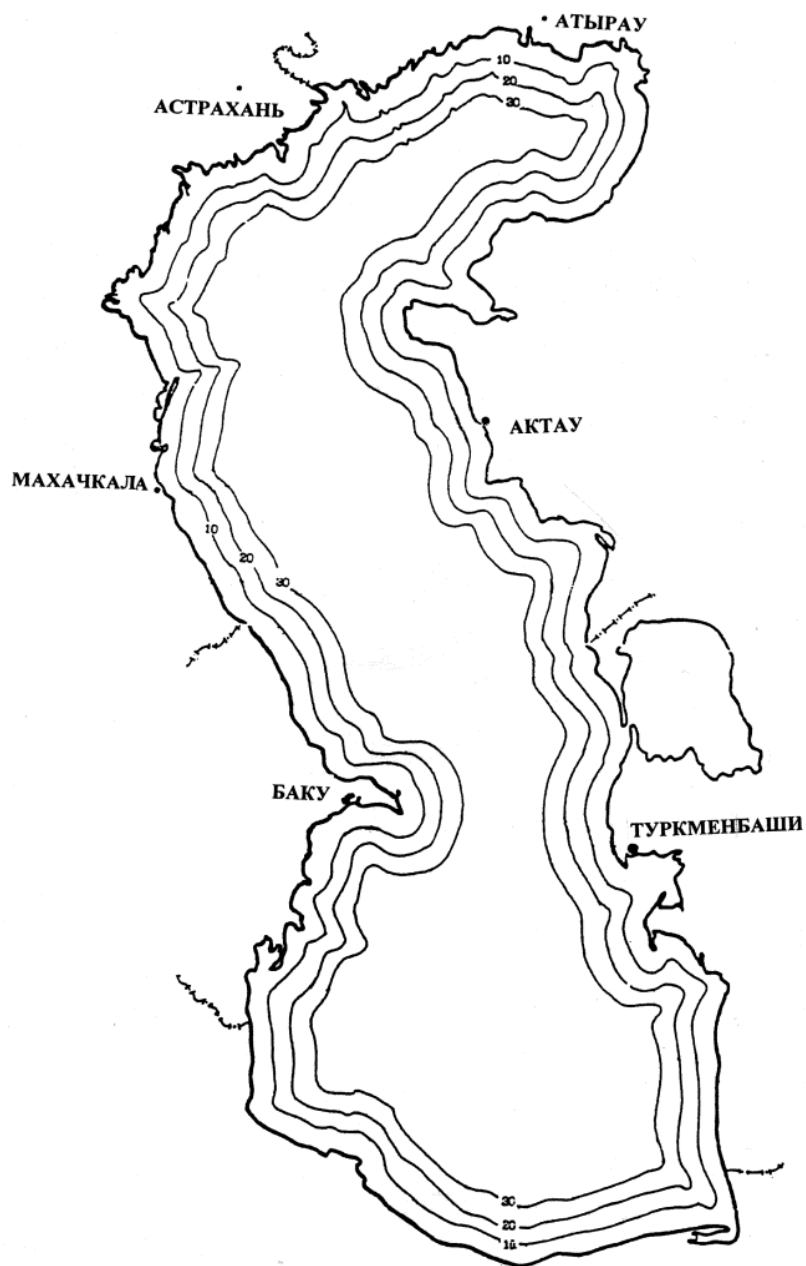
В настоящий момент, в первую очередь, следует выделить сложность разрешения проблемы делимитации из-за неопределённости географического и юридического статуса Каспийского моря. Так, современный правовой режим Каспия определяется положениями советско-иранских договоров 1921 и 1940 гг., по которым в море должно обеспечиваться свободное судоходство для судов под флагами прибрежных государств;

– национальный режим для судов других прикаспийских государств в своих портах и свободное рыболовство граждан прикаспийских государств по всей акватории, за исключением 10-мильной прибрежной полосы, где промысел по Договору 1940 г. резервируется за судами прибрежного государства;

– а Каспий рассматривается «как море советское и иранское», т.е. как объект совместного использования прибрежных государств.

В Договоре 1940 г. о торговле и мореплавании были развиты положения, в частности, ст. 16 Советско-Иранской конвенции о поселении, торговле и мореплавании 1931 г. и Договора 1935 г. об установлении торговли и судоходства между СССР и Ираном.

*Рис. 5.1. Схема «ЗОНЫ КАСПИЙСКОГО МОРЯ»
10-, 20- и 30-мильные зоны*

Говоря о суверенитете (принадлежности), следует отметить, что в отличие от предшествующего периода, когда Каспий трактовался как «море, принадлежащее России», по договорам 1921 и 1940 гг. и сопутствующим им юридическим документам (письмам, нотам, соглашениям и конвенциям), он уже рассматривается «как море

советское и иранское», тем самым, расширяя и право судоходства. Установление исключительной 10-мильной прибрежной полосы (национальной рыболовной зоны) определяло право собственности (см. схему 5.1. «Зоны Каспийского моря»).

Как верно было отмечено профессором Р. Мамедовым, «установление 10-мильной национальной рыболовной зоны вносило новое положение в статус Каспия, определённый предыдущими соглашениями. По существу, в договорном порядке были определены национальные и международные зоны на Каспии. *Это положение ставит под сомнение позицию тех, кто считает, советско-иранская договорная практика 30-40-х годов определила статус Каспия как кондоминиум, то есть как зону общего пользования.*

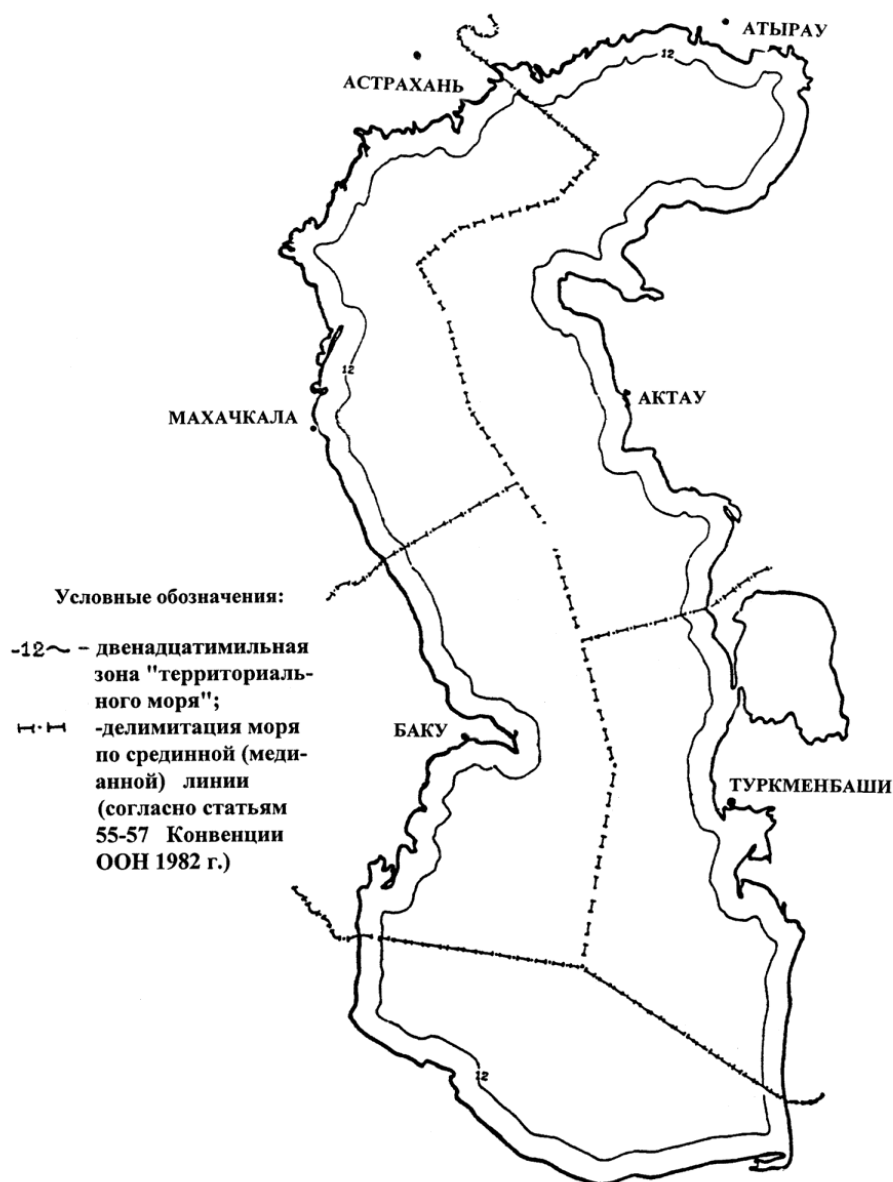
В настоящий момент неопределённость географического статуса Каспия обуславливает неопределённость его юридического статуса и ставит вопросы: «Какова должна быть делимитация Каспийского моря?» «По срединной (медианной) линии или иным способом?»

Женевская конвенция 1958 г. о континентальном шельфе использует термин «срединная линия» в случае разграничения между государствами с противоположащими берегами. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. использует метод «срединной линии» только для территориального моря, а при повышенной извилистости и неправильности берегов рекомендует обращаться к упрощённой «срединной линии» и возможному обмену на практике равноценных площадей вдоль срединной линии между сторонами.

Если рассматривать Каспий как замкнутое или полузамкнутое море, то, в соответствии с Конвенцией ООН (1982 г.) по морскому праву, каждое из прибрежных государств имеет 12-мильную зону «территориального моря», по которой проходит его граница, и вдобавок, по статьям 55-57 данной Конвенции, «исключительную экономическую зону», прилегающую к его границе на расстоянии 200 морских миль (см. схему 5.2), если она не накладывается на сопредельные «исключительные экономические зоны».

В случае пересечения территориальных морей происходит делимитация морей стран-участников и раздел по срединной (медианной) линии, равноудалённой от береговых линий прибрежных государств. По данному разграничению самые большие сектора получают Казахстан, Туркмения и Азербайджан. Причем по части X данной конвенции Волго-Донской и Волго-Балтийский каналы рассматриваются как международные водные пути и прибрежные государства (Азербайджан, Иран, Казахстан и Туркмения) имеют право на свободу транзита по ним.

Рис. 5.2. Схема «ЗОНЫ КАСПИЙСКОГО МОРЯ»
Двенадцатимильная зона и делимитация моря по срединной
(медианной) линии

Однако, как верно было отмечено на Международной конференции «Каспий: правовые проблемы» в 2002 г. заместителем Министра природных ресурсов РФ И.Ф. Глумовым: «Дело не в географических дефинициях: является Каспий морем или озером. В связи с масштабами самой акватории и огромными запасами нефти и газа, сравнимыми с многими морями в мире, использование

современных правовых норм и практики разграничения морских пространств является более чем оправданным и уместным.

**Рис. 5.3. Схема «ЗОНЫ (СЕКТОРЫ) КАСПИЙСКОГО МОРЯ, РАССМАТРИВАЕМОГО КАК ОЗЕРО»
Варианты делимитации Каспийского моря как озера**

Если же Каспий определяется как международное озеро (см. схему 5.3. «Зоны (секторы Каспийского моря рассматриваемого как озеро»)), то озера делятся между прибрежными государствами и линии раздела являются продолжением государственных границ или

раздел проходит по линиям, соединяющим центральную точку озера с точками выхода границ прибрежных государств на береговую линию.

История международного права по разграничению морских пространств характеризуется наличием двух конфликтующих тенденций:

– первая направлена на механическое применение практических методов и нашла своё отражение в методе срединной (равноудаленной) линии;

– вторая отрицает возможность любого автоматизма и настаивает на принципе справедливости, то есть цель диктует избираемый метод.

В 50-60-х гг. получил распространение «комбинированный метод» – то есть срединная линия с учётом «особых обстоятельств».

2. Проблема разграничения Каспийского моря в постсоветский период

После распада СССР на берегах Каспия образовались новые независимые государства. В настоящее время наряду с Россией и Ираном, выход к Каспию имеют Азербайджан, Казахстан и Туркменистан, но независимо от изменения состава прикаспийских государств перемен в правовом статусе Каспия не произошло. Новообразовавшиеся суверенные государства Азербайджан, Казахстан и Туркмения в качестве прибрежных государств выдвинули требования о закреплении за ними национальных участков Каспия и с 1992 г. начался переговорный процесс по делимитации Каспийского моря и разграничению суверенитетов прибрежных стран на нём. Основу данного процесса заложила Декларация 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате, по которой новые независимые государства обязывались признавать все договорные обязательства СССР.

Переговорный процесс шёл как на многосторонней основе, также использовалась практика двусторонних встреч. Результатом стало реальное осмысление собственных интересов и оформление конкретных позиций прикаспийских государств по вопросу раздела Каспия к концу XX в. Сложность возникшей проблемы была обусловлена тем, что регион БКМ является стратегически важным как с точки зрения ресурсов, так и с точки зрения путей их транспортировки. Если мы выстроим события в хронологическом порядке, то получим следующую логическую цепочку:

1) в феврале 1992 г. Иран на межправительственной конференции в Тегеране предложил заключить Договор о региональном сотрудничестве на Каспийском море и учредить

региональную организацию для регулирования всех вопросов освоения Каспия и его ресурсов на основе суверенного равенства и учёта прав и интересов всех прикаспийских государств. Этот призыв нашёл отражение в Коммюнике, принятом на тегеранской конференции.

2) Попытка конкретизации данного подхода была предпринята уже в сентябре-октябре 1992 г. на пятисторонней Тегеранской конференции прибрежных государств, а именно: стороны в совместном Коммюнике договорились об определении сфер совместных действий по комплексной программе решения проблем Каспийского моря и образовании специализированных комитетов, в том числе и по правовому статусу Каспия.

3) Следующая пятисторонняя встреча состоялась 14 октября 1993 г. в Астрахани, однако на ней не был достигнут межгосударственный компромисс по разделу акватории Каспийского моря.

В 1993 г. прикаспийские государства начали предпринимать односторонние попытки решения данной проблемы. Так, Туркменистан принял закон «О государственной границе», в соответствии с которым им было объявлено об установлении на Каспии своих внутренних вод, территориального моря и исключительной экономической зоны.

Обсуждение правового статуса Каспия и проекта конвенции по нему продолжилось на Московской конференции полномочных представителей прибрежных государств 11-12 октября 1994 г., когда Азербайджан впервые предложил разделить Каспийское море на сектора прибрежных стран.

Азербайджан объявил об «азербайджанском секторе Каспийского моря» и на этой основе заключил в сентябре 1994 г. контракт с международным консорциумом на освоение каспийских нефтяных месторождений. Азербайджанская сторона стала определять Каспийское море как «пограничное озеро», закрепив в 1995 г. это понятие и суверенитет своего сектора, включающего дно, водную толщу и воздушное пространство, в своей Конституции (статья II, пункт 2).

Казахстан, долгое время занимавший выжидательную позицию, также решился на установление «своего сектора». Алма-Ата начала работы в районах дна Каспия, на которые стремилась распространить свой суверенитет. В этих целях был создан консорциум, аналогичный бакинскому. Таким образом, уже с начала постсоветского периода Азербайджаном и Казахстаном стала активно проводиться линия на достижение соглашения о разделе Каспия и закрепление за прибрежными государствами их «секторов».

Россия заявила, что по проблеме освоения минеральных ресурсов дна Каспия она исходит из необходимости согласования между всеми прикаспийскими государствами обязательных условий и правил такой деятельности (с заключением соответствующего соглашения), что откроет возможность начала реальной деятельности на дне, в том числе с привлечением физических и юридических лиц третьих стран.

Российское мнение по определению юридического статуса Каспийского моря в 1994 г. была таковым: «Каспий, согласно его правовому статусу, не принадлежит ни одному прикаспийскому государству, и все они имеют равные права на его использование. В этой ситуации каждое прикаспийское государство не может не считаться с правами и интересами своих соседей по Каспию и должно осуществлять свою деятельность таким образом, чтобы не наносить им ущерба. Поэтому Россия не поддерживает идеи раздела Каспия» и «отвергает какие-либо односторонние меры по захвату его пространств, а также попытки некоторых некаспийских государств вмешаться в нормальный процесс консультаций между пятью прибрежными странами».

В то время как Россия наряду с Ираном хотела отстаивать правовой статус Каспия на основе кондоминиума, другие прибрежные страны (Азербайджан, Казахстан и Туркменистан) активно приступили к суверенизации и разработке углеводородных ресурсов своих секторов.

Российская сторона на первом этапе переговоров постоянно отмечала тот факт, что поскольку Каспийское море не имеет естественного соединения с Мировым океаном и представляет собой внутриконтинентальный водоём, на него никогда не распространялись нормы международного морского права, в частности, касающиеся территориального моря, исключительной экономической зоны и континентального шельфа. Данная позиция России была изложена 2 июня 1994 г. Директором Департамента информации и печати МИД РФ Григорием Карасиным.

Российской стороной подчёркивалось, что Каспийское море на протяжении длительного исторического периода является объектом совместного использования прибрежных государств и представляет собой международную территорию, режим которой определяется по соглашению между всеми прибрежными государствами. Однако Россия учитывала, что существующий правовой режим Каспийского моря нуждается в усовершенствовании, особенно в области деятельности на дне моря (в первую очередь, при освоении нефтегазовых месторождений) и эксплуатации морских биоресурсов.

Поэтому прикаспийские государства должны нести особую ответственность за сохранение, воспроизводство и оптимальное использование уникальных запасов осетровых рыб; создать режим сохранения и восстановления биоресурсов Каспия, определив статус Каспийского моря как единый экологический комплекс.

Российская сторона исходила из того, что оптимальный промысел биоресурсов должен сохраняться за прибрежными сторонами в пределах 20-мильной зоны рыболовной юрисдикции, ширина которой может изменяться в соответствии с принятием правового статуса Каспийского моря. Ежегодно на основе научных исследований должен определяться объём общедопустимого вылова мигрирующих рыб (осетровых, лососёвых, сельдевых), а также каспийского тюленя.

30 января – 2 февраля 1995 г. в Ашхабаде в согласованном проекте сохранения и использования биоресурсов Каспийского моря также указывалось, что Каспийское море является уникальным природным образованием межгосударственного использования. Комплексное использование его ресурсов требует межгосударственного согласования и совместного управления, поскольку ни одна отдельно взятая страна не в состоянии решить каспийскую проблему. Таким образом, в документе подчёркивалось, что решение общих проблем региона нуждается в соответствующем правовом оформлении. Однако неопределённость статусного характера обусловила несогласованность по вопросам исключительной юрисдикции прибрежных государств на рыбную ловлю. В результате чего при всей многовариантности (15 миль предлагала Россия, 25 миль – Казахстан, 30 миль – Иран и 40 миль – Азербайджан и Туркменистан) остановились на 20-мильной зоне, но соглашение так и не было подписано.

Однако 1995-й год всё-таки не был безрезультатным. Он привнёс новый механизм в решение Каспийской проблемы: был учреждён постоянно действующий институт переговоров по определению международно-правового статуса Каспия в форме рабочих групп (СРГ) на базе МИД прибрежных государств. Первый успех новообразованных рабочих групп был достигнут в июне 1995 г. в Тегеране, когда в качестве единственного способа принятия решений по Каспию был определен принцип консенсуса.

Принцип консенсуса был подтверждён и в совместном Заявлении о сотрудничестве по использованию Каспийского моря, сделанном Президентами Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым и Президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным 27 апреля 1996 г. Так, в пункте 1 Заявления указывалось, что «Стороны считают, что

заключение Конвенции о правовом статусе Каспийского моря является их первоочередной и неотложной задачей. Новый правовой статус Каспия должен быть определен прикаспийскими государствами на основе консенсуса. Никто не в праве решать вопрос о правовом статусе Каспийского моря в одностороннем порядке...», а в пункте 4 Стороны высказали убеждение, что «взаимное участие в освоении природных ресурсов Каспийского моря отвечает их обоюдным интересам. Они признают права друг друга на проведение работ по освоению минеральных и биологических ресурсов Каспийского моря и будут обмениваться конкретными предложениями о развитии взаимовыгодного сотрудничества по согласованной программе, включая геофизические и геологоразведочные работы, а также освоение месторождений углеводородного сырья, с учётом опыта и возможностей Сторон».

На второй встрече постоянных рабочих групп в сентябре 1995 г. Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и Иран (Россия отсутствовала) приняли совместное Коммюнике, закрепившее идею формирования единого документа по статусу и режиму Каспийского моря.

Кардинальные изменения могла внести в решение проблемы международно-правового статуса и экономического сотрудничества Ашхабадская конференция 1996 г. Компромиссное предложение России звучало следующим образом: «внутри 45-мильной прибрежной зоны каждая страна имеет исключительные или суверенные права на минеральные ресурсы морского дна. За пределами этой зоны, в тех местах, где любое из государств начало разработку или уже готово начать разрабатывать «конкретный» участок, юрисдикция на это месторождение будет присуждена соответствующему государству... В то же время, центральная часть моря могла бы использоваться государствами сообща, а богатства дна на этом участке моря разрабатывались бы совместными акционерными компаниями пяти стран». Однако позицию, выдвинутую Россией, остальные прикаспийские государства не поддержали.

В итоге Россией, Туркменией и Ираном был заключен Меморандум, по которому названные государства: «решили учредить тройственную компанию по разведке и разработке углеводородных ресурсов морского дна. Эта инициатива не была претворена в жизнь. Как и на предыдущих встречах стороны разошлись во взглядах, на этот раз по вопросу увязывания делимитации недр с проблемой определения международно-правового статуса Каспия. Поэтому Россия, Иран и Туркменистан решили определить границы деятельности, предполагаемой совместной нефтяной компании».

Однако правовой статус Каспийского моря так и не был определён на этой встрече.

Неуспех многосторонних встреч перевёл обсуждения из пятисторонних в русло двусторонних, что было предложено на майском (1997 г.) заседании рабочей группы в Алма-Ате. Во многом такое решение было оправданным, т.к. дискуссия показала необходимость продолжительной и детальной работы по согласованию с каждой стороной. Так, Россия требовала принять «45-мильную зону национальной юрисдикции»; Азербайджан – «пограничное озеро, делимитируемое на национальные сектора по принципу срединной линии»; Казахстан – «делимитацию дна моря»; Туркменистан соглашался «принять российский вариант», в противном случае море нужно «делить»; Иран призывал «соблюдать договоры 1921-1940 годов, пока прибрежные государства не договорятся».

Верность и эффективность ориентации на двусторонние встречи не замедлила сказаться. 6 июля 1998 г. Российская Федерация и Республика Казахстан заключили Соглашение «о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование» на основе срединной линии. В статье I Соглашения конкретно указывалось, что «дно северной части Каспийского моря и его недра при сохранении в общем пользовании общей поверхности, включая обеспечение свободы судоходства, согласованных норм рыболовства и защиты окружающей среды, разграничиваются между Сторонами по срединной линии, модифицированной на основе принципа справедливости и договорённости Сторон.

Модифицированная срединная линия базируется на основе равного удаления от согласованных базисных линий и определяется с учётом островов, геологических структур, а также с учётом других особых обстоятельств и понесённых геологических затрат.

Прохождение модифицированной срединной линии определяется при помощи отсчёта от точек на побережьях Сторон с учётом островов, исходя из уровня Каспийского моря на 1 января 1998 г., равного отметке минус 27 м Балтийской системы высот (относительно Кронштадтского футштока).

Этапным событием в каспийском переговорном процессе стало принятие Декларации между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о сотрудничестве на Каспийском море, в которой Президенты обеих Республик указали, что «желая способствовать развитию сотрудничества в духе принципов, зафиксированных в Совместном заявлении президентов РК и РФ о сотрудничестве по использованию Каспийского моря от 27 апреля 1996 г., Договоре о

дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 25 мая 1992 г., Декларации о вечной дружбе и сотрудничестве, ориентированном на XXI столетие от 6 июля 1998 г.»..., «исходя из того, что определение нового правового статуса Каспийского моря возможно только на основе консенсуса всех прикаспийских государств...», заявили о нижеследующем:

1. Стороны выражают готовность совместно способствовать эффективному продвижению пятистороннего переговорного процесса по Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, выступают за придание регулярного характера деятельности Специальной рабочей группы на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств...

2. Россия и Казахстан подтверждают свою убежденность в том, что в основу консенсусного решения о новом правовом статусе Каспийского моря в качестве одного из его важнейших компонентов целесообразно положить компромиссное предложение о разграничении дна моря между сопредельными и противоположными государствами по срединной линии, модифицированной по договоренности сторон, в целях осуществления ими суверенных прав на недропользование при сохранении в общем пользовании водного пространства для обеспечения свободы судоходства, согласованных норм рыболовства и защиты окружающей среды».

В Декларации Стороны также «высказались за образование на постоянной основе пятистороннего Стратегического каспийского центра, который бы занимался мониторингом состояния природной среды Каспийского моря». Это соглашение и Декларация стабилизировали отношения России и Казахстана, зато усилило разногласия между Россией, Ираном и Туркменистаном, однако на декабрьской 1998 г. конференции в Москве прикаспийские государства пришли к вынужденному консенсусу и сумели договориться о необходимости полного раздела Каспия.

9 января 2001 г. Россией и Азербайджаном была подписана Бакинская декларация и совместное заявление о принципах сотрудничества на Каспийском море, исходящее из того, что дно делится на зоны недропользования между прибрежными государствами, а толща моря и его поверхность остаются в общем пользовании, также предусматривается совместная разработка спорных месторождений из расчета «50 на 50». Стороны договорились, что «дно Каспийского моря делится между соответствующими сопредельными и противоположными государствами на секторы (зоны) на основе метода срединной линии, проводимой с учётом равноудалённости точек и модифицированной по договоренности

сторон, а также с учётом общепризнанных принципов международного права и сложившейся практики на Каспии. При этом Россия и Азербайджан договорились, что каждый будет осуществлять в своём секторе (зоне) исключительные права в отношении минеральных ресурсов и другой правомерной хозяйственно-экономической деятельности на дне».

18 ноября 2001 г. в Москве был сделан новый шаг: подписано Соглашение между Казахстаном и Азербайджаном о разграничении дна Каспийского моря между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой. Принимая данный документ, стороны указали на его направленность «обеспечить благоприятные условия для реализации своих суверенных прав на Каспийском море, а также урегулировать в духе взаимопонимания и сотрудничества вопросы, связанные с эффективным использованием минеральных ресурсов дна и недр Каспия. Причём в Преамбуле указывалось, что разграничение данным Соглашением дна Каспийского моря не распространяется на биологические ресурсы и использование Каспийского моря в целях судоходства».

В Соглашении чётко постатейно указано:

– *в статье 1*, что «дно Каспийского моря и его недра разграничиваются Сторонами по срединной линии, которая строится на основе равного удаления от исходных базовых точек на береговой линии и островах, а координаты исходных базовых точек определяются исходя из среднего многолетнего уровня Каспийского моря, равного отметке минус 28 м Балтийской системы высот.

В статье 3, что «вопросы разведки и разработки перспективных структур и месторождений в случае прохождения через них срединной линии будут предметом отдельных соглашений между Сторонами».

Статья 4 полностью выдержана в консенсусном духе: «разногласия в толковании и применении положений настоящего Соглашения разрешаются путём переговоров и иными мирными средствами по выбору Сторон».

Исходя из вышеприведённых документов, можно судить, что три прибрежных государства Россия, Азербайджан и Казахстан заняли единую позицию по делимитации Каспийского моря, вытекающую из принципа «делим дно, а вода – общая». Реакцией Ирана на произошедшее событие, по данным RusEnergy, стало выражение мнения, что соглашение о правовом режиме на Каспии, подписанное между Азербайджаном и Казахстаном, противоречит существующим юридическим документам, регламентирующим статус этого моря.

12 марта 2001 г. в Москве на встрече Президента России В.В. Путина и Президента Ирана М. Хатами было принято совместное заявление по правовому статусу Каспийского моря, в пункте 3 которого указывалось, что «все решения по Каспию будут иметь силу только в том случае, если они будут приняты с общего согласия пяти прикаспийских государств». Кроме того, в принятом совместном заявлении говорится, что Россия и Иран «до усовершенствования правового режима Каспия официально не признают никаких границ на этом море». Тем самым это заявление прозвучало некоторым диссонансом в сравнении с соглашениями, достигнутыми с Казахстаном и Азербайджаном по этому вопросу. Недоумение Баку также было связано и с другим моментом: «Иран и Россия заявили, что выступают против прокладки по дну Каспия любых нефте- и газопроводов, являющихся опасными в экологическом отношении в условиях чрезвычайно активной геодинамики, а также против вмешательства третьих стран в процесс раздела Каспия и определения форм его использования».

При анализе отношений между Россией и Ираном относительно делимитации Каспия следует помнить, что до сих пор условная граница между Ираном и СССР, а затем Россией, государствами СНГ и Ираном на Каспийском море проходила по советской «прямой линии» раздела «Астара – Гасан-Кули», южнее которой Тегерану отходит менее одной десятой акватории, т.е. от 12 до 13%. Официально зафиксированной морской границы между СССР, а потом Россией, и Персией (Ираном) никогда не было, хотя в договорах 1921 и 1940 гг., Соглашениях по рыболовству от 1931-1935 гг. раздел рыболовных зон шёл именно по данной линии.

В Приказе НКВД СССР 1934 г. по охране пограничниками была установлена в одностороннем порядке линия «Астара – Гасан-Кули» (423,2 км) по Каспийскому морю (как внутренняя административная мера), по которой происходило разграничение территориальных вод и воздушного пространства между СССР и Ираном, причём на практике не допускалась ловля рыбы иранскими судами за пределами линии Астара – Гасан-Кули. Кроме этого, морские и воздушные суда Ирана без предварительных согласований не пересекали её и не нарушали эту условную границу, что делало бы резонным закрепление де-юре того, что сложилось де-факто. Чтобы не допустить превратных толкований, мы приведем Приказ НКВД № 03 от 09.01.1935 года (По Главному управлению пограничной и внутренней охраны НКВД) «Об установлении режима Каспийского моря» полностью.

«В целях установления режима, обеспечивающего лучшую организацию службы по охране вод Каспийского моря и единого

понимания смысла постановлений договоров, действующих между СССР и Персией в части плавания и рыболовства в пределах Каспийского моря.

Приказываю:

1) При организации службы судов погранохраны на Каспийском море исходить из того, что северная его часть, ограниченная с юга прямой линией, соединяющей пункты выхода сухопутной границы сёл Астара (западное побережье) и сёл Гасан-Кули (восточное побережье) – является советской.

2) Судам пограничной охраны в пределах советской части Каспийского моря осуществлять практические задачи, возложенные на них ст. 236 Временного устава службы пограничной охраны с соблюдением следующего:

а) Задержание персидских судов в пределах советской части Каспийского моря в случае совершения каких-либо правонарушений производить **только в пределах 12-ти мильной прибрежной зоны.**

б) **Не чинить препятствий персидским судам, плавающим и занимающимся, в соответствии с действующими между Персией и СССР договорами, рыболовством в советской части Каспийского моря за пределами 10-ти мильной прибрежной зоны.**

в) Командирам судов Морпогранохраны и пограничным комиссарам **при переговорах с персами, в частности, в случаях остановки или осмотра персидских судов в пределах советской части Каспийского моря, не именовать эту часть «Советской» или**

«Принадлежащей СССР». В случае заявления со стороны персов претензий по поводу остановки или осмотра их судов ограничиваться указанием, что Каспийское море согласно договоров между СССР и Персией, является советско-персидским, а не открытым морем. (Разрядка и выделение сделаны авторами).

Подписано Народным комиссаром внутренних дел
Союза ССР Г. Ягодой».

В приведённом документе нигде нет упоминания о наличии государственной морской границы между СССР и Персией по Каспийскому морю, причём рекомендуется производить задержание персидских судов только при пересечении ими 10 и 12-ти мильных прибрежных зон, а запрет на наименование в присутствии персидской стороны советской части Каспия «Советской» или «Принадлежащей СССР» указывает на односторонность действия данного документа.

По поводу линии «Астара – Гасан-Кули» имеется целый ряд противоречивых мнений. Мы приведём одно из них, изложенное

коллективом авторов в изданной в 2001 г. Советом по производительным силам книге «Море проблем»: «Бытует мнение, что в 1935 г. Каспий был разделён на советский и иранский рыбохозяйственный секторы по линии между Астарой в Азербайджане и Гасан-Кули в Туркменистане.

Такая трактовка не соответствует международно-правовым реальностям. Линия Астара – Гасан-Кули действительно была установлена СССР, в одностороннем порядке, как внутренняя административная мера. Эта линия никогда не квалифицировалась двумя государствами в качестве международной договорной границы (для целей разграничения прав на рыбные или иные морские природные ресурсы), хотя линия действительно применялась какое-то время Советским Союзом для своих воздушных судов, а с 1953 г. – служила линией для указанного советским рыбохозяйственным ведомством предела промысла рыболовных судов в южных районах Каспийского моря в целях предупреждения конфликтов с Ираном».

Итак, повторим ещё раз, что официально зафиксированной морской границы между СССР и Персией, а потом Россией и Ираном, никогда не было. За всю историю дипломатических отношений между этими странами ни в одном договоре даже не упоминалось о морских границах между ними, хотя при описании сухопутных границ указывалось на крайние пункты западных и восточных (закаспийских) территорий – Астару и Гасан-Кули. Такие упоминания мы можем найти:

– в Туркманчайском договоре (10 февраля 1828 года): «От границы округа Велькиджи, пограничная между обоими государствами черта, в постоянной сообразности с вышеозначенным правилом течения вод, будет следовать по вершинам Клопугы и по главной цепи гор, пролегающих по округу Велькиджи, до северного *истока реки Астары; откуда по руслу сей реки, до впадения её в Каспийское море, где и оканчивается пограничная черта, имеющая отделять Российские владения от Персидских*»;

– и разграничительной Конвенции от 9 декабря 1881 г.: «границею между владениями Российской империи и Персии к востоку от Каспийского моря постановляется *следующая черта, начиная от залива Гасан-Кули...* границею служит течение реки Аракс»;

– в Соглашении между СССР и Ираном об урегулировании пограничных и финансовых вопросов от 2 декабря 1954 года, где делимитация идёт только по сухопутным территориям «*в закаспийском (восточном) участке границы до залива Гасан-Кули и называется закавказский (западный) участок границы (от реки Аракс)*».

В Договоре 1957 года – о режиме советско-иранской государственной границы и порядке урегулирования пограничных конфликтов и инцидентов – в разделе II – Пограничные воды, порядок пользования ими... в статье 7 говорится следующее: «Под пограничными водами в данном Договоре понимаются участки рек, по которым проходит линия границ, как это указано в документах демаркации и редемаркации советско-иранской границы 1955-1956 гг. (1334-1335 гг. – по иранскому исчислению).

Если мы вернёмся к позиции Российской Федерации по разграничению Каспия, то следует отметить, что Россия заинтересована в разделе дна моря по так называемой срединной (модифицированной) линии. В этом случае сектор Казахстан – 26%-й, у России – 19% (18,7%), примерно столько же будет у Азербайджана и Туркмении, Ирану, в свою очередь, достанется около 14%. Для тех партнёров, которые «игнорируют» срединную линию Россия предложила создавать совместные предприятия на спорных месторождениях.

Позиция Ирана по проблеме делимитации Каспия противоречива. Сначала ИРИ выступала за поэтапное решение каспийских проблем, предложенное ею же ещё в 1992 г., чтобы ускорить формирование Экономического Сообщества стран Каспия.

Эту идею поддержали все страны региона. Потом Иран потребовал кондоминиума, потом отказывался от него. Отступление Ирана от своего требования установления режима кондоминиума на Каспии, вытекает из заявления министра нефти Ирана Бижан Намдар Зангане (Bijan Namdar Zangeneh), который объявил, что его страна «приступает к реализации нефтяных и газовых проектов на Каспии, не дожидаясь окончательного соглашения о разграничении национальных секторов на море». Причём это было крайне категоричное высказывание: «Наша позиция совершенно ясна, мы не будем ожидать выяснения вопроса о правовом режиме Каспийского моря. **Мы начинаем действовать, опираясь на наше собственное понимание законности**, и не допустим чьих-либо действий в тех частях моря, которые считаем своими».

После этого заявления катер иранской береговой службы нарушил границу Азербайджана и плавал в территориальных водах Азербайджана около 20 минут, а затем вернулся обратно в воды Ирана. Никаких ответных действий со стороны Баку не последовало, но пребывание иранского катера в территориальных водах Азербайджана носило явно демонстративный характер. Как сообщало информационное агентство «Би-Би-Си», господин Зангане сказал также, что Иран «не позволит никакой другой стране вести

нефтегазразведку в секторе размером в 20% акватории, на который претендует Иран».

Таким образом, мы видим, обозначившиеся изменения в позиции Ирана: как заявил в 2002 г. первый замминистра иранского МИДа Мехди Сафари, «в случае раздела Каспия Иран обладает суверенным правом на 20% его акватории. По предложению иранской стороны, все прибрежные государства должны получить равные сектора на Каспийском море (по 20%), притом, что Иран владеет лишь 13% береговой линии.

Однако не «просто воды и дна» хочет Тегеран, а конкретные разведанные и подтвержденные месторождения. Для реализации этого требования в июле 2001 г. Тегеран продемонстрировал «мускулы» – иранские боевые самолеты вынудили азербайджанские суда прекратить нефтегазразведочные работы, которые велись азербайджанскими судами на нефтяном блоке Араз-Алов-Шарг по контракту с британской компанией British Petroleum в морском секторе, на который претендуют Тегеран и Баку. Тогда только одновременное вмешательство Москвы, Вашингтона и Анкары предотвратило вооруженный конфликт между двумя странами. Две недели спустя, после инцидента на море, азербайджанские СМИ сообщили, что Иран нацелил свои ракеты на спорные нефтяные месторождения.

Азербайджанская сторона заняла следующую позицию по данной конфликтной ситуации, озвученную спецпредставителем президента по Каспию Халафом Халафовым: «Мы не приемлем никаких притязаний на конкретные месторождения, которые высказываются до решения вопроса о разграничительной линии. Согласно сложившейся практике структура Араз-Алов-Шарг находится в Азербайджанском секторе Каспийского моря, и сегодня без разграничительной линии претендовать на месторождения, открытые и разрабатываемые азербайджанскими нефтяниками, мы считаем неприемлемым. Для такой постановки вопроса нет правовой основы».

Гипотетически, если бы Иран получил требуемые им 20% акватории Каспийского моря, то полагающаяся Азербайджану доля Каспия стала бы примыкать к сухопутной территории России и должны были бы сдвинуться туркменский и казахстанский сектора. Касаемо этого случая, парадоксальность ситуации заключалась в том, что, озвучивая принцип справедливости, иранская сторона стремилась увеличить причитающуюся ей акваторию Каспийского моря непропорционально сухопутным границам в нарушение норм международного права.

В апреле 2002 г. Тегеран выдвинул новую претензию к прикаспийским государствам – половина территории Каспия является иранской собственностью. С таким заявлением выступил в начале апреля 2002 г. член парламентского комитета по внешней политике и национальной безопасности Ирана К. Джалали: «50% моря принадлежало Советскому Союзу, другая половина приходится на долю Ирана. Так почему мы должны расплачиваться за распад СССР?». Остальные прибрежные государства, считал парламентарий, должны разделить между собой те советские 50%. Это заявление стало реакцией на итоги визита министра иностранных дел Ирана К. Харрази в 2002 г. в Москву и Баку, в результате которого никакого прогресса по Каспию Тегеран не добился. Парламентарии вообще считали дипломатию ИРИ в отношении статуса Каспия «неуспешной, а её результаты – неприемлемыми», сообщила The Tehran Times.

Проблемы со спорными месторождениями имеют и Азербайджан с Туркменией. Если следовать идее о срединной линии, то позиция Азербайджана безупречна. Однако данный принцип не устраивает туркмен: из-за того, что Апшеронский полуостров далеко выдвинут в море, граница проляжет в непосредственной близости от туркменского берега и значительная часть спорных месторождений, на которые претендует Ашхабад, достанется Азербайджану. В качестве альтернативы Туркменистан предлагал т.н. широтный метод раздела: между берегами проводится параллель, а по равноудаленным с точки зрения географической широты точкам – срединная линия. Накануне Каспийского Саммита в Ашхабаде в 2002 г. экспертами высказывалось мнение, что Туркмения больше склоняется к тому, чтобы не противопоставлять себя трём партнёрам по СНГ, но этот прогноз не оправдался.

Россией в преддверии Ашхабадского Саммита был предложен компромиссный вариант, названный «принципом ресурсного деления», когда отталкиваться нужно не от идеи, а от заинтересованности в конкретных месторождениях. При таком подходе все могли бы остаться довольными, а Иран получил бы возможность без ущерба для собственной позиции согласиться на компромисс и получить в своё распоряжение более значительное количество ресурсов, чем при гипотетическом национальном секторе. Как было указано в газете «Известия» со ссылкой на компетентные органы, «саммит в Ашхабаде нужен был именно для того, чтобы Иран смог постепенно сменить свою политическую линию». Однако этого не произошло.

Но прежде, чем мы обратимся к анализу Ашхабадского Саммита (22-23 апреля 2002 г.), уместно вспомнить состоявшуюся 26-27 февраля 2002 г. в Москве международную конференцию «Каспий:

правовые проблемы», важность которой была обозначена в приветственном слове Министра иностранных дел РФ И.С. Иванова: «Для России как прикаспийского государства регион Каспия является одним из внешнеполитических приоритетов. Видим задачу в том, чтобы способствовать обеспечению в регионе безопасности и стабильности, крепить добрососедские отношения с каждым прибрежным государством, развивать сотрудничество в рамках «каспийской пятёрки», налаживать конструктивное взаимодействие с нерегиональными партнёрами». Проблемы правового урегулирования статуса Каспия были оценены Министром как «имеющие ключевое значение для Каспийского региона. Определение нового статуса Каспийского моря, правовое урегулирование вопросов освоения его богатых минеральных и биологических ресурсов, защиты его уникальной природной среды – как неперемное условие сохранения Каспия как моря мира и согласия, развития в регионе взаимовыгодного международного сотрудничества».

Позиция Российской Федерации по данной проблеме была высказана руководителем Рабочей группы по Каспию, заместителем Министра иностранных дел РФ, специальным представителем Президента Российской Федерации по вопросам урегулирования

**Комплексная характеристика ситуации в АТР
в контексте международных отношений. Глава I в монографии
«АТР глазами экспертов (международная экспертиза 2005-2019 гг.)».**
Москва: Academia, 2019. С. 9-51

В данной главе обобщаются результаты проведённых с 2005 по 2016 гг. международных опросов экспертов из 16 стран Азиатско-Тихоокеанского региона, а также материалы контрольных интервью, выполненных в 2008-2009 гг. и 2015 гг. и экспресс-интервью – в 2017-2019 гг. Хотелось бы отметить, что это исследование носило не абстрактный, а конкретный характер и отвечало строгим требованиям, таким как: оперативность, достоверность, корректность, конфиденциальность. Исследование проводилось в русле изучения глобальных процессов и международных отношений, поэтому учитывались региональные и национальные характеристики и особенности зарубежных партнёров, рассматривалось их отношение к Российской Федерации и её деятельности на Дальнем Востоке и в АТР и, в первую очередь, учитывалось мнение лиц, принимающих решения.

Для характеристики межгосударственных отношений в глобальном масштабе и взаимодействия стран в АТР требуется не только тонкое дипломатическое чутьё и дар предвидения, но и точное знание и учёт мнения другой стороны, её позиций, традиций, и, разумеется, объективных факторов, определяющих события. Всё это в настоящий момент связано с особым интересом к восточному направлению, развитием внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Российской Федерации, что актуализирует исследовательское направление роли субъективного фактора с учётом его восточной специфики.

В качестве экспертов были приглашены крупные учёные, дипломаты, военные, государственные служащие, журналисты, представители бизнеса и неправительственных организаций и VIP-персоны (лица, принимающие решения) из *16-ти стран Азиатско-Тихоокеанского региона*: Брунея, Вьетнама, Индии, Индонезии, Китая, Малайзии, Монголии, Мьянмы, Непала, Республики Корея, России, Сингапура, США, Таиланда, Филиппин и Японии. В ходе проекта шло формирование базы данных по характеристике АТР в оценках лиц, принимающих решения.

Современная ситуация обуславливает и актуализирует изучение расстановки сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе в экономической, в том числе ресурсной, финансовой, технико-технологической, а также в научно-образовательной и военно-стратегической сферах. Экспертные оценки, статистические и аналитические данные по перечисленным выше параметрам необходимы для сопоставительного анализа современного и предшествующего состояния стран АТР и выстраивания чёткой и успешной внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии России в регионе.

В ходе опросов эксперты оценивали экономический потенциал своих стран, их потребность в ресурсах и, в первую очередь, энергетических, характеризовали ситуацию в сфере безопасности на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе по уровню стабильности, анализировали риски и угрозы, возможность возникновения военных конфликтов и их предотвращения, указывали наиболее эффективные маршруты транспортировки нефти, сетевого и сжиженного природного газа (СПГ), в том числе характеризовали восточное направление углеводородного экспорта Российской Федерации.

Главной целью данного комплексного исследования был поиск оптимальных направлений сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, что, в первую очередь, обусловлено тем, что АТР – это наиболее быстро развивающийся и густонаселённый регион современного мира. Численность населения в КНР и странах Юго-Восточной Азии составляет около двух миллиардов человек, что примерно равняется 35% населения всей нашей планеты. Прогнозируется, что в 2020 г. более 50% мирового ВВП будет производиться в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. В свою очередь ускоренное экономическое развитие стимулирует рост потребления энергоресурсов. Причём на страны АТР приходится значительная доля мирового потребления энергетических ресурсов, основными потребителями которых являются США, Китай и Россия.

Экспертный опрос открывался вопросом «Как Вы оцениваете ситуацию на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом?» При ответе на этот вопрос эксперты делали сопоставление потенциалов своих стран с потенциалами других государств, а также определяли уровень стабильности – нестабильности в АТР.

Эксперты отмечали, что АТР объединяет государства с существенными политическими, экономическими и цивилизационно-культурными различиями. Если в начале нашего исследования в 2005 г. около половины опрошенных экспертов – **54%** оценивали ситуацию в АТР как *нестабильную*, то в 2014 г. такую оценку дали только **14%**, а в 2015-2016 гг. – **18%** (см. таблицу 1). Эксперты, поясняя свои ответы, указывали, что страны Азиатско-Тихоокеанского регионе очень разные по уровню экономического развития, политического устройства, разнообразен их национальный и религиозный состав, кроме того, имеется много спорных вопросов по территориям и энергетическим ресурсам.

Таблица 1

Как Вы оцениваете ситуацию на Дальнем Востоке и в АТР

в целом? (в % от количества опрошенных)

Ответы ³³ (в %)	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1. Ситуация в АТР нестабильна, есть риски и угрозы, локальные конфликты	54	52	51	13	10	10	19	16	14	14	18	18
2. Ситуация в АТР стабильная	42	40	39	24	65	54	43	49	48	53	53	53
3. Ситуация в АТР относительно стабильная						18	26	12	14	11	14	14
4. Ситуация в СВА складывается не в пользу РФ. Россия сейчас слабее, чем СССР	35	35	36	22	10							
5. В АТР происходит усиление Китая, Японии и Южной Кореи	28	28	30	28	24		30					
6. Китай стал важнейшим игроком в АТР. Рост его экономики, политической и военной мощи будет во многом определять развитие региона	4	24	30	33	37	33	45	47	47	48	54	54
7. КНР и Россия имеют большую силу в управлении ситуацией в СВА	4	24	21	21	6	3	16					
8. Экономика РФ растёт, и РФ хочет использовать УВ-экспорт в СВА в своих интересах	4	12	12	23	4							
9. Борьба за доминирование идёт между США и КНР	9	8	8	16	9	3	18					

Эксперты оценивали ситуацию в АТР как:

– *стабильную, устойчивую* – **42%** в 2005 г. (в 2014-2016 гг. – **53%**), поясняя, что «ситуация в Северо-Восточной Азии близка к статус-кво: каждый из значимых игроков чётко обозначил свои интересы и старается не выходить за эти границы. В АТР сейчас

³³ Экспертами давалось несколько вариантов ответов на поставленный вопрос.

вопросы решаются путём переговоров. На Востоке страны умеют договариваться»;

– *относительно стабильную, подвижную* – таких ответов, характеризующих ситуацию в АТР, в 2005 г. не было получено, в 2014 г. – **11%** и в 2015-2016 гг. – **14%**. Эксперты указывали, что в регионе возможны локальные конфликты.

В таблице 1 чётко фиксируется, что после обострения ситуации в Южно-Китайском море (ЮКМ) в 2011 г. увеличилось количество ответов экспертов, оценивающих ситуацию как нестабильную (возросло с 10% в 2010 г. до 19% в 2011 г.), и соответственно произошло снижение оценки ситуации как стабильной с 54% в 2010 г. до 43% в 2011 г. и увеличение оценки ситуации как относительно стабильной с 18% до 26%. В 2012 г. при постепенном внешнем сглаживании конфликта в ЮКМ экспертная оценка ситуации как нестабильной снизилась с 19% до 16% в 2012 г. и до 14% в 2013-2014 гг. [1, с. 13], хотя затем она повысилась до 18% в 2015-2016 гг.

В 2017 г. США направили в Южно-Китайское море авианосную ударную группу во главе с авианосцем «Carl Vinson», которая начала «рутинные» операции в регионе. США критикуют действия Китая в ЮКМ, выступая против строительства искусственных островов и считая недопустимым действия КНР на спорных островах. Следует отметить, что, ещё не вступив в должность госсекретаря США, Тиллерман Р. заявлял, что Вашингтон должен послать Китаю «ясный сигнал», и этот сигнал был послан в феврале 2017 г. [2].

В 2015 г. обострение ситуации на Корейском полуострове нашло отражение в контрольном интервью в октябре-ноябре 2015 г.: на 4% выросло количество ответов экспертов, оценивающих ситуацию как нестабильную, и также на 4% выросло количество ответов о возможности военного конфликта в АТР (увеличение произошло за счет ответов американских военных экспертов) [1, с. 13]. Напряжённость вокруг ядерного оружия КНДР проявилась и в 2016 г., а в 2017 г. вновь началось резкое обострение данной проблемы.

Следует отметить, что Азиатско-Тихоокеанский регион на современном этапе занимает особое место в системе международных отношений, глобальной и энергетической безопасности в силу масштабов, влияния, темпов экономического и технологического развития. Регион всё больше становится одним из центров международной политики и экономических отношений. Здесь разворачиваются серьёзные изменения, связанные с усилением роли Китая и изменением роли США в регионе [3, с. 5-6].

До 2017 г. в АТР ускоренными темпами реализовался начатый в 2009 г. проект Транстихоокеанского партнёрства – многосторонней

зоны свободной торговли с участием крупнейшей торговой державы мира – США. В проекте участвовали Австралия, Бруней-Даруссалам, Канада, Чили, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, Вьетнам, Таиланд и США. Заинтересованность в присоединении к нему высказывали ещё несколько крупных государств АТР, включая Японию. В мае 2012 г. в Пекине в ходе саммита Восточноазиатской тройки три крупнейшие страны Северо-Восточной Азии: Республика Корея, Китай и Япония подписали соглашение об инвестиционном сотрудничестве.

Однако ситуация кардинально изменилась с приходом к власти в США 45-го президента Трампа Д., который заявил, что этот проект не соответствует интересам США, и его страна выходит из Транстихоокеанского партнёрства, о чём он подписал соответствующий указ сразу после инаугурации. Также Трамп пообещал пересмотреть Североатлантическое соглашение о свободной торговле (НАФТА).

Все эксперты отмечают, что с изменением мировой экономической конфигурации меняются геоэкономическая и геополитическая конфигурации. Успешные развивающиеся экономики вполне закономерно претендуют на участие в принятии стратегических решений в развитии мировой экономики и международных отношений. Кроме того, в новых геополитических условиях система глобальной и энергетической безопасности подвижна и противоречива, а система региональной безопасности далека от совершенства. Идёт формирование новой конструкции безопасности, которая должна учитывать растущий военный потенциал региона, политическую самостоятельность государств, которые в прошлом находились под военно-политическим патронажем СССР и США [3, с. 5-6].

Актуальным является выстраивание новой региональной и международной систем безопасности и сотрудничества и участия в них Российской Федерации, разработка новой концепции политики России в АТР на базе преемственности основных характеристик геостратегии, экономики и безопасности с учётом изменяющихся условий и изменения межстрановой иерархии и лидерства в регионе.

Общеизвестно, что основные показатели совокупной мощи государств определяют такие характеристики как: территория, население, ресурсы, экономический потенциал (развитие производства), интеллектуальный потенциал и безопасность. Под эти характеристики в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Азии подходят:

- 1) Китай – нынешний лидер;
- 2) Япония – технологический лидер;
- 3) США – лидер нынешнего и предшествующего периодов;

4) Индия – выдвигающийся лидер;

5). Россия (как правопреемница СССР) – лидер предшествующего периода (см. таблицу 2).

Быстрый экономический рост в Азии превратил этот регион в зону острой конкурентной борьбы за ресурсы и перспективные рынки сбыта, где сталкиваются интересы практически всех активных участников международной торговли. Сегодня на Китай, Индию и новые индустриальные экономики Восточной Азии (Республику Корея, Сингапур, Тайвань, Гонконг) приходится 17,3% мирового импорта товаров, т.е. столько же, сколько приходится на США и Японию.

Таблица 2

Показатели совокупной мощи государств

Показатели /годы	Китай	США	РФ	Индия	Япония
Территория (тыс. кв. км)	3 место 9598,962	4 место 9519,431	1 место 17098,2	7 место 3287,590	61 место 377,835
Население (млн чел.)	2011 1 место 1,334	3 место 307,0	8 место 142,9	2 место 1166	10 место 127,6
	2016 1 место 1,382	3 место 320,48	8 место 146,4	2 место 1,310	10 место 126,7
Темпы роста ВВП (в %)	2015 6,9	2,6	-3,8	7,0	0,5
	2016 6,7	1,9	-2,6	7,0	0,5
ИЧР (место)	2011 101	4	66	134	12
	2015 90	8	50	130	20

При ответе на вопрос: «Какие страны являются лидерами в АТР?» экспертами в форме ранжирования производилось определение стран-лидеров региона по комплексной характеристике их потенциала. Эксперты указывали, что в Северо-Восточной Азии (СВА) и АТР в целом изменился стратегический расклад сил по сравнению с периодом жёсткого противостояния США – СССР. Важнейший треугольник в регионе раньше был США – Китай – СССР, теперь это: США – Российская Федерация – Китай, причём Россия сейчас играет ту роль, которую играл Китай в период противостояния США – СССР. Китай, по мнению экспертов, уже с 2006 г. сумел стать лидером в АТР.

Эксперты отмечали, что достаточно велико влияние США в регионе. Однако ряд российских военных специалистов высказал мнение, что «субъективно роль США снизилась, потому, что нет нужды «to exercise power». В этой ситуации силовые линии легли по границам, то есть важнейшими стали соседские отношения. Стратегические вопросы приглушены, но не сняты. Идёт накопление

внутреннего потенциала противоречий, хотя внешне поверхность вполне спокойна».

Эксперты указывали, что в связи с кризисом в США и ЕС происходят серьёзные изменения в мировом порядке, что приведёт к переменам в глобальной финансовой и экономической системах, структуре резервных валют и финансовых инструментах [4, с. 6].

Некоторые российские аналитики считают, что американское влияние сильнее в Юго-Восточной Азии, чем в Северо-Восточной, поскольку практически все страны ЮВА, кроме Вьетнама, полагаются на США как на гаранта внешнеполитической стабильности. Однако в 2009 г. мнение представителей Юго-Восточной Азии, в частности бизнесменов из Малайзии, относительно ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе и ЮВА было иное: «Лидер в настоящий момент – Китай, он сейчас является стабилизирующим фактором в АТР, так как делает инвестиционные вложения, развивает экономику. Среди стран АСЕАН ярко выраженных лидеров нет, все ровень».

С малайцами солидарны российские военные специалисты и учёные: «В Юго-Восточной Азии – большая тенденция к интеграции. Стремление выжидать, не спешить, не выпячиваться характерно для Юго-Восточной Азии, и для ВАС, АСЕАН и других организаций. Роль Китая в АТР – не отстраняться от этих процессов, тем более что здесь у него сильные диаспоры. С Юго-Восточной Азией сближается Индия, которая стремится к интеграции в этот регион, поэтому возникает конкуренция и противоречия между КНР и Индией».

Проследим развитие геополитического процесса в АТР.

По оценкам экспертов в 2005 г., Китай занимал догоняющую по отношению к США позицию, а роль России снизилась, так как она утратила многие позиции на Дальнем Востоке и в АТР, которые занимал СССР. Эксперты отмечали значительные внутренние трудности РФ, связанные со сложной социально-демографической ситуацией на российском Дальнем Востоке, где продолжается сокращение численности населения при активной миграции на Дальний Восток граждан из соседних регионов и, в первую очередь, из КНР.

Экспертные оценки в 2006-2007 гг. показали увеличение роли и значимости Китая в этот период (по сравнению с результатами опроса в 2005 г.). Эксперты отмечали, что Китай становится важнейшим игроком и трансформатором сил в Северо-Восточной Азии, и что рост и увеличение экономики, политической мощи и военного потенциала КНР будет во многом определять развитие региона.

В 2008-2009 гг. – **100%** экспертов, 2010-2011 гг. – **90%**, 2012-2013 гг. – **100%**, 2014 г. – **93%** и в 2015-2016 гг. – **92%** оценивали Китай как лидера в АТР и отмечали, что очень многое связано с Китаем и влиянием, которое он оказывает. Это и рост ВВП, и колоссальный рынок, и приток инвестиций: «В Китае высокие инвестиционные возможности, высокие темпы развития и ВВП. КНР просто скупает акции иностранных компаний, часто платя наличными», – это оценка представителей японского банковского капитала.

Эксперты указывали, что КНР – одна из крупнейших экономик мира. Рост Китая уже существенно изменил баланс сил в АТР, а дальнейшее развитие китайской экономики приведёт в обозримом будущем к ещё большим переменам в регионе, что будет иметь далеко идущие экономические и политические последствия. За последние пять лет в Китае энергопотребление выросло на 75%, а в Индии – на 31%. За последние 15 лет в АТР произошло удвоение нетто-импорта нефти. По прогнозам аналитиков, зависимость стран АТР от импорта энергоресурсов к 2020 г. составит около 18,6% в год [5, с. 204-205].

Эксперты отмечали, что положение КНР за последнее время существенно изменилось: и хоть Китай зависит от экспорта, но мировая экономика, и в первую очередь, американская, нуждается в китайских финансовых средствах, ведь КНР сконцентрировала колоссальные валютные резервы, уже в 2005 г. обогнав Японию и выйдя на 1-ое место в мире по этому показателю. Китай ныне стал одним из главных кредиторов мира. США без его помощи не смогли бы профинансировать свой государственный долг [6, с. 128-129; 7, с. 164]. Однако поддержанию роли доллара способствует его функция котировки мировых цен на сырьевые товары и, прежде всего, на нефть.

Эксперты акцентировали внимание на том, что Китай продвигает юань в качестве альтернативной валюты международной торговли, активно выдает кредиты иностранным государствам на покупку китайских товаров в юанях, заключает соглашения о валютных свопах, а в 2010 г. Китай открыл внутренний межбанковский рынок своих облигаций для иностранных банков, имеющих накопления в юанях. Всё это показывает изменение прежней модели взаимоотношений между КНР и США, когда Америка являлась главным инвестором и импортёром китайских товаров, а Китай – их основным производителем и покупателем долга американского правительства. Вашингтон сегодня более зависим от Пекина – это мнение Мабумани К., декана школы государственной политики имени Ли Куан Ю при национальном университете Сингапура [1, с. 17-18].

Эксперты отмечают, что мировая финансово-экономическая система претерпевает серьёзные трансформации. «Азиатской бездолларовой зоны» достигла и Индия, которая будет оплачивать в рупиях нефть, импортируемую из Ирана, позволив Центральному иранскому банку открыть счёт в рупиях в двух индийских банках. Как заметил бывший индийский посол Бхадракумар в статье в газете «Asia Times», «ирония судьбы заключается в том, что, введя санкции и эмбарго, США, и в особенности Европа открыли путь к недоверию, которое не только благоприятствует Китаю, но и увеличивает в Азии число стран бездолларовой зоны, позволяя им покупать нефть по более низким ценам и подталкивая их к всё более тесным финансовым отношениям, которые постепенно всё больше обходятся без международной валюты, то есть доллара» [8, с. 68-69].

Кроме того, идёт реформирование мирового рынка золота. На смену Лондонскому золотому фиксингу приходит аукцион, на который может быть допущено большее число участников, что будет отражать реальные результаты торгов на мировом рынке. В новых условиях возрастает роль КНР, которая планомерно скупает золото по всему миру, и, если китайские банки получат прямой доступ к процессу фиксинга, это выведет всю систему на качественно новый уровень [9, с.1].

Россия и Китай работают над созданием системы расчётов в юанях, которая позволит значительно расширить возможности взаимной торговли и инвестиций (в частности размещение облигаций федерального займа, номинированных в юанях). Тогда же в 2016 г. Банк России запустил расчётно-клиринговый центр по операциям в юанях, который будет способствовать созданию в Российской Федерации пула юаневой ликвидности, достаточного для обеспечения расчётов по торговым и финансовым операциям в китайской валюте [10, с.1].

Неслучайно 21 июня 2016 г. было подписано Соглашение об открытии в Пекине филиала Центрального Банка РФ, который будет развивать взаимодействие с НБК, а также министерствами и ведомствами Китая, обмениваться с ними информацией, содействовать исполнению двусторонних соглашений. Также в 2016 г. был подписан ряд документов по расширению сотрудничества России и Китая в финансовой сфере: противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма; сотрудничеству по кобейджинговым картам платежных систем НСПК и UnionPay, контролю над ценными бумагами и сотрудничеству в сфере страхования. Китайская газета «South China Morning Post» расценила открытие российского представительства как «важный шаг в создании валютного альянса

Москвы и Пекина, который должен ослабить роль доллара США в мировой финансовой системе, тем более что объём планируемого выпуска российских государственных облигаций в юанях составит 1 млрд долл. США» [11, с. 12].

Мировая финансово-экономическая система подвижна. На неё оказывают воздействие события в странах – крупнейших мировых игроках. Когда 11 августа 2015 г. Народный банк Китая внезапно понизил официальный курс юаня к доллару на рекордные за последние 20 лет 1,9% до 6,2298 юаня за доллар [12], это вызвало шок на мировых рынках и обвал на фондовых биржах. Дешеветющий юань делал доллар дороже, что, в свою очередь, вело к падению цен на сырьё, в том числе на нефть [13].

Ослабление Китая юаня вызвало снижение курсов валют стран Юго-Восточной Азии. Валюты Тайваня, Республики Корея, Сингапура, Австралии и Новой Зеландии подешевели на 1% и более. Азиатские государства восприняли решение Народного банка Китая как «конкурентную девальвацию», к которой обычно страны прибегают для повышения привлекательности своего экспорта, если он становится дешевле по сравнению с товарами и услугами стран с более дорогой валютой [14]. Зарубежные аналитики отмечали, что это первые последствия введения более гибкого режима обменного курса в Китае и движения юаня к полной конвертируемости.

Формально решение китайского Центробанка вполне соответствовало принятой в конце 2013 г. стратегии повышения роли рыночных механизмов в финансовой сфере экономики КНР. Либерализация курсообразования юаня и расширение его использования в мировых расчётах вошли в список ключевых экономических реформ, осуществляемых Госсоветом КНР. Было объявлено о смене макроэкономических приоритетов – от поддержки экспорта к повышению внутреннего потребления [15]. Спекуляции относительно развёртывания новой «валютной войны» вызвали биржевой кризис и ухудшение статистики по экспорту и промышленному производству.

США на протяжении последних лет последовательно критиковали Китай за несправедливо заниженный курс юаня. Дешёвый юань, указывало Министерство финансов США, позволяет КНР получать преимущества в торговле с США, наращивая профицит двусторонней торговли [16].

Сходное мнение высказал профессор ГУ-ВШЭ *Попов В.В.*, указав, что политика валютного курса – это не просто тактические меры, направленные на достижение баланса между внутренними и мировыми ценами, но может быть и стратегическим манёвром

занижения валютного курса для продвижения на мировые рынки товаров своей обрабатывающей промышленности. Несколько азиатских стран использовали такую курсовую стратегию для стимулирования экспорта изделий высокой степени обработки. Не случайно почти все быстрорастущие экономики в период бурного экспортно-ориентированного роста имели сильно заниженный валютный курс и быстро накапливали валютные резервы. Искусственно заниженный курс позволяет стимулировать экспорт, производство и сбережения через ограничение импорта и потребления. Такой была политика Японии, Республики Корея, Тайваня и Сингапура, когда они догоняли развитые страны; такова в последние десятилетия стратегия государств Юго-Восточной Азии [7, с. 100-101].

Темпы годового прироста 6,5-6,6% аналитики называют замедлением, но такие темпы прироста весьма велики: для большинства стран и с развитой, и с развивающейся экономикой и являются желанной целью. И шеф-аналитик ГК TeleTrade Пушкарёв П., делает вывод, что главными точками роста для китайской экономики будет переориентация промышленности на внутренний рынок, а также развитие партнёрских отношений в рамках АТЭС и двусторонних отношений с ближайшими соседями, в частности с Россией. Тем более, что у наших двух стран помимо топливно-энергетических проектов есть огромный потенциал развития экономических отношений и, в первую очередь, за счёт привлечения инвестиций в крупные инфраструктурные проекты» [17, с. 54].

Таблица 3 [18]

Процентные доли крупнейших мировых экономик в общем объеме мировых затрат на НИОКР (1980–2030 гг.)

	1981	1990	2000	2009	2020	2030
Китай	1.3	1.7	2.9	12.1	18	25
США	26.6	36.1	29.4	29.8	25	20
Япония	8.6	15.7	10.7	11.8	9	7
Россия	8.6	6.8	1.3	1.9	1.5	1.5

Источник: data for 1995–2008 were sourced from the World Bank, World Development Indicator 2010; data for 1980–1990 are the estimates by the author based on UN Comtrade Database, among which data for Russia 1980 and 1985 are estimates based on data for the former SU.

Прогноз на 2020-30 гг. Ху А.

Однако рост производства невозможен без массированного развития фундаментальной и прикладной науки, выработки и

внедрения в производство новых технологий. Эксперты отмечали, что КНР не только активно скупает лицензии на новейшие технологии, но и сама вкладывает громадные средства в их разработку и внедрение. В таблице 3 представлены реальные и прогнозные процентные доли крупнейших мировых экономик в общем объеме мировых затрат на НИОКР (1980–2030). С 2009 г. Китай опережает Японию и Российскую Федерацию, отставая от США.

В таблице 4 показано, что по процентной доле в общем объеме мирового экспорта высокотехнологичных продуктов с 2008 г. лидирует Китай, обогнав США, Японию и Россию.

Таблица 4 [18]

Процентные доли стран в общем объеме мирового экспорта высокотехнологичных продуктов

	1980	1990	2000	2008	2020	2030
Китай	0.03	0.6	3.7	19.7	25	30
США	26.1	22	19.6	13.4	10	8
Япония	15.2	15	11.5	6.4	5	4
Россия	3.3	0.3	0.4	0.3	1	1

Источник: data for 1995–2008 were sourced from the World Bank, World Development Indicator 2010; data for 1980–1990 are the estimates by the author based on UN Comtrade Database, among which data for Russia 1980 and 1985 are estimates based on data for the former SU. Прогноз на 2020-30 гг. Ху А.

Однако по вкладу в общемировую НИОКР Китай пока ещё отстает от США (см. таблицу 5).

Таблица 5 [18]

Доли крупнейших мировых экономик в общемировом объеме НИОКР в 1980–2030 гг. (в % по годам)

Страны	1980	1990	2000	2009	2020	2030
Китай	0.2	1.3	3.7	10.9	18	25
США	39.7	34.9	28.6	29.0	24	20
Япония	7.2	7.6	9.6	6.7	5	4
Россия	5.7	6.2	3.3	2.6	2	2

и отстает от Японии и США по численности патентных заявок.

Таблица 6 [18]

Доля численности патентных заявок для пяти крупнейших экономик мира в 1980–2030 гг. (в % от мирового показателя)

	1980	1990	2000	2008	2020	2030
Китай		0.9	3.1	18.2	25	35
США	12.4	13.4	20	21.7	15	12
Япония	33.1	49.2	46.6	30.9	22	17
Россия	33	16.7	2.8	2.6	2	2

Источник: Thomson Reuters, Web of Science; Jo. Adams, Ch. King, N. Miyairi, and D. Pendlebury, Global Research Report: Japan, Thomson Reuters Global Research Report Series, 2010; прогноз на 2020-30 гг. Ху А.

В 2007 г. Китай практически догнал США по количеству учёных и инженеров, занятых в сфере НИОКР на условиях полной занятости (в % от мирового показателя).

Таблица 7 [18]

Количество учёных и инженеров, занятых в сфере НИОКР на условиях полной занятости (в % от мирового показателя)

	1995	2000	2005	2007	2020	2030
Китай	10.2	10.1	13.5	19.7	30	35
США	18.3	18.4	16.5	19.8	15	12
Япония	18.4	15.2	12.3	14.6	10	8
Россия	10.5	7.3	5.6	6.5	5	5

Источник: доклад Ху Аньгана в ИДВ РАН 02.02.2012 г.

В 2014 г., по оценке МВФ, КНР вышла на первое место в мире по размеру ВВП по паритету покупательной способности, обойдя по этому показателю США. Одновременно Китай обошёл Америку, нарастив объём внешней торговли на 2,3%, до 26,4 трлн юаней (4,3 трлн долл. США). Инфляция в КНР составила всего 2% при одновременном снижении цен производителя на 1,9%, несмотря на продолжение роста денежной массы (все денежные обязательства, ценные бумаги, акции, облигации и т.д.) на 12,2% до 122,8 трлн юаней (19,8 трлн долл. США) или почти до 200% ВВП (один из самых высоких показателей в мире). Столь низкий показатель инфляции даже в условиях крайне высокой монетизации китайской экономики, на которую эксперты часто указывают как на фактор риска, объясняется постоянным ростом инвестиций в производственные фонды и

увеличением производства, ориентированного не только на внутренний, но и на внешний рынок [19, с. 63].

В сфере бюджетной политики Китай сохранил низкую долю расходной части бюджета относительно ВВП – 24,2%, хотя и при некотором увеличении бюджетного дефицита – до 1,62 трлн юаней (260,8 млн долл.). Одновременно на 12%, до 26,2 трлн юаней (4,2 трлн долл.) вырос объём розничной торговли, 2/3 которого обеспечивают жители городов и посёлков. При этом впервые с середины 1980-х годов среднедушевые доходы сельского населения стали опережать доходы горожан [19, с. 63].

Однако ряд специалистов указывает, что не только достижения, но и риски сосредоточены вокруг Китая, его деятельности и экономической экспансии. По мнению экспертов, для того, чтобы юань мог успешно противостоять доллару, Китаю надо устранить ограничения на трансферт капитала, ввести свободный обмен валют, повысить волатильность собственного рынка облигаций. Все это может занять около 10 лет [20, с. 12].

По заявлению премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна, сделанному в марте 2015 г., Китай приближается к странам со средним уровнем дохода на душу населения и его экономика замедляется, что становится новой нормой. Но, как считают (некитайские) эксперты, речь идёт не просто о стабилизации, а о болезненном для Китая процессе, напоминающем рецессию. В небольших китайских городах появились закрытые заводские цеха с брошенным оборудованием, нераспроданные новостройки, экономящие потребители. И если до 2010 г. ВВП Китая в течение 30 с лишним лет рос в среднем более чем на 10% в год, а в 2007 г. темпы роста, достигнув пика в 14,2%, то теперь темпы постепенно начали снижаться. Избыток инвестиций, вызвавший переизбыток мощностей, как в производстве, так и на рынке недвижимости; стремительный рост долга, за счёт которого эти инвестиции делались; снижение спроса на китайский экспорт из-за медленного развития мировой экономики и падение конкурентоспособности китайских товаров, в т.ч. в результате роста затрат на рабочую силу, тормозит китайскую экономику [21].

Аналитики *Citigroup* отмечают, что китайские власти пытаются изменить модель роста, сделав основным двигателем развитие внутреннего рынка и секторов «новой экономики», включая технологии, современные виды промышленного оборудования (робототехнику), транспорта, производства электроэнергии, но на эти секторы приходится лишь 15% совокупной выручки производственной отрасли, и они не могут компенсировать замедления в традиционных секторах промышленности КНР, хотя и растут быстрее этих отраслей.

А аналитики *Morgan Stanley Investment Management* указывают, что риски дальнейшего падения темпов роста экономики КНР остаются: процесс сокращения избыточных мощностей и неэффективно использованного капитала уже снизили долгосрочный тренд роста ВВП и корпоративных прибылей. Дальнейшее замедление роста китайской экономики может привести к падению темпов роста в мировой экономике ниже 2%, что считается рецессией [1, с. 30].

Среди этих пессимистичных высказываний выделяется мнение заместителя директора Института Дальнего Востока РАН *Островского А.В.*, который считает, что нынешнее замедление экономики КНР не приведет к «жёсткой посадке», по крайней мере, в ближайшие 5-10 лет, т.к. КНР имеет сильные макроэкономические показатели – сохранение высоких на общемировом фоне темпов роста, стабильную финансовую систему, умеренность государственного долга, значительные средства предприятий и населения в банковской системе, служащие хорошей подушкой безопасности, а также способность китайских властей оперативно и эффективно решать возникающие проблемы. Серьёзный кризис в Китае возможен позже, если власти не найдут способов решения долгосрочных проблем, лежащих в области демографии, энергобезопасности и экологии. Более того, согласно текущим планам, уже к 2020 г. в стране должно быть построено общество «сяокан» («малого благоденствия»), а к 2030 г. – общество «фууй» («всеобщей зажиточности»). Но, как отмечает Островский А.В., достичь этих целей получится, если китайские власти смогут найти ключ к решению тех самых фундаментальных проблем, уже встающих перед Поднебесной в полный рост [19, с. 62, 64].

Какой же должны быть внешняя политика России в данных условиях? На наш взгляд, методологическое значение при выработке стратегии и тактики российской внешней политики имеет суждение, высказанное академиком РАН *Примаковым Е.М.*: «Не нужно никого бояться. Нам нужна разнонаправленная политика. Мы не можем делать ставку только на Европу или Китай. Так же, как не следует всё внимание уделять США. Следует исходить, что *Россия – один из полюсов складывающегося многополярного мира*. Её сила и влияние в этом мире во многом зависят от того, будем ли мы успешны в построении многовекторной внешней политики» [22, с. 18].

При характеристике лидеров в АТР эксперты отмечали увеличение роли Японии, которая, по их оценкам *в 2006 и 2007 гг.* (61% и 62%), опередила США и сохранила за собой второе место и *в 2008-2011 гг.* (51% и 41%). Землетрясение, цунами, а затем авария на АЭС «Фукусима-1» в марте 2011 г. поставили Японию в

затруднительное положение, но эксперты высказали мнение, что Япония сможет мобилизоваться и преодолеть трудности.

Эксперты указывали, что роль Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском регионе стала меньше, чем роль Китая, Японии и США. В качестве лидеров (главных игроков) в АТР и Южной Азии в 2005-2016 гг. эксперты назвали страны, представленные в таблице 8, в которой чётко фиксируется изменение позиций ведущих государств по степени влияния в Северо-Восточной Азии и АТР в целом. Как уже отмечалось экспертами в 2005 г., в регионе шла активная борьба за доминирование между США и КНР. Тогда Китай стремительно догонял США, что ему успешно удалось, о чём свидетельствуют ответы экспертов, и стал лидером в СВА.

Таблица 8

Важнейшие игроки в Северо-Восточной Азии (в % по годам)

Страны	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
США	1) 84	3) 56	3) 51	3) 47	3) 37	3) 34	3) 47	2-3) 31	2-3) 30	3) 41	3) 40	3) 40
КНР	2) 72	1) 86	1) 87	1) 100	1) 100	1) 90	1) 95	1) 96	1) 95	1) 93	1) 92	1) 92
Япония	3) 48	2) 61	2) 62	2) 51	2) 41	2) 37	2) 54	2-3) 31	2-3) 30	2) 43	2) 43	2) 43
Россия	4) 32	4) 42	4) 43	4) 38	4) 24	4) 25	4) 23	4) 18	4) 17	4) 15	4) 14	4) 14
Респ. Корея	5) 28	5) 24	5) 24	5) 18	5) 15	5) 12	5) 19	5) 17	5) 16	5) 14	4) 14	4) 14

Активное развитие вывело в 2006 г. на второе место Японию, передвинув США на третье место по значимости и влиянию в СВА. Несмотря на кризис в 2008-2009 гг. и катастрофу в 2011 г. Японии удалось сохранить эту позицию. Показательно мнение представителей японского банковского капитала: «Японии нужно быть эффективной и технологически передовой, так как у неё 127-миллионное население, нужно сырьё для промышленности и продовольствие». В 2012-2013 г. Япония разделила с США 2-3 места, а в 2014 г. она снова вышла на 2 место (43%), на котором осталась и в 2015-2016 гг.

Вот *мнение китайских экспертов* (2005-2016 гг.): «Сильные державы в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе – это КНР (в политическом, экономическом, военном отношении), Россия (великая держава с колоссальным потенциалом и природными,

а также военными ресурсами), Южная Корея, Япония, Индия. США хотят быть лидером в регионе, но они везде хотят быть лидером».

Интересна цитата из журнала «Хепин юй фачжань» («Мир и развитие») № 3 за 1996 г. о роли России: «Россию следует анализировать в долговременном плане. Её сегодняшняя (1996 г.) деградация носит относительный характер, характер абсолютный имеет её научно-технический потенциал, мощная индустриальная база, богатые природные ресурсы, мощные вооружённые силы, превосходные географические условия и высокое качество населения» [23, с. 4].

Даже, делая поправку на традиционный восточный менталитет при характеристике китайцами своих партнёров, в сотрудничестве с которыми китайская сторона заинтересована, следует отметить, что, по результатам экспертных опросов 2005-2016 гг. количество ответов по оценке такого значимого для безопасности России риска, как «деградация российского Дальнего Востока» снизилась с 24% в 2006 г. и 38% в 2007 г. до 3% в 2010 и 2011 гг., а с 2012 г. – сошло на нет.

Относительно роли США в АТР экспертами высказывались следующие мнения:

– академик РАН *Титаренко М.Л.* подчёркивал, что характерной чертой современной обстановки в мире является относительное ослабление позиций самого мощного и влиятельного государства – США;

– в Северо-Восточной Азии, на взгляд ряда российских и зарубежных экспертов, роль США снизилась не только в связи с финансово-экономическим кризисом, но и потому, что у США в определённый период произошла переориентация с Дальнего Востока и СВА на Ближний Восток, где они сначала увязли в Иракской компании, а затем – в Афганистане и Сирии.

Мнение *американской стороны* иное, оно отражено в концепции «возвращения США в Азию» в новой тихоокеанской стратегии США, которую 12 января 2010 г. в Гонолулу изложила госсекретарь Клинтон Х. Главный смысл этой стратегии в том, что США намерены вернуть себе лидирующую роль в АТР. Сделать это предполагается в опоре на союз с Японией и другими традиционными союзниками США в АТР, на американское военное присутствие в регионе в лице мощной группировки ВМФ и ВВС, сил передового базирования, а также созданной в Восточной Азии разветвлённой системы ПРО ТВД. С 2010 по 2016 гг. США неоднократно заявляли, что намерены активизировать свою роль в региональных организациях АТР, в т.ч. вступив в те из них, в которых США не участвовали [23, с. 19].

Интересно затронуть высказывания относительно взаимоотношений США и России президента США Трампа Д. до и после избрания его на этот пост. Так, относительно экономических санкций против РФ Трамп Д., будучи кандидатом на пост президента США, высказывался следующим образом: «Это (Крым) в большей степени проблема Европы, нежели наша. И Европа при этом не жалуется столько, сколько мы. Я понимаю, если бы европейцы приходили к нам и просили нашей помощи, но в реальности они не делают этого. Они продолжают вести дела в России, берут российский газ, российскую нефть... Это именно мы делаем из всего этого большую проблему... **Всё берут на себя Штаты – как будто мы мировой полицейский.** Мы бы поладили с Путиным. Я бы сумел вести дела с Россией. В России он (Путин) обладает бешеной популярностью, они обожают всё, что он делает. Я был в Москве два года назад и могу Вам сказать: **«С этими людьми можно иметь отношения, и даже хорошие. С ними можно вести дела.** Вот только Обама на это не способен [24].

А вот мнение российских СМИ о новом президенте США: «Трамп казался глотком свежего воздуха, символом грядущих перемен к лучшему в отношениях между РФ и США...» [25].

Во время пресс-конференции с журналистами на вопрос: «Намерен ли он жёстко отвечать на такую вопиющую российскую провокацию как появление российского военного корабля в **международных водах** недалеко от американского побережья?» Трамп ответил: «Лучшее, что я мог бы сделать – это стрелять по кораблю, который появился в тридцати милях от берега. Все бы в нашей стране сказали: «О! Это так здорово!» Это не здорово. Я хочу делать правильные вещи для американцев. И, если честно, во вторую очередь, я хочу делать правильные вещи для всего мира [25].

Тогда эксперты задавались вопросом: «Даст ли государственная и политическая система США Трампу возможность делать эти правильные вещи»? В российских СМИ высказывалось мнение, что у Трампа не хватает политических ресурсов для разворота американской политики в сторону России. С другой стороны, скептики спрашивали: «А хочет ли президент США делать эти правильные вещи, или это только красивые фразы, прикрывающие реальную внешнюю политику Америки, которая становится в настоящий момент ещё более агрессивной, чем при Обаме? Чтобы не питать напрасных иллюзий о возможности улучшения отношений между Россией и США в период правления Трампа Д. и избежать горьких разочарований впоследствии, следует учитывать, что президент США будет прагматично действовать только в интересах своей страны и не иначе. На пресс-

конференции с главой НАТО Столтенбергом Трамп Д. выразил надежду на то, что Белый дом и Кремль наладят отношения в ближайшем будущем: «Было бы здорово, если бы НАТО и США смогли бы поладить с Россией. Потому, что сейчас мы не ладим совсем», указав, что на текущий момент наши отношения находятся на самом низком уровне и добавив: «Россия является сильной страной. Но США – очень-очень сильная страна. Посмотрим, как мы сумеем договориться» [26].

Заявив об изменении государственного курса и акцентировав внимание на внутреннем развитии страны в отличие от глобальных проектов предшествующего периода, Трамп Д. провозгласил целью подъём американской экономики и создание новых рабочих мест для населения, сокращение расходов, указав, что партнёры США должны вносить больше средств на обеспечение своей безопасности. Будущее покажет, насколько концепции политической деятельности президента США окажут влияние на внешнеполитический курс его страны, на международные отношения в целом и отношения между США и РФ.

К годовщине встречи на Эльбе Американским университетом в Москве была подготовлена подборка высказываний крупных важности реалистичной и сдержанной Дж. О'Нил-младший напоминал о давней традиции американского невмешательства со времен отцов-основателей. Дж. Вашингтон советовал потомкам избегать «иностранных альянсов и интриг, проявлять добрую волю и соблюдать справедливость по отношению ко всем государствам, поддерживать мир и согласие со всеми» [27].

Что же происходит при отступлении от политики невмешательства? Дж. О'Нил-младший, резюмирует: «Когда Америка проигнорировала эти мудрые советы, результатом стало множество негативных последствий, поэтому всё больше людей стремится напасть на нас и уничтожить». Его вывод: «Мы – серьёзные американцы заинтересованы в содействии адекватному поведению нашего правительства и стремлению к миру и процветанию. Постоянные войны истощили Америку, и мы намерены положить конец расточительству и уничтожению не только нашей страны, но и других. Стремление к улучшению отношений с Россией и остальным миром является частью благородной американской традиции Вашингтона, Адамса, Эйзенхауэра и др.» [27].

Однако россиянам не следует питать иллюзии относительно быстрого улучшения российско-американских отношений. В этой связи показателна кампания США против отмывания грязных денег. Так фирма «Prevezon Holding» Д. Кацыва, вице-президента РЖД, подозревалась американской стороной в отмывании 230 млн долларов,

якобы похищенных из бюджета России. Часть этих средств, как считали в США, была присвоена у фонда Hermitage Capital, юристом которого был С. Магницкий, скончавшийся в московском СИЗО в 2009 г. Был инициирован судебный процесс. Итог своеобразен: «Prevezon Holding» договорилась с властями США до суда и достигла досудебного соглашения по акту Магницкого, инициированного в США в 2012 г. Американцы согласились отказаться от претензии в адрес этой компании, базирующейся на Кипре, в обмен на выплату 5,9 млн долл. [28].

Если бы американцы смогли доказать вину подозреваемых и наказать виновных, тогда получилась бы совсем другая картина, а так, складывается впечатление, что, видя, что они не могут доказать вину и взыскать с компании огромный штраф, американская сторона удовольствовалась значительно меньшей суммой. Ну, а мы вернёмся к результатам нашего экспертного опроса в АТР и рассмотрим ответы экспертов на вопрос: «Какие альянсы и международные организации в АТР являются наиболее эффективными?» (см. таблицу 9).

Таблица 9
Альянсы и эффективные международные организации в АТР (в %)

Ответы экспертов	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
– Япония – США в противовес усилению КНР	52	56	56	13	17	10	13	5	5	6		
– возрастающий Китай и восстанавливающаяся РФ	32	28	21	13	13	14	16	24	18	18	16	16
– важнейший треугольник КНР – РФ – Япония	16	4	3	8	3	3	2					
– важнейший треугольник КНР – РФ – США		8	18	17	10	3	3	1				
– важнейший треугольник РФ – КНР – Индия		15	15	17	10	12	11	1				
– США – Респ. Корея	4	24	24	6	9	6	7	3	2	2		
– США – Тайвань	8	20	21	2	3	3	3					
– АСЕАН			21	23	33	32	50	48	56	60	62	62
– АТЭС			8	10	6	12	33	31	40	45	45	45
– ШОС			8	8	10	9	21	35	35	35	37	37
– АРФ								17	19	22	22	22
– БРИКС								17	17	17	16	14

Самыми действенными и эффективными международными организациями в АТР в 2015-2016 гг. эксперты назвали: АСЕАН в

Юго-Восточной Азии – 62% (в 2007 г. – 21%), АТЭС – 45% (в 2007 г. – 8%), ШОС в Северо-Восточной Азии – 37% (в 2007 г. – 8%).

АСЕАН – одна из наиболее успешных региональных международных организаций. В 2017 г. она отметила своё 50-летие. Эксперты указывают, что «ассоциация превратилась в базовую структуру многостороннего сотрудничества в Юго-Восточной Азии, вплотную приблизившись к реальному воплощению своего лозунга «Единство в многообразии». Она стала влиятельным центром притяжения в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как в политической, так и в экономической сферах, явилась инициатором создания Регионального форума АСЕАН по вопросам безопасности (АРФ). В экономической области страны Ассоциации проводят линию на интеграцию и либерализацию Юго-Восточной Азии на базе Соглашения о создании Зоны свободной торговли АСЕАН (АФТА), Рамочного соглашения о Зоне инвестиций в АСЕАН (АИА) и Схемы промышленного сотрудничества (АИКО) [29, с. 5,7].

Поведенческие нормы этой организации («путь АСЕАН»), обеспечившие ей жизнеспособность, проистекают из двух индонезийских концепций: *диалога* – «*мушаварах*» и *консенсуса* – «*муфакат*». основополагающим для «пути АСЕАН» является принцип невмешательства во внутренние дела членов организации, основанный на безусловном признании незыблемости государственного суверенитета. АСЕАН превратилась во влиятельного игрока в региональном и мировом масштабе. Вокруг ассоциации, объединяющей 10 стран ЮВА с населением около 600 млн человек, разворачиваются всё более интенсивные интеграционные процессы. Ведущие мировые державы стремятся к установлению тесных связей с АСЕАН. Хартия АСЕАН направлена на создание эффективного механизма сотрудничества и координации стран ЮВА и на выстраивание сбалансированных отношений с соседями, не входящими в ассоциацию [29, с. 3, 5].

АТЭС названа также как организация-лидер. Уже в 2010 г. на её участников приходилось 54,9% мирового ВВП, 47,1% объёма мировой торговли и более 39,9% населения земного шара. Эта организация разрабатывает правила и нормы торговли, инвестиционно-финансовой активности в регионе, отражая общемировую тенденцию интернационализации хозяйственной деятельности государств [30, с. 146; 31, с.17].

При ответе на вопрос: «Между какими странами имеется противостояние в Азиатско-Тихоокеанском регионе (в СВА и ЮВА)?» эксперты характеризовали взаимоотношения государств региона по следующим критериям: конкуренция, противостояние, сотрудниче-

ство, альянс или союз и выявляли сферы, в которых имеются противоречия между странами в АТР. И если в 2011 г., анализируя коалиции в контексте безопасности в АТР, 13% экспертов указывали, что США имеют прочный альянс с Японией, который будет усиливаться в качестве противовеса усилению КНР. В 2014 г. таких ответов было 6%, а в 2015-2016 гг. их вообще не было получено.

Кроме того, хоть США имеют договор о военной помощи с Тайванем в случае, если Китай начнет против него военные действия, сами китайские эксперты, начиная с 2009 г. отмечали, что Тайваньская проблема – уже не риск, и в настоящий момент у КПК и Гоминьдан сложились хорошие отношения.

В то же время китайские эксперты высказали мнение, что нельзя медлить с созданием в Азиатско-Тихоокеанском регионе предупредительной дипломатической системы и конструкции безопасности. *Ши Цзэ*, научный сотрудник Китайского института международных проблем, указывал, что, будучи важными державами этого региона, Китай и РФ должны идти вперед рука об руку, а углубление, расширение и понимание значимости сотрудничества в этом регионе окажет позитивное и глубокое влияние на сохранение и расширение их интересов, а также на продвижение здорового развития региональной и мировой ситуации в целом» [32, с. 25].

По мнению ряда экспертов, внешнеполитическая обстановка в АТР осложняется проблемой взаимоотношений двух Корей и наличием ядерного оружия у КНДР, которое несёт угрозу региону, так как за ним нет контроля и, если Северная Корея будет поставлена в безвыходную ситуацию, она может его применить. Эксперты из Вьетнама, Индии и Китая на протяжении всего периода проведения опросов оценивали ядерное оружие КНДР как возможность для этой страны защитить свою безопасность и выторговать более удобные энергетические условия.

Все эксперты отмечали, что *корейская проблема* включает ядерную составляющую, политические аспекты и социально-экономические вопросы Корейского полуострова в целом. Сложность ситуации заключается в бесконтрольности и непредсказуемости режима КНДР. В декабре 2011 г. после смерти Ким Чен Ира высказывались опасения, что смена руководства в Северной Корее может привести к дестабилизации ситуации в СВА. Японские эксперты заостряли внимание на том, что «корейская ядерная угроза» – самая большая опасность для Японии, так как в случае военного конфликта первый удар придётся по их стране [5, с. 25].

Кроме того, в регионе практически между всеми странами имеются территориальные споры и претензии. Очень непростые

отношения между Китаем и Вьетнамом, Японией и другими странами региона обусловлены жёсткой конкуренцией за углеводородные ресурсы в Желтом, Восточно- и Южно-Китайском морях.

Ответы на вопрос «Каково для Российской Федерации значение Дальнего Востока?» (см. таблицу 10) показывают не только знание и понимание проблемы, поставленной в вопросе, но и собственную позицию экспертов, и позицию их стран по отношению к суверенитету и неприкосновенности границ России на Дальнем Востоке, возможности сотрудничества стран региона, в том числе по освоению природных ресурсов.

При ответе на этот вопрос большинство экспертов отмечало, что Дальний Восток – это стратегически важный для РФ регион и в плане экономики, и в плане безопасности: «Без Дальнего Востока – это уже не Россия. Выход на Тихий океан делает РФ «глобальной» державой, потенциально претендующей на лидерство в этом регионе именно по причине того, что она принадлежит и к Европе, и к Азии: имея влияние в Европе, переносит его на Азию. И – наоборот». Задачу РФ относительно Дальнего Востока эксперты сформулировали следующим образом: *«держатъ – не отдавать – развивать»* [5, с. 31].

Российские военные эксперты отмечали: «Дальний Восток – это наша «нога» в Азиатско-Тихоокеанском регионе, с которым, так или иначе, будет во многом связано наше будущее. Чтобы быть государством АТР, мы просто обязаны там присутствовать, даже не имея сейчас видимых плюсов от этого. Достаточно обозначать своё присутствие, коль не хватает сил и ресурсов для развития региона».

Корейские эксперты акцентировали внимание на том, что «Россия – евроазиатская держава, и она не должна забывать об этом – в этом её величие. Она будет великой державой, если будет помнить о значимости восточного направления своей внешней политики. В настоящий момент существует диспропорция: Россия больше обращена на Запад, а к окраинным Дальневосточным регионам относится как обременительным и ненужным.

Они указывали, что РФ необходимо обратить внимание на Восток, в том числе на свои дальневосточные регионы с их природными богатствами. Сейчас эти регионы находятся в запустении, идет их обезлюдение, что вызывает тревогу у одних соседей России, в то время как Китай с его избыточным населением осуществляет ползучую экспансию в эти регионы, которые РФ может потерять» [33, с. 106-107]. Сходную позицию занимали *американские эксперты*, указывавшие, что Россия, хоть и географически является евроазиатской страной, больше ориентирована на Европу, чем на Азию, а

её дальневосточные территории чаще и больше контактируют и ориентируются на своих восточных соседей, чем на Москву.

Таблица 10

Значение Дальнего Востока для Российской Федерации (в %)

Ответы экспертов	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1. Дальний Восток – это стратегически важный регион для экономики и безопасности РФ	92	92	91	63	69	66	54	87	88	93	94	94
2. С потерей Дальнего Востока или его части начнется дезинтеграция и распад РФ	26	24	24	26	15	3	2	2				
3. Без Дальнего Востока это уже не Россия	21	24	27	19	15	3	3	3	2	3	2	2
4. Сюда смещается эпи-центр мировой геополитики в связи с растущим потенциалом КНР		16	12	7	3							
5. РФ может оказаться под растущим давлением Пекина и Токио		8	8	7	3							
6. У РФ нет средств и сил для развития Сибири и Дальнего Востока, которые есть у Японии, КНР, США и Респ. Корея и поэтому они вместе должны осваивать эти территории и минеральные ресурсы	8	8	9	14	3	3	3					

Российские военные эксперты акцентировали внимание на характеристике геостратегической ситуации в регионе: «Ситуация на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе близка к поддержанию статус-кво: каждый из значимых игроков достаточно чётко обозначил свои интересы и старается не выходить за эти границы. Всплески активности (китайско-российские учения, визиты в Индию, китайские акции в отношении разведывательных самолетов США, беспилотников и морских дронов) – это только «разведка боем» позиций других сторон, кто и как отреагирует. Нежелательно допускать создания военных блоков в регионе: это может привести к срыву достигнутого баланса сил и интересов.

Все перечисленные оси, угрозы и риски потенциально реальны, хотя развитие их по пути обострения отношений и доведения до

стадии открытого военного конфликта маловероятно. И российские военные аналитики указывают, что возможен вариант вялотекущих политических конфликтов, типичный для азиатского типа государственного менеджмента и азиатского менталитета (много кричать, предупреждать, но воздерживаться от конкретных шагов, выжидать удобного момента, образно говоря, «наблюдая с горы за схваткой тигров» или, дожидаясь, «когда по реке проплывет труп твоего врага») [1, с. 40].

Экспертный опрос также включал вопросы, по характеристике статуса и места Российской Федерации в АТР, роли, которую она играет в регионе. Эта характеристика делается в динамичной форме, так как экспертов просили указать, какие значимые изменения произошли в АТР.

Ответы на вопрос «Какова роль России в Азиатско-Тихоокеанском регионе?» очень важны, так как лица, принимающие решения в российском государстве по активизации внешней политики России в восточном направлении (её политической, военной, внешнеэкономической и особенно энергетической составляющих), должны иметь полную и достоверную информацию, что называется «из первых уст», какой видится наша страна и её внешнеполитические действия странам АТР, и особенно лицам, принимающим решения в этих странах, ведь их решения могут способствовать реализации российской Восточной стратегии или наоборот затруднить её осуществление.

Исходя из ответов на этот вопрос, лица, принимающие решения в России, могут предпринимать соответствующие действия, чтобы улучшить имидж Российской Федерации на международной арене, расширить знания соседних государств Азиатско-Тихоокеанского региона о нашей стране, чтобы её внешнеполитические шаги были понятны соседям и не вызывали у них страха или опасений. Кампания по улучшению имиджа России за рубежом не возможна без привлечения средств массовой информации, поэтому в состав экспертов были введены ведущие журналисты из РФ и стран АТР.

Эксперты в 2006 – 2007 гг. указывали, что в период жёсткого противостояния США и СССР важнейший треугольник в регионе был США – КНР – СССР, а в настоящий момент этот треугольник составляют США – РФ – КНР, в котором Россия играет ту роль, которую играл Китай в период противостояния США – СССР. Большая часть зарубежных экспертов (у большинства российских экспертов их позиция не поменялась) считает, что за постсоветский период РФ утратила в регионе многие позиции, которые занимал СССР.

Часть экспертов была настроена пессимистично и указывала, что РФ не имеет долговременной стратегии в Северо-Восточной Азии и АТР и что у неё нет ни сил, ни средств, чтобы вернуть себе прежнее влияние в регионе, тем более что конкуренция со стороны сопредельных и нерегиональных государств очень высока.

Другие считали, что есть шанс изменить ситуацию за счёт энергетических проектов. Так, Митрова Т.А., из ИНЭИ РАН отмечала: «Нам, с одной стороны, повезло больше других. РФ, располагающая менее 3% населения и около 13% территории мира, имеет при этом 12-13% прогнозных ресурсов и около 10% разведанных запасов нефти, 42% ресурсов и 34% мировых запасов природного газа. *Россия – углеводородная* (и, в первую очередь, газовая) *кладовая планеты. Но позиция гигантского сырьевого пирога* – это наименее почётная, а при определённом раскладе сил и просто опасная роль. Досадно было бы все наши географические и геологические преимущества свести к функции сырьевого придатка и не воспользоваться благоприятными внешними обстоятельствами» [34, с. 26].

Китайские эксперты в 2009-2016 гг. указывали, что усиление российских геополитических позиций возможно при стратегическом партнёрстве с Китаем, и давали следующую характеристику РФ: «Россия крупнейшая страна с колоссальным потенциалом, природными и военными ресурсами, хотя значительно меньшими, чем были у СССР. США и Япония хотели бы, чтобы РФ распалась на малые государства».

Ли Чуаньсюн, директор Института России Хэйлунцзянского университета также подчёркивал, что главным партнёром в энергетике Китай считает Россию.

Лян Яньци, генеральный директор филиала КОО «СИНОПЕК Зарубежная Нефть и Газ, Лтд» на Московском международном энергетическом форуме «ТЭК России в XXI веке» в апреле 2011 г. высказал мнение: «У России высокий статус. В 50-60-е годы XX века у нас были братские отношения, потом последовал разрыв, сейчас отношения хорошие, но старшее поколение до сих пор болезненно воспринимаем этот разрыв. Мы хорошо понимаем, что великая Россия является не просто «ресурсным государством», а скорее «энергетической супердержавой», экономическим и политическим гигантом, располагающим благоприятной гуманитарной обстановкой и высококвалифицированными техническими кадрами...

Компания «СИНОПЕК», обладая передовыми технологиями в области освоения, разведки и переработки углеводородных ресурсов, значительной финансовой мощью, солидным производственным потенциалом, богатым управленческим опытом, способна внести свой

вклад в экономическое и энергетическое развитие России, взаимовыгодное сотрудничество на основе обмена опытом, будь то разведка и освоение, переработка и производство, или же совместное инвестирование и технологический сервис, как на территории РФ, так и за её пределами. Компания «СИНОПЕК» заинтересована развивать энергетическое сотрудничество со всеми российскими нефтяными предприятиями в многообразной форме с единственной установкой на взаимовыгодность [1, с. 6].

Близкое мнение высказали и другие китайские эксперты: «Наши отношения базируются полностью на равноправии, взаимном уважении, наше доверие укрепляется. Нужно исходить из общих интересов, а не только интересов одной страны. Стратегическое сотрудничество между Россией и Китаем будет влиять на развитие всего мира». Эксперты отмечали, что российско-китайские политические отношения неизменно сохраняются на высоком уровне:

– в 1992 г. Китай и Российская Федерация относились друг к другу как к «дружественному государству»;

– в 1994 г. обе страны создали и в 1996 г. официально установили партнёрские отношения «стратегического взаимодействия»,

– в 2001 г. подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве,

– в 2005 г. были разрешены пограничные споры между КНР и РФ,

– в 2011 г. во время визита в Москву Председателя КНР Ху Дзиньтао было подписано «Совместное заявление о международной ситуации и важных международных вопросах» [32, с. 24].

«Россия сильна своим уровнем развития энергетики, – так охарактеризовал роль нашей страны Тянь Чуньшэн, заместитель председателя Китайского научного общества по изучению экономик России, Восточной Европы и Центральной Азии. – Это как раз то, в чем нуждается Китай. Обе страны являются соседями, и ни у кого не возникает сомнения, что энергетическое сотрудничество не только станет новым направлением развития российско-китайской торговли в будущем, но и важнейшей точкой опоры в процессе реализации роста торговли между двумя странами» [35, с. 27].

Российские эксперты отмечали, что деловая активность Китая особенно заметна в энергетической сфере: «Крупнейшие китайские компании стремятся получить возможность доступа к сырьевым проектам по всему миру. В одних странах китайцы получают долгосрочные концессии, в других – покупают акции местных компаний, третьим предоставляют кредиты под гарантии поставок сырья. Российские сырьевые ресурсы территориально наиболее приближены к Китаю, поэтому в долгосрочной перспективе расширение

сотрудничества с Россией – это приоритет № 1 для китайских компаний» [36, с. 15].

Российские эксперты подчёркивали: «Так как в военном и экономическом отношении Россия утратила позиции СССР, она должна это компенсировать дипломатией и своевременными адекватными тактическими ходами при чёткой и взвешенной стратегии. Внешняя политика РФ должна быть прагматичной, направленной на осуществление собственных интересов, менее идеологизированной и политизированной. Российские минеральные и энергетические ресурсы, экономический потенциал и огромный рынок являются позитивным фактором для развития региона».

Корейские эксперты отмечали, что роль Российской Федерации важна для удержания мира от военного конфликта на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. В разрешении Корейской проблемы: только Россия выступает за воссоединение двух Корей, Япония и Китай – против, так как опасаются её усиления, а США ещё не заняли окончательной позиции. Но южно-корейские эксперты указывают, что РФ сдержанно относится к сотрудничеству с Республикой Корея. Возможно, ей мешают амбиции для адекватного восприятия: «Да, Республика Корея – маленькое государство в территориальном отношении, но экономически развитое и технологически продвинутое, и тесное сотрудничество между РФ и Республикой Корея принесло бы большую пользу обоим странам».

Эксперты из Брунея указывали, что РФ может сыграть роль балансёра между США и КНР и стабилизирующего фактора в сфере экономики, энергетики, безопасности, а российские эксперты (в том числе дальневосточники) уточняли, что российские минеральные и энергетические ресурсы, её экономический потенциал и огромный рынок являются позитивным и стабилизирующим фактором для развития АТР, но необходимо организовать поставки углеводородов по экономически обоснованным ценам.

Ряд экспертов считает, что ситуация на Дальнем Востоке изменилась в положительном направлении по сравнению с периодом СССР, так как мы ушли от чёткого противостояния США – Япония – СССР и от чётко выраженных враждебных отношений с Китаем перешли к стратегическому партнерству с ним.

Относительно *роли России в АТР* разброс мнений экспертов был велик на протяжении всего периода опросов: 38% в **2005 г.**, 19%, – в **2010 г.** 7 % – в **2014 г.** и 5 % – в **2015-2016 гг.** – отмечали, что РФ может быть сильным партнёром только в качестве балансёра для стабилизации развития региона, поддержания мира и предотвращения

военных конфликтов, обеспечения энергетической безопасности и экономического сотрудничества. То есть её потенциала недостаточно для единоличных действий, сила будет только в альянсе, и здесь всё зависит от того, насколько правильно будет построен альянс и выбраны партнёры;

– 36% в 2005 г., 68% в 2014-2015 гг. и 70% экспертов в 2016 г. указывали, что Россия утратила в регионе позиции, которые занимал СССР, сейчас у неё в АТР гораздо меньший потенциал;

– 4 % в 2005 г., 16% в 2008 г. и 6% в 2012 г. – оценивали Россию как игрока средней руки, менее важного, чем США, Китай и Япония, но более важного, чем Республика Корея, уточняя, что сила России может быть в коалиции с Китаем. С 2014-2016 г. таких ответов при опросах не было получено.

Как мы видим, две крайние позиции, определявшие РФ как великую державу (таким до недавнего времени было мнение вьетнамских, китайских и монгольских коллег) и характеризовавшие роль России в АТР как маленькую или даже мизерную, набрали в 2014 г. по 1%: Ответы китайских экспертов о России как лидере в АТР к 2014 г. практически сошли на нет, а затем в 2015-2016 гг. резко возросли до 68% (см. таблицу 11).

Очень точно об этом сказал академик *Титаренко М.Л.*: «Россия зачастую не рассматривается в числе ведущих игроков региона. Между тем РФ может сыграть решающую роль в создании стратегического связующего моста между Европой и Азией, тогда как сейчас основные связи между этими двумя важнейшими регионами осуществляются обходными путями – через Индийский и Тихий океаны. В этом контексте большое значение имеет принятое решение о подключении РФ к «Форуму Азия-Европа» (АСЕМ), что откроет дополнительные возможности для работы в этом направлении» [23, с. 26].

Ещё раньше в своей работе «Россия лицом к Азии» академик *Титаренко М.Л.* писал: «Утрата многих «окон в Европу», пробитых усилиями нескольких поколений наших соотечественников, резко повысила роль дальневосточных портов и Северного морского пути с точки зрения торгово-экономических и военно-стратегических интересов РФ. Укрепление отношений добрососедства и сотрудничества со странами АТР и, прежде всего, с нашими дальневосточными соседями стало ныне для России ещё более значимым приоритетом, чем развитие её традиционных связей с европейскими и американскими партнёрами» [37, с. 7].

Таблица 11

Роль России на Дальнем Востоке и в АТР (в % по годам)

Большинство российских экспертов отмечало, что сейчас

Ответы экспертов	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1. РФ утратила в АТР утратила позиции, которые занимал СССР	36	45	49	42	26	28	37	42	65	68	68	70
2. Положительные изменения по сравнению с периодом жёсткого противостояния США-Япония-СССР, с КНР перешли к стратегическому партнёрству		12	18	25	67	12	18					
3. РФ стала более жёстко проводить гос. политику, набирает силу и вес на ДВ, участвует в ШОС, тесно сотрудничает с АТЭС. Правительство больше уделяет внимания ДВ, пытается наладить экономику		12	12	18	16	10	10					
4. При партнёрстве с Индией и КНР РФ может оказывать влияние на стратегический баланс сил в АТР	4	12	12	25	25	6	6	3	2	2	2	2
5. У РФ нет сил и средств для развития Сибири и ДВ. Эти силы и средства есть у Японии, КНР, Юж. Кореи и США, поэтому они вместе с РФ должны осваивать эти территории и ресурсы	8	8	9	8	1	3	2					
6. РФ на ДВ сейчас игрок среднего плана – менее важный, чем США, КНР и Япония, но более важный, чем Юж. Корея	4	8	9	16	6	4	3	6	8			
7. Роль РФ в АТР мала, она не поспевает за темпами развития стран региона				10	16	17	11	2	2	2		
8. РФ – великая держава, а не балансёр и не региональная держава		2	6	6	11	6	5	3	1	1	1	1
9. Никакая, мизерная									1	1	1	1

Россия – региональная сила в АТР, и это большой плюс к глобальной силе. Постепенно соотношение сил в регионе начинает выравниваться,

но в АТР мы имеем проблему – низкий уровень знания и понимания Российской Федерации и информированности о событиях в нашей стране. Мы фактически начинаем всё с чистого листа.

Зарубежные эксперты *в 2014 г.* указывали, что кризис на Украине и освещение западной прессой этих событий ухудшили имидж России на международной арене, в том числе негативную роль сыграла трагедия с малазийским Боингом. Эксперты из Республики Корея подчёркивали, что при освещении украинской проблемы российские СМИ проигрывают информационную борьбу, так как для населения АТР их информация из-за языковой проблемы недоступна, и освещение событий они получают из западной прессы. В частности, присоединение Крыма выглядит при этом следующим образом: большая и сильная страна-Россия захватила у Украины Крым. У населения в АТР формируется соответствующее такой подаче материала негативное отношение к России, так как в Азии не знают российскую историю, и не будут вникать в тонкости советского и постсоветского развития стран бывшего СССР [1, с. 49].

В заключение первой части опроса был поставлен вопрос «Как менялась ситуация на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе?», ответы на который важны в том плане, что европейский и азиатский менталитет разнятся. Очень часто мы и наши азиатские партнёры воспринимаем одни и те же события по-разному, поэтому ответы на этот вопрос дают не только констатацию изменений, происшедших в АТР, но и их оценочную характеристику представителями стран региона с указанием, что из этих событий было для них позитивным, а что – нет. Знание этих оценок и самих оценочных критериев, применяемых нашими партнёрами, позволит эффективно выстраивать российскую внешнеполитическую линию в восточном направлении, а также её энергетическую составляющую, чтобы российская энергетическая политика не воспринималась как жесткая экспансия, угрожающая соседям и вынуждающая их к определённым действиям под давлением «энергетического рубильника».

К положительным изменениям на Дальнем Востоке и в Северо-Восточной Азии по сравнению с предшествующим периодом эксперты отнесли уход от чёткого противостояния США – Советский Союз и переход от враждебных отношений с КНР к стратегическому партнёрству с этой страной, отмечая эффективность расчётливой и прагматичной политики Китая, ориентированной на экономические интересы, а не на мировоззренческие разногласия.

Эксперты сделали вывод, что *«Главный положительный момент – это относительная стабильность в регионе, так как стороны понимают, чем чреваты конфликты и их обострение»*.

В 2011 г. в интервью журналу «Китай» *Фэн Юйцзюнь*, директор Института России при Китайской академии современных международных отношений сказал: «Россия достигла передовых результатов в области некоторых научно-технических исследований, однако эта инновационная продукция составляет всего 0,25% от общего объёма её экспорта. Китай известен своими преимуществами в сфере коммерциализации и индустриализации научно-технических достижений, поэтому это вполне может стать точкой совпадения взаимных интересов наших двух стран, так как их преимущества характеризуются большой взаимодополняемостью. Особенно в сфере ядерного сотрудничества Россия и Китай могут начать изучение и освоение технологий по выработке электроэнергии нового поколения, что актуально, учитывая свертывание ядерной энергетики в мире после аварии на японской АЭС» [35, с. 29].

С этим мнением созвучна точка зрения российских экспертов. Так, Герой России, заслуженный лётчик-испытатель Квочур А.Н. отмечал: «Интересно остановиться на ситуации в КНР. С 1991 г. в Китае регулярно происходит активное реформирование и модернизация вооружённых сил, в том числе развитие авиации. Китай закупает у России военную технику, современное оружие, он осуществил прорыв в космической сфере, запустил в космос своих космонавтов (тайкунавтов). Теперь, кроме крупнейших космических держав РФ и США, которые конкурировали за освоение космического пространства, в конкуренцию вступает Китай, с намерением занять свою нишу. И тут наша задача, чтобы отношения с Китаем были равноправными, партнёрскими, а сотрудничество эффективно развивалось, в том числе и в научпроме.

Теперь о топливе. Топливо – это стратегический ресурс. В случае военного конфликта понадобится мобилизационный резерв не только для отражения первого удара, но и на весь период действий, без этого излишне говорить об обеспечении безопасности и обороноспособности страны и защите её рубежей. Проблема топлива и проблема обеспечения безопасности страны неразделимы» [38, с. 36-37].

Китайские эксперты также подчёркивали, что стратегические резервы нефти – «это род правительственных резервов, которые позволяют противостоять крупным политическим и военным кризисам, а не резервы, которые дают возможность предприятиям справиться с ценовыми рисками на международных рынках. *Стратегические*

резервы нефти – это оборонительная сила устрашения. Как и ядерное оружие, они могут никогда не быть использованы, но их нельзя не иметь» [1].

Оптимистичным был прогноз *Джу Чивэна*, редактора Чайна Дейли: «Традиционно Россия является великой державой на Дальнем Востоке и в АТР... Я верю, что по мере того, как Россия выйдет из спада, она возвратит себе значимую роль в АТР».

Говоря о лидерстве в Азиатско-Тихоокеанском регионе и межстрановой иерархии, следует учитывать, что в регионе располагаются три «великие державы», конкурирующие между собой: США, Россия и КНР. При анализе таблицы 8 мы уже рассматривали коллективную экспертную оценку, сделанную специалистами и лицами, принимающими решения в странах АТР. Однако прежде чем мы обратимся к таблице 13 и сопоставим коллективную и групповую экспертные оценки с самооценкой экспертов из США, РФ и КНР по лидерским позициям этих стран на протяжении всего периода опроса (2005-2016 гг.), нам хотелось бы сделать небольшой исторический экскурс и проанализировать сам термин «великая держава» и его эволюцию. Следует отметить, что этот термин вошел в международное право со времен Венского конгресса (1814-1815 гг.) и был принят для обозначения держав, играющих ведущую роль в мировой политике и международных отношениях, а само слово «держава» происходит от славянского «дыржа» – владычество, могущество. Понятие «держава» связано с идеологией державности – осознания политического веса своей страны, экономического и военного могущества, способности оказывать влияние, и даже давление на ближнее и дальнее политическое окружение [39, с. 98].

В Уставе ООН нет термина «великие державы», однако пять государств: СССР (ныне Российская Федерация), США, Великобритания, Франция и Китай по Уставу ООН являются постоянными членами Совета Безопасности и обладают правом вето. Особые права этих держав вытекают из той ответственности, которую они несут за сохранение мира. Термин «великая держава» активно использовался во время переговоров по определению послевоенного миропорядка на Ялтинской конференции в 1945 г. применительно к трём странам: СССР, США и Великобритании, но в официальные документы не вошёл.

Интересно привести оценку этой конференции сделанную Черчиллем У. и Рузвельтом Ф.Д. Покидая Крымскую конференцию, Черчилль заявил 14 февраля 1945 г.: «Постоянная дружба и сотрудничество трёх великих держав были провозглашены более точно и более авторитетно, чем когда-либо раньше» [40, с. 117], а Рузвельт в

отчёте Конгрессу США 1 марта 1945 г. подчёркивал, что «никогда раньше (*и никогда позже – ремарка автора*) главные союзники не были связаны более тесным единством не только в целях войны, но и в мирных целях» [41, с. 127].

Следует отметить, что на Крымской конференции американская делегация признала желательность прямого заявления со стороны постоянных членов ООН о том, что ***мирное урегулирование любого могущего возникнуть спора есть дело, представляющее общий интерес***, – дело, в котором суверенные государства, не являющиеся постоянными членами, имеют право изложить свою точку зрения без всяких ограничений. Кстати, во время дискуссии по обсуждению этого вопроса Рузвельт заявил, что цель больших и малых наций одна и та же – сохранить мир, и вопросы процедуры не должны мешать достижению этой цели [42, с. 84-87].

Обратимся к дискуссии между главами государств на Ялтинской конференции 1945 г. относительно намерений великих держав.

Сталин И.В.: «Черчилль высказал опасение, как бы не подумали о том, что три великие державы хотят господствовать над миром, но кто замышляет такое господство?

– Соединённые Штаты? Они об этом не думают (смех и красноречивый жест президента США).

– Англия? Тоже нет (смех и красноречивый жест Черчилля).

– Итак, две великие державы выходят из сферы подозрения. Остается третья... СССР. Значит, СССР стремится к мировому господству? (Общий смех).

– Или, может быть, Китай стремится к мировому господству? (Общий смех).

– Ясно, что разговоры о стремлении к мировому господству ни к чему. Мой друг Черчилль не сможет назвать ни одной державы, которая хотела бы властвовать над миром» – завершил монолог Сталин».

Политиков беспокоила судьба решений, принятых ими на Ялтинской конференции. Черчилль говорил: «Пока все мы живы, бояться нечего. Мы не допустим опасных расхождений между нами, но пройдет 10 лет, или, может быть, меньше, и мы исчезнем. Придёт новое поколение, которое не прошло через то, что мы пережили, и на многие вопросы будет смотреть иначе, чем мы. Что будет тогда?» [41, с. 127].

Уже через год 5 марта 1946 г. в Фултоне Черчилль, указав, что США находятся на вершине всемирной мощи, отметил, что на карту мира, недавно озаренную победой союзников, пала тень, так как никто

не знает, что Советская Россия и её международная коммунистическая организация намерены делать в ближайшем будущем и каковы пределы их экспансионистским и верообратительским целям. Он указывал, что от Штеттена на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес, который он называл советской сферой.

О взаимоотношениях союзников можно судить по высказыванию Черчилля о Ялтинской конференции: «Соглашение, достигнутое в Ялте, было чрезвычайно благоприятным для России, но оно было заключено в то время, когда никто не мог сказать, что война закончится весной или летом 1945 г. ...Сегодня я не вижу и не чувствую такой уверенности и таких надежд в нашем измученном мире», – завершал он свою мысль [43].

Эту речь в СССР расценили как призыв к крестовому походу против коммунизма, а между бывшими союзниками разверзлись противоречия, не преодоленные до сих пор.

Эволюция позиций и статусов крупнейших стран современности всегда была в центре внимания российских и зарубежных исследователей, которые дискутировали в разные периоды о биполярности, много- или однополярности современного мира и лидерстве стран в отдельных регионах и мире в целом.

Так, Кохен Р., признавая, что США как гегемон современного мира могли способствовать развитию международного сотрудничества, был не согласен с тем, что продолжающийся на протяжении послевоенного периода (и усугубившийся после окончания «холодной войны») процесс многостороннего сотрудничества объяснялся исключительно ролью США [44].

Как отмечает Громыко Ал.А., закон «взлёта и падения великих держав» действовал все предыдущие столетия и продолжает действовать теперь. Ни одной стране, лидировавшей в международных делах в предыдущие исторические периоды, к сегодняшнему дню не удалось удержаться на том же уровне влияния. В большинстве бывшие гегемоны свои позиции или заметно сдали, или вовсе перешли в более лёгкую «весовую категорию». Им бросали вызов новые центры силы, происходило очередное переформатирование регионального, транс-регионального и глобального влияния» [8, с. 60-61].

Относительно роли США, он указывает, что «кто-то ещё по инерции продолжает называть США сверхдержавой, но история неумолимо движется в ином направлении. Другие предсказывают появление новой сверхдержавы в лице Китая. Но уникальность

полицентричности в том, что в отличие от эпох империй, концертов держав или сверхдержав низка вероятность появления новых гегемонов вместо старых. «Силевые поля» политического, экономического и иного влияния распределены в современном мире как никогда равномерно. Как туго натянутая сеть, эти поля препятствуют чрезмерному усилению того или иного претендента на особый статус [8, с.60-61].

Идея «однополярного» мира поддерживается рядом политологов, и среди них бывший госсекретарь США Бжезинский Зб., выделивший четыре основные направления, по которым лидируют США: военно-политическое, экономическое, технологическое и массовую культуру. Но он сам же указывал, что общественное мнение в США не столь однозначно настроено в отношении гегемонистских притязаний неоконсервативного истеблишмента. Согласно опросу, проведённому в США в конце XX в., 67% респондентов высказались за усиление ООН, 60% – за усиление ВТО, 66% поддержали идею Международного уголовного суда. И Бжезинский отмечал: «Очевидно, умонастроения американцев относительно гегемонистской роли США в мире по большей части не агрессивны, и односторонний подход не пользуется популярностью» [45].

Если мы затронем концепцию глобальной иерархии, то она представляет собой комплекс идей, описывающих мировой порядок, как руководимый одной страной или группой наиболее развитых и политически сильных стран. Сторонники «американской гегемонии» в глобальном управлении ссылаются на теорию «гегемонистской стабильности», а в США и за их пределами многие политологи связывают поддержание стабильности в мире с американской или другой гегемонией, которая придёт ей на смену. Они указывают на очевидные причины эволюции политики США: плачевные итоги войн в Ираке и Афганистане, сопряжённые с колоссальными издержками на фоне мирового финансово-экономического кризиса, которые побудили Вашингтон приступить к реформатированию структуры своего глобального военного присутствия. Приоритет отныне отдаётся АТР с учётом вызовов растущей мощи Китая [46].

Очевидно, что американское «однополярное» видение мира всё меньше отвечает меняющейся конфигурации мировых сил, хотя ряд российских учёных подчёркивает однополярность современного мира. Так авторы доклада «Российско-Китайский диалог 2016» отмечали, что США – по-прежнему единственная сверхдержава, и, скорее всего их положение в мире в ближайшие десятилетия останется стабильным и не будет подвергнуто испытаниям [47, с. 6], а профессор Кувалдин В.В.

указывал, что по сей день, мы живем в однополярном глобальном мире. Нравится нам это или нет, но ведущую роль играет одна страна – США [8, с. 64].

Следует отметить, что автор не разделяет эту точку зрения. Нам более близка позиция по данному вопросу, высказанная в статье для «Bild am Sonntag» в бытность главой МИД ФРГ, нынешним президентом ФРГ Штайнмайером В., считающего избрание Трампа Д. президентом США значимой вехой, положившей конец миропорядку XX века, в результате чего старый мир должен окончательно отойти в историю.

В таблице 13 сравниваются самооценки экспертами позиций США, Китая и России за период с 2005 по 2016 гг. Данные таблицы показывают, что коллективная и групповая оценки и самооценка лидерства стран резко расходятся. При оценке США китайскими экспертами мы наблюдаем снижение оценки США как лидера в Азиатско-Тихоокеанском регионе с 50% в 2006 г. до 21% в 2012-2013 гг. и до 20% в 2014-2016 гг. Оценка российскими экспертами США выше, чем китайскими, но в ней также прослеживается снижение с 70% в 2006 г. до 34% в 2012 г. и с 50-52% в 2013-2014 гг. до 46% в 2015-2016 гг.

Интересно привести мнение Президента Шанхайской академии общественных наук Ван Чжана, высказанное им на III-й международной конференции «Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений» 29 мая 2017 г. в Москве, о влиянии США на глобализацию и мировой порядок. Он указывал, что для США характерны неожиданные решения во внешней политике, особое недовольство китайской стороны вызывает связь США с Тайванем в нарушение поддержки концепции единого Китая. Им отмечалось, что для США во внешней политике сейчас характерно двойное сдерживание (России и Китая, то есть политика типа «Киссинджер наоборот»), хотя ранее в своей предвыборной кампании в 2016 г. нынешний президент США Трамп Д. говорил о невозможности осуществления двойного сдерживания.

И Ван Чжан соответственно сделал вывод, что самый большой вызов – это угроза со стороны США, неопределённость намерений администрации Трампа, в связи с чем ей нельзя доверять».

Что же нужно для формирования доверительных отношений между странами? Ответ Ван Чжань сформулировал таким образом: «Сначала сотрудничество, а потом доверие, а не наоборот» и указал, что Россия и КНР пришли к доверию через сотрудничество.

Таблица 13 [48]

Самооценки экспертами позиций США, КНР и России за период с 2005 по 2016 гг. (в % по годам)

Самооценка американских экспертов по лидерству США скачкообразна: 66% в 2006 г., затем снижение до 25% в 2008 г., небольшой рост в 2008 г. до 30% и 45% в 2009 г., затем снова

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
США всего	1) 84	3) 56	3) 51	3) 47	3) 37	3) 34	3) 47	2-3) 40	2-3) 40	3) 41	3) 40	3) 40
Амер. Кит. Рус.		66 50 70	25 46 48	30 45 48	45 12 43	22 28 40	66 27 46	67 21 34	80 21 50	80 20 52	92 20 46	92 20 46
КНР всего	2) 72	1) 86	1) 87	1) 100	1) 100	1) 90	1) 95	1) 90	1) 92	1) 93	1) 92	1) 92
Амер. Кит. Рус.		66 100 100	60 100 100	90 100 100	100 100 100	85 100 100	67 100 100	66 100 84	100 100 82	100 100 81	100 100 80	100 100 80
Япо- ния	3) 48	2) 61	2) 62	2) 51	2) 41	2) 37	2) 54	2-3) 40	2-3) 40	2) 43	2) 43	2) 43
РФ всего	4) 32	4) 42	4) 43	4) 38	4) 24	4) 25	4) 23	4) 18	4) 17	4) 15	4) 14	4) 14
Амер. Кит. Рус.		нет 50 29	25 96 50	нет 90 50	10 60 14	11 71 13	нет 40 13	нет 14 11	нет 14 8	нет 14 9	нет 28 12	нет 68 14
Юж. Корея	5) 28	5) 24	5) 24	5) 18	5) 20	5) 12	5) 19	5) 17	5) 16	5) 14	4) 14	4) 14

снижение в 2010 г. до 10%, а затем резкий рост до 66-67% в 2011-2012 гг. и 80% – в 2013-2014 гг. В 2015-2016 гг. самооценка американцами лидерства своей страны достигла пика – 92%. То есть, чем хуже становилась экономическая и финансовая ситуация в стране, тем выше становились амбиции.

Относительно самооценки лидерства **КНР** китайскими экспертами тут всё чётко и понятно – 100% за весь период опросов. Российские эксперты с 2006 по 2011 гг. 100%-е первенство отдали китайцам, и лишь в 2012-2013-2014-2015-2016 гг. пошло небольшое снижение до 84%-82%-81%-80%. Оценки американских экспертов относительно позиций Китая сначала постепенно растут – 66%-60%-90%-100% в 2006-2007-2008-2009 гг. (соответственно), затем снижаются до 85%-67%-66% в 2010-2011-2012 гг., а потом вновь достигают 100% в 2013-2016 гг. (когда Китай уже проскочил пик своего развития).

Относительно *роли России* в АТР самые низкие оценки даны самими российскими экспертами: снижение шло с 50% в 2007 г. до 9-8% в 2013-2014 гг., также резкое снижение характерно для китайских оценок с 96% в 2007 г. до 14% – в 2012-2014 гг., затем пошёл рост – 28% – в 2015 г. и 68% – в 2016 г.

Американские эксперты за редким исключением в 2007, 2009 и 2010 гг. вообще не оценивали РФ как лидера в АТР. Экс-советник президента США Картера по национальной безопасности Бжезинский Зб. в статье в «Financial Time» «Россия, как и Украина, станет настоящей демократией» в традиционной для него русофобской манере дал следующую характеристику РФ: «Россия слишком слаба, слишком отстала и слишком бедна, чтобы восстановить империю» [49].

Как «великую державу» Россию оценивали вьетнамские, монгольские и китайские эксперты. Причём такие ответы китайских экспертов к 2014 г. практически сошли на нет, а затем в 2015-2016 гг. резко выросли до 68%.

Интересно привести высказывание на зимней сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ в 2017 г. главы российской делегации вице-спикера Государственной Думы Федерального Собрания РФ Толстого П.О., который чётко заявил: «Как бы кому не хотелось, а Россия – великая держава, наравне с США, и с ней нужно считаться» [50].

Итак, вокруг определения позиции России в мире сложилась несколько парадоксальная ситуация. Следует учитывать, что статус сверхдержавы СССР, правопреемницей которого РФ является, получил, обзаведясь в 1950-е годы XX века ядерным оружием стратегического назначения и возглавляя Восточный блок в соперничестве с Североатлантическим альянсом, возглавляемым США.

Однако трансформация миропорядка из двухполюсного в однополюсный и кардинальные изменения положения России во внешне- и внутривнутриполитической сфере сформировали парадоксальную ситуацию, когда «великая держава», обладающая ядерным оружием глобального воздействия, находилась в инвестиционной и продовольственной зависимости извне и за десять лет (с 1996 г. к 2006 г.) передвинулась с 52-го на 71-е место в мире (из первой во вторую категорию). К 2011 г. уровень человеческого потенциала РФ повысился на 5 пунктов до 66 места, такое же место Россия занимала и по индексу глобальной конкурентоспособности (с показателем +4,21).

В 2017 г. Агентство Mody's улучшило прогноз по суверенному рейтингу Российской Федерации с негативного до стабильного, однако подтвердив рейтинг на спекулятивном уровне «Ba1»

(неинвестиционный «мусорный» уровень по шкале агентства). Причиной улучшения прогноза стало принятие правительством России Среднесрочной стратегии бюджетной (фискальной) консолидации, которая должна снизить зависимость правительства от нефтегазовых поступлений и разрешить постепенное пополнение резервных запасов.

Агентство Standart & Poor's также повысило прогноз по кредитному рейтингу РФ до «стабильного» уровня, но он тоже остался на неинвестиционном «мусорном» уровне по шкале агентства. Вывод, который напрашивается: рост международного престижа России возможен только при условии роста и укрепления российской экономики. И если в начале 2017 г. у России было 370 млрд долл. золотовалютных резервов, то к июню 2017 г. уже насчитывалось 407 млрд долл. на фоне достаточно низкого внешнего долга – примерно 12-13% [51].

Однако в начале июня 2017 г. основной индикатор российского фондового рынка биржевой индекс ММВБ упал до минимума с февраля 2016 г. Эксперты считают, что на это в значительной мере повлиял одобренный Сенатом США законопроект, предусматривающий введение ограничений в отношении отраслей РФ, которые ранее санкциям не подвергались, в частности на государственные компании, работающие на железнодорожном транспорте и в судоходном секторе. Американские сенаторы запретили внесение западными покупателями предоплаты за российские товары и сырье, так как авансовые платежи можно рассматривать как скрытое кредитование [51].

С конца февраля 2017 г. иностранные инвесторы вывели из российских акций 1,6 млрд долл. США, то есть произошёл максимальный отток капитала за последние 3,5 года [52]. Больше российские фонды потеряли только в 2013 г., когда с августа в течение семи месяцев из российских активов иностранные инвесторы вывели 2,47 млрд долл. США, но тогда такой тренд наблюдался и в других emerging markets, которые потеряли более 44 млрд долл. США (см. Яндекс Новости). Большой объём средств был выведен только из Китая (4 млрд долл. США), но размер этого рынка существенно больше российского, – констатировала газета «Коммерсант». Следует отметить, что среди стран БРИКС лидируют Индия и Бразилия, фонды которых инвесторы за первые четыре месяца 2017 г. вложили 2,6 млрд долл. США и 1 млрд долл. США соответственно [53].

Аналитики «Коммерсанта» отмечали, что беспокойство инвесторов было связано с отсутствием сближения США и России, а также обострением конфликта между «Роснефтью» и АФК «Система» и падением цен на нефть (на 3 июля 2017 г. цена составляла 48.95 долларов США за баррель) [54].

О существенном увеличении оттока капитала из России в течение в январе-апреле 2017 г. объявил и «Банк России». Чистый вывоз капитала частным сектором за этот период составил 21 млрд долл. США, что более чем в двое превысило показатель первых четырёх месяцев 2016 г. – 9,8 млрд долл. США [55]. Значительно хуже ситуация была только в 2014 г., когда отток иностранного капитала за год составил 151,5 млрд долл. США (максимальный отток был в четвёртом квартале 2014 г. – 72,9 млрд долл. США).

О сложностях во взаимоотношениях между США и Россией и их экономических последствиях в своем докладе «Глобальные вызовы: переизбыток предложения на рынке углеводородов» на 13-м Российском нефтегазовом конгрессе 27 июня 2017 г. сказал Дж. Элкайнд, экс-заместитель Министра по международным вопросам Министерства энергетики США, ныне старший научный сотрудник Центра по глобальной энергетической политике Колумбийского университета. Он выразил мнение, что антироссийские санкции мешают ведению бизнеса и препятствуют экономическому сотрудничеству между США и Россией, а администрация Трампа находится в сложном положении и ей затруднительно повлиять на сложившуюся ситуацию.

Элкайнд коснулся законопроекта по санкциям против России, который принял Сенат США, указав на беспрецедентно тяжёлые требования по финансово-банковским операциям, когда кредитование для российских государственных банков ограничено периодом в две недели (максимальное снижение срока финансирования с 90 до 14 дней для российских банков, входящих в чёрный список Минфина США), а нефтегазовых компаний – одним месяцем. Компаниям и бизнесменам, которые вложат в экономику России 5 млн долл. США или 1 млн долл. США одномоментно грозят штрафные санкции.

В отличие от ряда европейских (австрийских и немецких) политиков и бизнесменов, раскритиковавших проект новых санкций против РФ и озабоченных тем, что новые санкции США усилят неопределённость на рынке газа в Европе, тем более, что США заявили о противодействии документам по реализации «Северный поток-2» [56], Элкайнд не говорил, что Америка таким образом стремится вытеснить из нефтегазового бизнеса своего российского конкурента, но он выразил точку зрения своего университета, что считает нереальной энергетическую самостоятельность США, хотя цена в 50-60 долл. США за баррель является для них комфортной, идёт рост буровых установок по сланцевой нефти и рост эффективности на 30-40% в год по бурению.

В своём мнении Элкайнд Дж. не одинок. Ещё ранее 28 марта 2014 г. на сайте «Inopressa» [57] была помещена обширная подборка материалов под названием «Официальные и негласные санкции США против России» – выдержек из статей ряда американских газет и журналов по данной тематике. Так, в одной из статей из «The Wall Street Journal» комментировался факт, что помимо одобренных Конгрессом мер США без предупреждения ввели против России «негласные» санкции, в частности, запрет на экспорт в Россию товаров военного и двойного назначения, и указывалось, что неясно, кто пострадает от этого сильнее: российские военные и промышленники или американские экспортёры? Тем не менее, в статье высказывалось трезвое опасение, что вне зависимости от того, повредит ли эта приостановка эффективности российской армии или нет, запрет на новые контракты явно может нанести ущерб американским экспортёрам.

Когда 26 марта 2014 г. Палата представителей и Сенат США подавляющим большинством голосов приняли пакет санкций против России, то, как писала газета «The New York Times», за кажущимся единодушием скрывались глубокие разногласия по дальнейшим шагам. Эти разногласия и противоречия отмечало также агентство Bloomberg, указывавшее, что администрация Обамы Б., стараясь расширить круг санкций против Москвы, ввела запрет на экспорт в Россию ряда товаров. В соответствии с этим решением 27 марта 2014 г. Госдепартамент США объявил о приостановке выдачи лицензий на экспорт товаров и услуг военного и двойного назначения в РФ (американские компании должны получать разрешение на экспорт товаров, которые могут быть использованы военными или террористами).

Был сделан следующий комментарий специалистом по экспортному контролю Бёртоном М.: «Это гораздо существеннее, чем заблокировать нескольких олигархов», ведь только в 2013 г. одно лишь Министерство торговли США утвердило контрактов на экспорт товаров в Россию на общую сумму в 1,5 млрд долл. США, что составляло 14% от всего американского экспорта в РФ. В частности, в 2013 г. с разрешения Министерства торговли США в Россию были поставлены взрыватели, использующиеся при добыче нефти и газа, на сумму 798 млн долл. США. Кроме того, ведомство одобрило поставку программного обеспечения на 367 млн долл. США» [57].

Каков же вывод американских экспертов?

Аналитик Bloomberg Industries Уэббер К. заявила: «Потенциально это может иметь гораздо более сильный коммерческий эффект для американских компаний, чем одобренные Конгрессом санкции. Побочный ущерб от этого могут понести американские экспортёры».

В статье в Foreign Policy «США негласно ввели против России новые санкции», посвящённой этой же теме, в комментарии о прекращении выдачи (без предупреждения) лицензий на продажу России потенциально опасных товаров Бюро индустрии и безопасности Министерства торговли США, а эта мера вступила в силу ещё 1 марта 2013 г., процитировало мнение Джейкобсона Д., юриста из фирмы «Jacobson Burton»: «Это будет иметь отрицательное влияние на те американские компании, которым нужны лицензии для отправки товаров в Россию, особенно в нефтяном, газовом и химическом секторе» [57].

Как видим, американские бизнесмены и юристы трезво оценивают возможные последствия от введения и ужесточения руководством своей страны санкций против России.

Уместно вспомнить предостережение первого вице-премьера России Шувалова И.И. относительно санкций, сделанное им в марте 2014 г. Выступая в Совете Федерации, Шувалов уточнял, что российская экономика может пострадать не столько от юридически оформленных, сколько от негласных санкций со стороны зарубежных партнёров: «Внешнее сжатие совсем необязательно возможно в результате каких-то конкретных юридических актов Евросоюза и США, ведь можно ещё действовать фактически, давать инструкции своим инвестиционным фондам, разговаривать – совсем неофициально – с рейтинговыми агентствами, посылать сигналы разным образом. Поэтому те, кто связан с экономикой, должны понимать, что худший сценарий – это не только тот, который связан с формальными санкциями, а с тем, как будут вести себя крупные инвесторы в результате фактических действий, которые юридически не оформлены». И Шувалов И.И. указывал, что Россия не намерена уходить со своих рынков сбыта из-за санкций ЕС и США, но станет активнее работать с новыми партнёрами: «Мы не будем хлопать громко дверью и уходить с традиционных рынков, если нас оттуда не будут выпихивать, но мы должны повернуться к новым партнёрам и открыть для себя новые возможности продаж наших товаров» [58].

Отмечая, что международные рейтинговые агентства S&P и Fitch в тот период ухудшили прогнозы по долгосрочному рейтингу РФ

со стабильного до негативного в связи с возможными последствиями санкций со стороны ЕС и США, Шувалов И.И. заявил, что Россия не будет всецело зависеть от международных рейтингов и уточнил, что такую работу ведёт Банк России, а в Китае стартовал проект по созданию новой сети международных агентств, и российские компании, которые занимаются кредитованием, к этой работе подключились. И сделал вывод: «Это будет совершенно независимая система. Конечно же, мы заинтересованы в том, чтобы никакое рейтинговое агентство не было под влиянием своих правительств и политических сил, чтобы, когда нужно, имидж или инвестиционный рейтинг той или иной страны понизить. Мы уже в 2008 г. понимали, насколько это опасно» [58].

Завершая первый раздел, можно сделать *следующие выводы* о ситуации в АТР в целом:

1. Процесс глобализации повлиял на содержание и структуру международных отношений. Изменилась расстановка сил в Северо-Восточной Азии, где лидирующие позиции занял Китай.

2. В новой топологии мирового устройства проблема безопасности трактуется качественно иным образом, с учётом экономического состояния стран. Возникли новые угрозы. Процесс глобализации объективно делает актуальной новую систему безопасности в мире, которая должна быть основана на взаимном сотрудничестве. В этой связи нельзя не согласиться с Карагановым С.А., что «глобализация, новая открытость мира – это вызов, которым нужно суметь воспользоваться, чтобы не остаться на обочине. Наша задача – не отгораживаться от процесса глобализации, а разработать стратегию приспособления к новым процессам и явлениям, выгодную для общества и страны» [59]. Итак, задача состоит в том, чтобы сформировать такую стратегию и чётко определить приоритеты.

3. В геополитической макроструктуре Азиатско-Тихоокеанского региона Россия не является доминирующим субъектом, но регион остаётся зоной принципиальной стратегической важности для РФ. В формируемой геополитической конфигурации РФ должна упрочить свои политические и экономические позиции, чтобы не допустить своего вытеснения из этого региона. Инструментами решения этой задачи являются подъём экономики, дипломатические усилия, в т.ч. связанные с использованием противоречий различных стран в регионе.

4. Геостратегическая значимость Азиатско-Тихоокеанского региона для России обусловлена задачей обеспечения территориальной и пограничной безопасности, поскольку именно там Россия имеет наиболее протяжённые сухопутные и морские границы и обширные приграничные территории, богатые природными ресурсами. В этом

регионе наша страна испытывает геополитическое и геоэкономическое давление со стороны соседних государств. В то же время, несмотря на значительное сокращение зоны влияния бывшего СССР, в Восточной Азии сохраняются важные интересы России.

5. Учитывая возрастание темпов экономического развития государств АТР, Россия должна последовательно и настойчиво проводить активную экономическую политику, укреплять и развивать экономику российского Дальнего Востока, создать стратегическую модель поведения, направленную на рациональное стратегическое партнёрство со странами Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии.

6. АТР объективно важен для России, поэтому идёт поиск оптимальных путей решения региональных проблем. Для чего необходимо глубокое изучение геополитической ситуации в мире в целом и на Дальнем Востоке в особенности, чёткое определение роли и места России в регионе и создание механизмов по упрочению позиций РФ в нём.

Если мы вернёмся к рассмотрению состояния нынешних отношений между США и Россией, которое все эксперты оценивают, как беспрецедентно плохие, следует обратиться к предшествующему периоду. Такая ситуация возникла не вдруг и не спонтанно, она складывалась и формировалась все последние десятилетия.

Нелишне вспомнить, что в финальный период своего президентства Клинтон Б. предлагал реорганизовать всю систему международных отношений. Вроде бы, объективное желание, так как проблемы и вызовы глобализации становятся всё более очевидными для каждого, а решения и ответы, предлагаемые современными государствами и межгосударственными институтами, оказываются недостаточно эффективными [60]. Вот только ситуацию Клинтон интерпретировал по-иному. Он говорил, что международная договорная система утратила актуальность и считал, что отношения между государствами должны строиться на неформальной основе: есть необходимость – ударили по рукам, нет – не нужно и договор денонсировать. И вот тут-то и хотелось бы остановиться на аспекте «ударить по рукам».

США по-прежнему играют и стремятся играть роль мирового полицейского, который не считается с мировым правом и ООН – как организацией-регулятором международных отношений. В своё время США развязали войну в Ираке под предлогом борьбы с угрозой химического оружия, которая якобы исходила от этой страны, и наказания Саддама Хусейна за применение химического оружия против Ирана. После казни Хусейна и разгрома могущественной

южно-азиатской державы США очень скромно заявили о своей ошибке, так как химическое оружие не было найдено в Ираке.

А что же европейские союзники США? Как отмечает Рувинский Ю.И. в своей монографии «Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы», тогда американцев твёрдо поддержали Великобритания и наиболее лояльные члены НАТО, особенно страны Центральной и Восточной Европы, недавно вступившие в альянс. В то же время Германия дистанцировалась от них, а Франция прямо осудила американскую авантюру в ООН. Но спустя 10 лет после антииракской кампании, с началом революций «арабской весны» ситуация круто изменилась.

В ходе гражданской войны в Ливии наиболее активной участницей вооружённой интервенции на стороне противников режима Каддафи оказалась Франция при поддержке Великобритании. США предпочли ограничить своё участие технической поддержкой. Германия и Польша дистанцировались от конфликта и воздержались при голосовании в ООН по Ливии. Похожий расклад сил сложился, как отмечает российский исследователь Рувинский Ю.И., и в связи с гражданской войной в Сирии [8, с. 51]. И эксперты отмечают, что всё более очевидным становится то, что американское «однополярное» видение мира всё меньше отвечает меняющейся конфигурации мировых сил, хотя ряд учёных подчёркивает однополярность современного мира.

Следует отметить, что в сфере безопасности после распада социалистического блока и уничтожения Организации Варшавского Договора, Североатлантический альянс (НАТО) стал безальтернативным военным блоком, а США сильнейшей в военном отношении державой. Потенциал сил общего назначения США не имеет себе равных в мире по показателям качества вооружений и военной техники и уровню боеготовности частей и соединений всех видов и родов войск. США являются «воюющим государством»: на протяжении последнего десятилетия через «горячие точки» (войны в Афганистане, Ираке, Сирии) прошли практически 100% личного состава их вооружённых сил. И это в то время, когда система глобального управления на современном этапе переживает многоаспектный кризис.

Итак, модель, которая должна была идеально регулировать отношения между странами через ООН и экономико-финансовые отношения через Всемирный банк, МВФ, МБРР, ВТО, через региональные организации, такие как Европейский Союз, даёт сбой и не срабатывает. Данные структуры не смогли предотвратить мировой финансовый кризис и кризис Евразии. Как отмечают все российские

и зарубежные эксперты, сужается реальное влияние ООН на международные дела. США и блок НАТО при необходимости действуют самостоятельно без опоры на решения ООН.

Если для проведения операции «Буря в пустыне» Североатлантическим альянсом был получен мандат ООН, то уже в 1999 г. в Косово действия НАТО проводились без этого мандата. В 2003 г. в Ираке США и Великобритания действовали в коалиции без поддержки НАТО, так как её не удалось в полной мере обеспечить. Так было при проведении военных действий США и НАТО по смене неугодных режимов: в Югославии в 1999 г., Ираке в 2003-2011 гг., Ливии в 2011 г.³⁴; в военных компаниях в Афганистане и Сирии.

Эти события указывают на невыполнение Декларации о принципах международного права, принятой XXV сессией Генеральной Ассамблеи ООН 24 октября 1970 г. и её основных принципов: неприменении силы или угрозы применения силы; мирном разрешении международных споров; невмешательстве в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств; обязанность государств сотрудничать друг с другом в соответствии с Уставом ООН; равноправии и самоопределении народов; суверенном равенстве государств; добросовестном выполнении обязательств, принятых странами в соответствии с Уставом ООН.

Однако завершить первую главу данного раздела нашей книги хотелось бы на оптимистичной ноте цитатой из Декларации тысячелетия, утверждённой Генеральной ассамблеей ООН в 2000 г.: «Обязанность по управлению глобальным экономическим и социальным развитием, а также по устранению угроз международному миру и безопасности должна разделяться между народами мира и осуществляться на многосторонней основе» с надеждой, что она будет реализована в обозримом будущем.

Реферативный список:

³⁴ Кстати, Совет Безопасности ООН принял резолюцию по введению против Ливии санкций, включающих, в т.ч. запрет на торговлю оружием и введение беспилотной зоны, но санкций на военные действия он не давал. Китай активно содействовал общей позиции стран БРИКС на саммите в КНР 14 апреля 2011 г. с требованиями отказаться от применения военной силы в Ливии и готовности сотрудничать по этому вопросу с ООН. Требование уважать суверенитет арабских государств и не допускать иностранного вмешательства в их дела нашло отражение в Декларации на юбилейном заседании ШОС по случаю 10-летия создания этой организации. [61, с. 13].

1. Комплексная характеристика ситуации в АТР (по результатам международных экспертных опросов в 2005-2016 гг.) / Под ред. Рубан Л.С. – М.: Academia, 2016. 359 с.
2. Авианосная ударная группа ВМС США отправилась в Южно-Китайское море <http://www.mk.ru/politics/2017/02/19/avianisnaya-udarnaya-gruppa-vms-ssha-otpravilas-v-yuzhnokitayskoe-more-html> [Дата последнего обращения: 30.07.2019].
3. Рубан Л.С., Катаева Е.Г., Хегай В.К. Геостратегические интересы Российской Федерации на Дальнем Востоке – М.: Academia, 2006. 404 с.
4. Коржубаев А.Г. Тихоокеанский рынок нефти и газа – основное направление экспортных поставок из России // Бурение и нефть № 1, 2010. С. 6.
5. Россия – АТР: горизонты энергетического сотрудничества / Под ред. Рубан Л.С. – М.: Academia, 2012, 2013. 284 с.
6. Волков В. Скованные одной цепью // Большой бизнес. Апрель 2010. С. 128-129.
7. Попов В.В. Стратегии экономического развития – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 336 с.
8. Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы – М.: Институт Европы РАН, Нестор-история, 2013. 100 с.
9. Небренчин С.М. Редакционная статья // ТПП-Информ. Путеводитель российского бизнеса. Апрель 2015. С. 1.
10. Новости финансов//Москва-Пекин. Январь-февраль 2017. С.60.
11. Валютный альянс Москвы и Пекина// Москва-Пекин. Май-июнь 2017. С. 12.
12. Народный банк Китая: корректировка курса юаня в целом завершена. Zhang Chunlei / ТАСС. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2651958> [Дата последнего обращения 08.11.2018].
13. Банк Китая поверг мировые рынки в шок. НТВ. <http://www.ntv.ru/novosti/1462958> [Дата последнего обращения: 12.10.2019].
14. Ратников А., Ткачев И., Макаренко Г. Зачем Китай снизил стоимость юаня? <http://www.rbcdaily.ru/economy/562949996561327> [Дата последнего обращения 21.11.2019].
15. Мировые рынки видят в движении юаня к мировым стандартам... // Коммерсантъ № 145 от 13.08.2015, с. 1. <http://www.kommersant.ru/doc/2787354> [Дата последнего обращения 08.11.2018].
16. Шанхайская биржа рухнула на 8,5% на внутреннем пессимизме. РИА Новости 24.08.2015 [m.ria.ru/economy/20150824/1203557458.html](http://ria.ru/economy/20150824/1203557458.html) [Дата последнего обращения: 21.11.2019].

17. Анушевская А. Экономика Китая: гнется, но не ломается // Москва-Пекин. Январь-февраль 2017. С. 54.
18. Ху А. Китай и мир к 2030 г. Доклад в Институте Дальнего Востока РАН. 02.02.2012.
19. Островский А.В. Вперед, к обществу «Фуюй» // BRICS. 2015. № 2. С. 62-64.
20. Нефть России № 3- 2010, с. 12.
21. Оверченко М. Поворот на Восток может быть опасен для России. Экономика Китая вот-вот от замедления может перейти к рецессии // Ведомости. 10.08.2015. <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/08/10/604120-povorot-na-vostok-mozhet-bit-opasen-dlya-rossii> [Дата последнего обращения 08.11.2018].
22. Примаков Е.М. Партнеры не станут врагами. Деловой завтрак // Российская газета – 22 октября 2009 – № 201 (5025). С. 18.
23. Титаренко М.Л. Россия и её азиатские партнеры в глобализирующемся мире – М.: Форум, 2012. 544 с.
24. Сухаревская А. Кандидат-небоскреб: как миллиардер Дональд Трамп заработал \$10 млрд. 13.08.2015, <https://www.rbc.ru/business/13/08/2015/55cc8da59a794702b4bcb154> [Дата последнего обращения 00.00.2019].
25. Ростовский М. Трамп спел России «лебединую песню»: роман пора заканчивать (на первой же пресс-конференции президент США признал свое бессилие «развернуть» американскую политику <http://www.mk.ru/poli-tics/2017/02/17/tramp-spel-rossii-lebedinuyu-pesnyu-roman-pora-zakanchvat.htm> [Дата последнего обращения 00.00.2019].
26. Трамп похвалил Тиллерсона за работу в Москве. 12.04.2017 <http://mk.ru/politics/2017/04/12/tramp=pokhvalil-tillersona-za-rabotu-v-moskve.htm> [Дата последнего обращения: 30.07.2019].
27. Why Do We Want a Cooperative Relationship With Russia? What Time magazine doesn't understand about the noninterventionist right. By George D. O'Neill JR. April 24, 2017 (Зачем нам сотрудничество с Россией? 25.04.2017. Дж. О'Нил-младший (George D. O'Neill Jr.). <https://www.theamericanconservative.com/articles/why-do-we-want-a-cooperative-relationship-with-russia/> [Дата последнего обращения: 21.11.2019].
28. Компания вице-президента РЖД договорилась с властями США без суда. <http://www.mk.ru/economics/2017/05/13/ssha-zaklychili-soglashenie-s-kompaniey-ossiyanina-po-aktu-magnitskogo.html> [Дата последнего обращения 08.11.2018].
29. АСЕАН в начале XXI века – М.: Форум. 2010. С. 3, 5.
30. Севастьянов С. Форум АТЭС: проблемы эффективности и перспективы развития // Космополис № 3 (22). 2008. С. 146.

31. Локшин Г. АТЭС и саммит-2012: горизонты надежд для России // Проблемы Дальнего Востока № 1, 2012. С. 17.
32. Ван Фан. Новые отношения в новый период // Китай № 8/2011. С. 24-25.
33. Рубан Л.С. К характеристике ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе (по результатам международных экспертных опросов в 2005-2014 гг.). СОЦИС № 2. 2016. С. 102-109.
34. Митрова Т.А. России важно чётко заявить об инвестиционных планах по новым СПГ-проектам // Oil&Gas Journal Russia. Апрель 2012. С. 26.
35. Ли Бо. 200 млрд долларов – это не мечта, а реальность! // Китай № 8 (70). Август 2011. С. 27-29.
36. Коржубаев А.Г. Перспективы сотрудничества России с Китаем в нефтяной сфере // Бурение и нефть. № 07-08/2009. С. 14-15.
37. Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии – М.: Республика, 1998. 322 с.
38. Рубан Л.С. Восточный маршрут российских углеводородов – М.: Известия, 2008. 240 с.
39. Политология. Энциклопедический словарь. – М., 1991. С. 98.
40. Внешняя политика Советского Союза. Т. 3. С. 117.
41. Информация, дипломатия, психология – М.: Известия. 2002. 616 с.
42. Крымская конференция трех великих держав – СССР, США и Великобритании. Сб. документов – М.: Политиздат, 1984. С. 84-87.
43. Фултонская речь Черчилля. <http://www.coldwar.ru/churchill/fulton.php> [Дата последнего обращения: 30.07.2019].
44. Keohane R.O. After Hegemony. Princeton: Princeton University Press, 1984.
45. Бжезинский, 36. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство? / пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2005. – С. 252–253. (Brzezinski, Z. The choice. Global domination or global leadership? / transl. from English – Moscow: International relations, 2005. – P. 252–253).
46. Проблемы глобального управления <http://biofile.ru/geo/15378.html> [Дата последнего обращения 08.11.2018].
47. Российско-Китайский диалог 2016. Доклад № 25 / 2016 – М.: РСМД. 2016. С. 6.
48. Ruban L.S. The Expert Assessment of the Situation in the Asia-Pacific Region by the Scholars, Businessmen and Decision Makers (based on the Results of the International Expert Survey in APR in the Period 2005 to 2016). Вопросы государственного и муниципального управления № 5. Февраль, 2018. С. 43-55.

49. Россия слишком слаба, слишком отстала и слишком бедна
<http://ex-press.by/article.php?id=77940> [Дата последнего обращения: 20.06.2018].
50. Толстой ответил делегату США в ПА ОБСЕ по поводу «стандартов демократии». 24.02.2017 <http://politika/4049261> [Дата последнего обращения: 00.00.2019].
51. Калюков Е. Индекс ММВБ упал до минимума с февраля 2016 г. news.inspirial.ru/indeks-mmvb-upal-do-minimuma-s-fevralya-2016-goda [Дата последнего обращения 08.11.2018].
52. Иностранные инвесторы за 4 месяца вывели из российских 1,6 млрд долларов. Радио «Эхо Москвы». 03.07.2017. <http://echo.msk.ru/news/2011384-echo.htm> [Дата последнего обращения: 03.07.2019].
53. Эксперты зафиксировали рекордный отток иностранного капитала из России <https://www.rbc.ru/finances/03/07/2017/5959af719a79472e01731a7e> [Дата последнего обращения: 30.07.2019].
54. Пионтковский Крупнейшая психиатрическая катастрофа XXI века. http://echo.msk.ru/blog/piontkovsky_a/1783668-echo/ [Дата последнего обращения 14.06.2018].
55. www.rbc.ru/rbcfreenews/5915bc8a9a79474771420a4b [Дата последнего обращения 02.04.2019].
56. Жандарова И. S&P: Новые санкции США усилят неопределенность на рынке газа в Европе. <https://rg.ru/2017/08/08/sp-novye-sankcii-ssha-usiliat-neopredelennost-na-rynke-gasa-v-europe.html> [Дата последнего обращения 08.11.2018].
57. Официальные и негласные санкции США против России. <https://www.inopressa.ru/article/28mar2014/inopressa/sanctions.html>. [Дата последнего обращения 08.11.2018].
58. Шувалов И.И «Негласные» санкции могут быть опаснее официальных. 26 марта 2014 г., <http://www.newsru.com/finance/26mar2014/shuvalov.html> [Дата последнего обращения: 30.07.2019].
59. Караганов С.А. Шансы и угрозы нового мира // Россия в глобальной политике. М.: 2003. Том 1. № 2. С. 13-14.
60. Стецко Е.В. Глобальное управление и роль неправительственных организаций в его становлении // [terrahumana.ru archive/12_04/12_04_23.pdf](http://terrahumana.ru/archive/12_04/12_04_23.pdf) С. 110. <http://netess.ru/3knigi/1126656-1-110-udk-327-3297-bbk-664-667-stecko-globalnoe-upravlenie-rol-npravitelstvennih-organizacij-ego-stanovlenii-global.php> [Дата последнего обращения 30.07.2019].
61. Проблемы Дальнего Востока № 6, 2011. С. 3, 8.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Часть I. Международное сотрудничество проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком») и исследования по международным отношениям, геополитике и глобалистике.....6

Часть II. Статьи в журналах, доклады и тезисы в сборниках

2016 год

1) Статья «К характеристике ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе (по результатам международных экспертных опросов в 2005-2014 гг.)» в журнале СОЦИС № 2. 2016. С. 102-109.....53

2017 год

2) Статья «Полный Трамп или утраченные иллюзии» в журнале Наука. Культура. Общество № 3-4 2017. С. 132-146.....66

2018 год

3) Статья «Сингапур до и после Ли Куан Ю: путь от маленькой красной точки на карте до процветающего государства» в журнале Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Том 2 № 4 (41). С. 153-162.....82

4) Статья «The Expert Assessment of the Situation in the Asia-Pacific Region by the Scholars, Businessmen and Decision Makers (based on the Results of the International Expert Survey in APR in the Period 2005 to 2016) (на англ. языке) в журнале Вопросы государственного и муниципального управления № 5. Февраль, 2018. С. 43-55.....91

2019 год

5) Статья «Geopolitical Challenges, Leadership and Forming Energy Security in APR. Difficult Way to Cooperation» // Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belonging. View from Russia collected papers European Sociological Association 14th Conference «Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belongin». М.: РОС, 2019. С. 42-50.....106

2020 год

6) Статья «Парадоксы российско-сингапурских отношений» в журнале Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. 46. 2020. С. 413-425.....114

7) ЮАР: реституция страны, проблемы равенства и справедливости (Рецензия на книгу Ш. Шварц «Другая страна. Повседневная социальная реституция. Swartz S. Another Everyday Social Restitution

Country. Cape Town, 2016. 304 p.). Вестник РУДН Серия «Социология» № 4, 2020.....126

Часть III. Главы в монографиях

2001 год

8) «Россия – СРЮ: сравнительный анализ межнациональных и федеративных отношений». Глава в монографии «Россия федеративная: проблемы и перспективы». Москва: РИЦ ИСПИ РАН, 2001. 360 с. С. 269-291. В соавторстве с Карасёвым А.В., Цветковым О.М., авторство не разделено.....135

2003 год

9) «История Каспийского моря и его разграничения». Глава V в монографии «Каспий – море проблем». М.: Academia, 2003. 279 с...163

2019 год

10) «Комплексная характеристика ситуации в АТР в контексте международных отношений». Глава в монографии «АТР глазами экспертов (международная экспертиза 2005-2019 гг.)». Москва: Academia, 2019. С. 9-51.....191

Научное издание

Рубан Лариса Семеновна

ИЗРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ПЯТИ ТОМАХ

ТОМ 3

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ,
ГЕОПОЛИТИКА И ГЛОБАЛИСТИКА

Технический редактор: Брушлинская О.Т.

Корректор Филиппова М.А.

Сдано в набор «__» _____ 2023 г.

Подписано в печать «__» _____ 2023 г.

Тираж – 100 экз. Печ. л. 15,3.

Формат 70x100 1//16. Заказ № _____

Larissa S. RUBAN **SELECTED WORKS**

Volume 3. **INTERNATIONAL RELATIONS, GEOPOLITICS AND GLOBALISM**

Профессор Рубан Лариса Семёновна, доктор социологических наук, работает в Институте востоковедения РАН и ИСПИ ФНИСЦ РАН, является членом Союза писателей России (СПР). Опубликовала 420 работ. Основатель и руководитель международного проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком») уделяет большое внимание пропаганде русского языка, литературы и культуры за рубежом и регулярно передаёт свои произведения в научные и образовательные организации.

За развитие толерантности у молодёжи Рубан Л.С. награждена Орденом «За вклад в просвещение» (2008) и медалью «За развитие образования» (2009), ей объявлена «Благодарность» министром образования и науки России (2017). За пропаганду русского языка, литературы и культуры за рубежом получены Почётные грамоты от APWG и Посольства Филиппин (2010), премия Министра культуры и туризма Непала (2011); медаль «20 лет СНГ» (2011); благодарность Посла Вьетнама в РФ (2012); Почётные грамоты Посольства Венесуэлы (2017) и Латиноамериканского Дома в РФ (2019), благодарственное письмо от Департамента внешнеэкономических и международных связей правительства города Москвы (2019). В 2020 г. проф. Рубан Л.С. награждена Московской городской организацией СПР Дипломом «За верность отечественной литературе» и медалью И.А. Бунина, как лауреат конкурса «Преодоление» Дипломом литературно-общественной премии «Гранатовый браслет» им. А.И. Куприна с вручением медали Куприна, а в 2021 г. медалью «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы». Затем Рубан Л.С. стала лауреатом литературно-общественной премии «Жизнь задыхается без цели» и медалью Ф.М. Достоевского, дипломантом литературно-общественной премии «Кому на Руси жить хорошо» и медалью Н.А. Некрасова. В 2022 г. она стала лауреатом премии «Золотая осень» и была награждена медалью С.А. Есенина, и дипломантом премии «Наш век» с вручением медали Ф.И. Тютчева.

